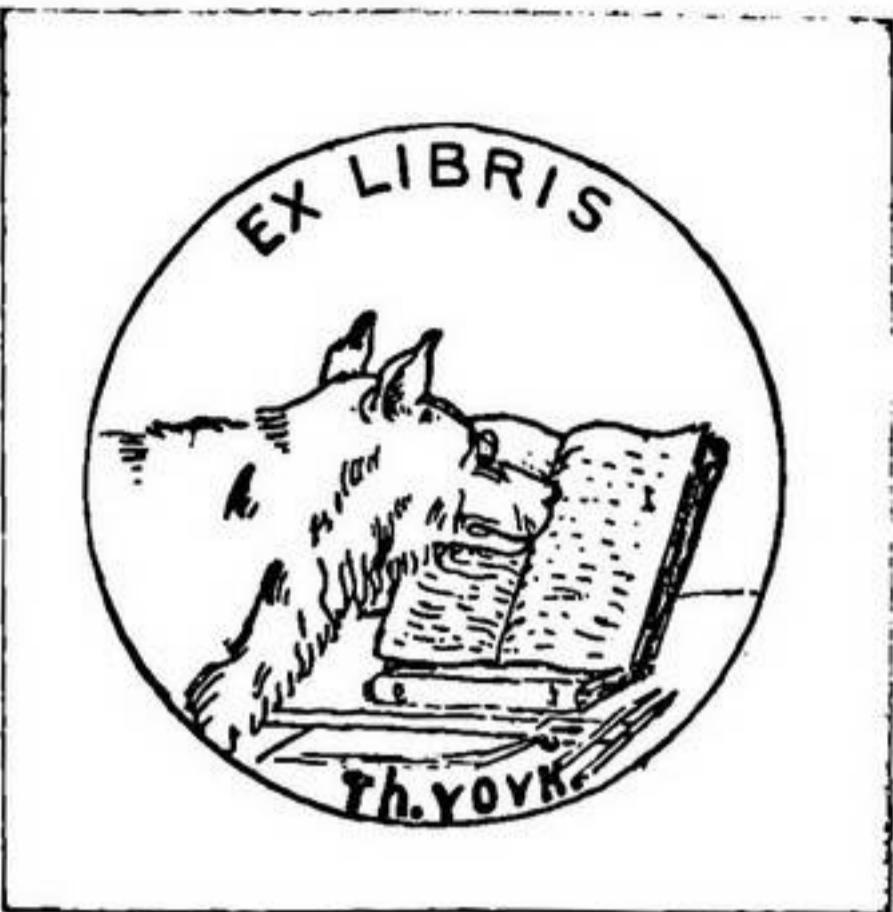

1110.
V
30475

UNION LIBRE

Опытъ

ESSAI D'UN PROGRAMME POLITIQUE ET SOCIAL UKRAINIEN

Par M. Dragomanov.

WOLNY ZWIĘZEK

VOLYNA CIVIL SOCIETY

ВОЛЬНЫЙ СОЮЗЪ — ВІЛЬНА СПІЛКА

ОПЫТЪ

УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

СВОДЪ И ОБЪЯСНЕНИЯ

M. Драюманова.

БІБЛІОТЕКА

Імп. французск. друкарнії А. Г. І.

ВУАН

Іпп. № 110.

ЖЕНЕВА

ТИПОГРАФІЯ «ГРОМАДА»

1884

FREIER BUND

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ЧЕРЕЗЪ:

H. GEORG, Corraterie, 10, Genève

ГРОМАДА, Українська збірка впорядкована М. Драгомановим.
№ 1. Переднье слово. Женева. 1878, 2 фр.

Межі нашої мужицької України в Россії є Австрії. — Наши сусіди-мужики. — Чуже начальство є панство на нашій землі. — Змаганьня наших простих льudej до волі є спільноти на всій нашій Україні в козацькі часи XVII ст. — Остатній поділ наших льudej: неволя в XVIII ст. — Змаганьня наших льudej до волі є спільноти в XIX ст.: письменство українське є наука про Україну в Россії; змаганьня мужиків до волі є землі. — Змаганьня наших льudej до волі духовної в XVI—XVII ст. є попівська неволя в XVIII—XIX ст.: братства міщанські в XVI ст. є сельянські в XIX ст., (льude божі є штуни). — Змаганьня наших льudej до волі є землі в Австрії. — Марність надії на царство є попівство. — Своja вольна на своїй землі. — Можливість і вартість своєї української держави. — Українська козацька держава XVII ст. є правдива своja вольна: — товариство є безначальство. — Товариство в Січі Запорожській. — Товариські є громадівські змаганьня є наука в Європі є Америці: — соціалізм. — Однаковість українських і соціальних змагань.

Конечна ціль громадської праці. — Зміни половинні є посередні станиці: державні зміни. — Служба льudej з теперішнього панства мужицьким громадам. — Проби такої служби на Україні: українські, польські є всеросійські. — Потреба ясно одмежованого українства в тій службі. — Всесвітня наука є краєва праця. — «Всесвітня спілка робітників» і товариства по країнам і породам. — Українські потреби громадівської праці: політичні вільності, осілості по країнам і громадам і спеціальність праці; живі повстання громадських льudej; потреба праця не політичних і зріст нових порядків в громадах; праця противупошівська є наукова. — Український соціалізм — не партія, а громада.

Шо тепер може зробити українська печать? — Українці в чужій печаті. — Наші думки про чужих льudej на Україні. — Наші супротивники є спільноти. — Федеральна спілка в Россії є в Австрії. — Спілка демократії в незалежних породах в Європі. — Користь з неї для державних пород. — Спілка українців з західними славянами. Порядок видань „Громади“.

ГРОМАДА, № 2. Женева. 1878, 8 фр.

Звістки про Україну 1876—1877. Од впорядчика М. Драгоманова; Життя по селам: I. «Здирство»; A) Богатирі є бідні: 1, Поділ землі. 2, У наїмах. 3, Мошенства панів і підшанків. B) Начальство: 1, Крестьянське начальство. 2, Царське начальство. 3, Земство. II «Темнота»: Народні школи на Україні серед життя є письменства в Россії. М. Драгоманова; Шо нового по газетах? I—V. С—ого. Україна є центри I.—III. М. Драгоманова. Одповіді впорядчика; Прилога. Лічба „Общества пособія політическим изгнаникамъ изъ Россіи“.

ГРОМАДА, № 3. Женева. 1878, 2 фр.

«Лихі льude», один листочек з життя. Новість.

ГРОМАДА, № 4. Женева. 1879, 6 фр.

Біржове мошенство та запродана печать. I.—III. II. М.; Добавка од впорядчика. (Хиба російської є української печати про мужицьке життя); Т. Г. Шевченко є його думки про громадське життя, С—а.; Уваги впо-

ВОЛЬНЫЙ СОЮЗЪ — ВІЛЬНА СПІЛКА.

ОПЫТЪ

УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

СВОДЪ И ОБЪЯСНЕНИЯ

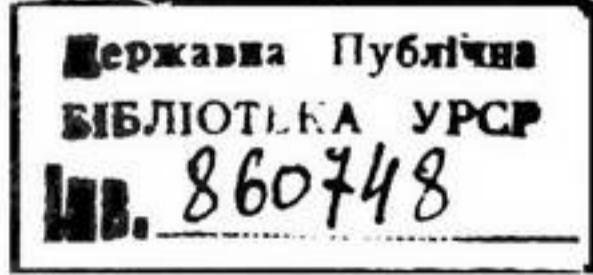
M. Драганова.

ЖЕНЕВА

ТИПОГРАФІЯ «ГРОМАДА»

—
1884

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

Съ 1876 г. изданіе украинскаго сборника «Громада» и рядомъ съ нею брошюре на русскомъ и французскомъ языкахъ, а потомъ газеты «Вольное Слово» и другихъ публикацій, въ которыхъ мы постоянно доказывали необходимость организованного общественнаго движения для установленія въ Россіи политической свободы, привело насъ въ столкновеніе, помимо нашихъ ближайшихъ политическихъ друзей и земляковъ, съ разнообразными элементами изъ населеній Россіи. Люди разныхъ племенъ, классовъ и политico-соціальныхъ направленій высказывали намъ свои соображенія по затрагивающимъ въ нашихъ публикаціяхъ общественнымъ вопросамъ, а равно вызывали насъ на дальнѣйшее изложеніе нашихъ мыслей, требуя отъ насъ болѣе или менѣе подробной политico-соціальной программы, приспособленной къ практическимъ условіямъ настоящаго положенія Россіи. Нѣкоторые сообщали намъ свои наброски подобныхъ программъ. Наконецъ, слѣдя за мыслями, какія высказывались съ 1878 г. въ различныхъ земскихъ собраніяхъ какъ объ общемъ положеніи Россіи, такъ и по вопросу о т. наз. мѣстномъ управлениі, мы часто встрѣчали какъ подтвержденіе нашихъ политическихъ соображеній, такъ и дополненія къ нимъ или выраженія ихъ въ болѣе практической формѣ. Напечатанная въ концѣ прошлаго года и распространявшаяся въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ «Политическая Программа Земскаго Союза», которая въ значительной степени есть ничто иное, какъ только систематической сводъ отдѣльныхъ положеній и желаній, высказанныхъ въ упомянутыхъ собраніяхъ.—въ свою очередь послужила намъ поводомъ къ собиранию различнаго рода политическихъ соображеній. Хотя эта программа составлена была не нами, а людьми, поставленными въ болѣе непосредственное, чѣмъ мы,

соприкосновение съ практическою жизнью, но такъ какъ она была опубликована въ связи съ газетою, въ которой мы принимали дѣятельное участіе и такъ какъ основные положенія ея согласны съ тѣми, которыхъ мы развивали въ нашихъ публикаціяхъ, — то многія лица обратили ка намъ свои замѣчанія по поводу этой программы *).

Такимъ образомъ у насъ составился извѣстный запасъ политico-социальныхъ соображеній, общихъ намъ съ нашими читателями, продуцтъ столько же индивидуальной, сколько и коллективной работы мысли, возбужденной положеніемъ Россіи въ послѣдніе годы. Намъ показалось, что напечатаніе систематического свода этихъ соображеній было бы нелішнимъ, хотя бы только для того, чтобы послужить поводомъ для дальнѣйшаго обсужденія вопросовъ, съѣмъ думать, довольно важныхъ, при настоящемъ положеніи Россіи, уже потому, что они возникли не въ фантазіи одного-другого индивидуума, а возбуждены самою жизнью въ умахъ значительного количества самыхъ разнообразныхъ индивидуумовъ. Вопросы эти касаются основъ политического переустройства Россіи и необходи-
мѣйшихъ для нея социально-экономическихъ реформъ. Для удобства обсужденія этихъ вопросовъ, мы раздѣлили наше изложеніе на двѣ части: въ первой мы поставили рядъ категорическихъ положеній,—которыя могутъ быть вѣрны, или невѣрны независимо отъ нашего умѣнья поддержать ихъ своими аргументами; — въ другой самые эти аргументы въ поддержку тѣхъ положеній, которыхъ требуютъ разъясненія или которыхъ, какъ мы знаемъ по опыту изъ предварительного обмѣна мыслей нашихъ съ разными лицами, встрѣчаютъ извѣстныя возраженія.

Не смотря на то, что мыользовались политическими соображеніями лицъ изъ разныхъ концовъ Россіи, и не смотря на наше глубокое убѣжденіе, что по крайней мѣрѣ въ настоящее время невозможно практическое движение впередъ никакой отдельной части Россіи безъ движения всѣхъ ея частей и общей политической реформы всего этого государства, мы однокожъ не рѣшились придать нашей политico-социальной программѣ даже виѣшнюю форму программы всероссийской, — а предлагаемъ ее какъ опытъ программы, припособленной къ kraю, наиболѣе намъ пзвѣстному. Это—области, населенные преимущественно украинскимъ или малорусскимъ племенемъ, — отъ восточныхъ уѣздовъ Царства Польскаго до предгорій Кавказа.

Истинно всероссийская программа, равно какъ истин-

*.) Читатель увидитъ дальше, что мы почти буквально воспроизводимъ многія статьи этой программы.

но всероссийская политическая организация, может, по нашему мнению, явиться только какъ совокупность известныхъ областныхъ программъ и такъ союзъ стоящихъ за ними областныхъ организаций. А потому наиболѣе насущнымъ въ настоящемъ время вопросомъ въ дѣлѣ добыванія для населеній Россіи политической свободы мы считаемъ устройство такихъ организаций, областныхъ политическихъ обществъ, которые бы собрали подъ знами известныя политico-соціальные требованій возможно большее количество лицъ и кружковъ своихъ областей и за тѣмъ вошли бы въ связь между собою для совокупнаго дѣйствія, направленного къ преобразованію Россіи согласно этимъ требованиямъ. Предлагая, подъ влияніемъ вышесказавшаго убѣжденія, на широкій публичный судъ, прежде всего жителей украинскихъ областей, сводъ политico-соціальныхъ требованій, которые раздѣляются уже известнымъ количествомъ индивидуумовъ, мы сочли наиболѣе удобнымъ и изложить ихъ въ формѣ проекта ~~к~~ става такого рода политического общества, для котораго, по настоящему положенію Україны и соединенныхъ съ нею областей, мы считаемъ наиболѣе соответствующимъ имъ Вільна Спілка, Вольный Союзъ. Основной идеи такого общества вполнѣ соответствуютъ преданіямы украинскаго населенія и даже въ болѣе темные времена стремились проявиться въ организованіомъ видѣ, напр. въ обществѣ Соединенныхъ Славянъ 1824—25 гг. и въ кружкѣ друзей Шевченка, известномъ подъ именемъ Кирило-Меѳодіевскаго Братства въ 40-е годы. Въ настоящее время необходимые элементы для такого общества существуютъ на Українѣ и даже находятся въ дѣйствіи въ различныхъ сферахъ общественной жизни, какъ самостоятельно, такъ и въ видѣ участниковъ въ другихъ политическихъ группахъ. Имъ недостаетъ только прочной специальной организаціи, которая одна только можетъ обеспечить систематичность, а потому и широту и успешность дѣятельности. Мы сочтемъ свою задачу исполненою и даже съ усиљемъ, если настоящій проектъ нашъ послужить для упомянутыхъ элементовъ новодомъ для выработки окончательной программы, которую составители ся, находящіеся въ самой странѣ, станутъ осуществлять, уже какъ вполнѣ свое собственное созданіе.

I.

ПРОЕКТЪ

ОСНОВАНИЙ УСТАВА УКРАИНСКАГО ОБЩЕСТВА

„ВОЛЬНЫЙ СОЮЗЪ“ — „ВІЛЬНА СПЛКА“

Часть I. О цѣляхъ общества.

I. Въ земляхъ, населенныхъ украинскимъ племенемъ, должно быть основано общество «Вільна Спілка» — «Вольный Союзъ», которое поставить себѣ задачею работу для политического, экономического и культурнаго освобожденія и развитія украинскаго народа и живущихъ среди него иноплеменныхъ колоній.

ПРИМѢЧАНІЕ. Такъ какъ украинскій народъ живеть въ разныхъ государствахъ: въ Россіи, въ Австріи (въ Галиції и Буковинѣ) и въ Венгріи (въ восточныхъ комитатахъ) при разлічныхъ политическихъ условіяхъ (хотя и при значительно-сходныхъ условіяхъ соціальныхъ и культурныхъ) — то въ каждой изъ этихъ политическихъ областей пріемы общественной дѣятельности должны быть различны. Поэтому въ каждой изъ вышеупомянутыхъ украинскихъ областей должны быть образованы и особая политическая общество,—скорѣе вполнѣ самостоятельные, чѣмъ отдѣлы одного и того же, — которыхъ впрочемъ, по самой силѣ вещей должны будуть прійти въ соглашеніе между собою относительно известной солидарности въ дѣйствіяхъ и взаимной помощи.

Настоящій проектъ, выработанный при участіи украинцевъ россійскихъ, имѣеть въ виду почти исключительно Украину россійскую же.

II. «Вольный Союзъ» долженъ стремиться къ достиженію своихъ цѣлей въ согласіи съ подобными ему обществами среди другихъ народовъ, интересы которыхъ соприкасаются съ интересами украинскаго народа.

ПРИМѢЧАНІЕ. Для удобнѣйшаго достижениія такого согласія «Вольный Союзъ» долженъ принимать въ число своихъ членовъ лица разныхъ національностей, основываятъ свои отдѣлы въ украинскихъ колоніяхъ среди другихъ племенъ и содѣйствовать образованію подобныхъ смѣу обществъ среди народовъ, интересы которыхъ связаны съ интересами украинскаго народа.

III. Важнѣйшей задачей «Вольнаго Союза» въ Россіи въ настоящее и ближайшее время должна быть работа для преобразованія этого государства на нача-лахъ политической свободы, приблизительно на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Подъ словами — политическая свобода должно разумѣть:

- А) ПРАВА ЧЕЛОВѢКА И ГРАЖДАНИНА:
 - а) Неприкосновенность тѣла для позорныхъ наказаний и смертной казни.
 - б) Неприкосновенность личности и жилища для полиціи безъ судебнаго постановленія.

ПРИМѢЧАНІЕ I. Въ случаѣ поимки кого либо на мѣстѣ преступленія всякий можетъ арестовать виновнаго, но долженъ тотчасъ же передать его въ руки судебной власти.

ПРИМѢЧАНІЕ II. Никто не долженъ быть судимъ судомъ чрезвычайнымъ. Уголовный судъ, кроме мироваго, долженъ быть судъ съ присяжными.

- в) Неприкосновенность частныхъ писемъ и телеграммъ.
- г) Свобода выбора мѣста жительства и занятій.
- д) Неприкосновенность національности (языка) въ частной и публичной жизни.
- е) Свобода совѣсти (вѣры и невѣрія) и всякаго публичнаго богослуженія и обрядовъ, не противныхъ общественному стыду.

ПРИМѢЧАНІЕ. Изъ этой свободы вытекаетъ отмѣна государственной церкви и обращеніе всѣхъ церковныхъ учрежденій

въ частныя, содержащимъ единственно на счетъ желающихъ и управляемыя сообразно ихъ волѣ, безъ всякаго пособія или вмѣшательства учрежденій гражданскихъ.

- ж) Свобода рѣчи, печати, театровъ и обученія.
- з) Свобода сходокъ, прошептій и заявлений виѣшпичными знаками (рисунками, знаменами, процессіями и др.) безъ нарушенія виѣшняго порядка и безопасности въ населенныхъ мѣстахъ.
- и) Свобода товариществъ и обществъ.
- і) Право ношенія оружія и военныхъ упражненій безъ нарушенія виѣшняго порядка и безопасности въ населенныхъ мѣстахъ.
- к) Право гражданскаго и уголовнаго иска противъ должностныхъ лицъ и учрежденій за незаконное нарушение интересовъ лица.
- л) Право сопротивленія незаконнымъ дѣйствіямъ чиновниковъ.
- м) Равенство всѣхъ въ гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ.

Примѣчаніе I къ разд. А. Права человѣка и гражданина не могутъ быть отмѣнены, ип ограничены никакимъ постановленіемъ, ип закономъ, исключая ограниченій, установленныхъ въ законодательномъ порядке на время виѣшней войны. Но п въ такомъ случаѣ никто, не принадлежащий къ арміи и флоту, не можетъ быть судимъ военнымъ судомъ.

Примѣчаніе II къ разд. А. Охрана вышесчисленныхъ правъ должна возлагаться на обязанность мѣстныхъ мировыхъ судей, которымъ должно быть предоставлено право, подъ личной ответственностью, требовать себѣ содѣйствія вблизи стоящихъ военныхъ силъ, обязанныхъ оказывать имъ таковое содѣйствіе.

Б) Самоуправление :

а) Мѣстное :

- Общинное (сельское и городское).
- Волостное.
- Уѣздное.
- Областное. *)

*) Области, на которыхъ должна быть раздѣлена Россійская Имперія, сообразно съ окрестностями географическихъ, экономическихъ и этнографическихъ условій, могутъ быть предложены приблизительно слѣдующія:

1. Сѣверная: губерніи Архангельская и Вологодская.

б) Государственное.

2. Самоуправление это должно представляться сходами, или же выбранными собраниями, предь которыми должны быть отвѣтственны всѣ должностные лица, кромѣ судей, положение которыхъ должно быть опредѣлено особо.

Примѣчание. Въ основныхъ своихъ чертахъ теперешнее судоустройство по уставамъ 20 Ноября 1864 г. можетъ быть признано удовлетворительнымъ.

2. Озериа: губ. Олонецкая, С.Петербургская, Исковская, Новгородская и Тверская.

3. Балтийская: губ. Эстляндская, Лифляндская, латышскіе уѣзды (Люцинскій, Рѣчицкій и Даугавбургскій) Витебской губерніи и Курляндская.

4. Литовская: губ. Kovенская, Сувалкская къ сѣверу отъ г. Сувалокъ, сѣв. половина Виленской губерніи.

5. Польская: губерніи царства Польского кромѣ литовской части Сувалкской и восточныхъ частей Сѣдлецкой и Люблинской (бывшая униатская Холмская епархія) и западная части уѣздовъ Гродненского и Бѣлостоцкаго, Гродн. губ.

6. Бѣлорусская: губ. Витебская (кромѣ латышскихъ уѣздовъ) западная половина Смоленской губ., Могилевская губ., Минская, кромѣ Пинского и Мозырского уѣзовъ и губ. Гродненская, кромѣ южныхъ уѣзовъ (Бѣльского, Пружанского, Брестского и Кобринского).

7. Полѣсская: восточная части Сѣдлецкой и Люблинской губ., южные уѣзды Гродненской, Пинской и Мозырской уѣзды Минской губ. и Волынская губ., кромѣ юговосточной части (уѣзовъ Житомирского и Новградъ-Волынского по р. Случь).

8. Кіевская: юговосточная часть Волынской губ., Кіевская губернія, Черниговская и Полтавская безъ юговосточной части (уѣзовъ Константиноградского, Полтавского, Кобеляцкаго и в. половины Кременчугского).

9. Одесская: губ. Подольская, Бессарабская, Херсонская, западная часть Екатеринославской (по р. Днѣпръ) и Таврической губ., кромѣ уѣзовъ Мелитопольского и Бердянского.

10. Харьковская: Мелитопольский и Бердянский уѣзы Таврической губ., юговосточные уѣзды Полтавской губ., Харьковская губ., и южные, Слободско-украинские, уѣзды Курской и Воронежской.

11. Московская: сѣверные уѣзды Курской губ., губ. Орловская, Тульская, Калужская, Смоленская, (кромѣ бѣлорусскихъ уѣзовъ), Московская и Рязанская.

12. Нижегородская: губ. Ярославская, Костромская, Владимирская и Нижегородская.

3. Всѣ лица, достигшія 21-лѣтніаго возраста, должны пользоваться избирательнымъ правомъ и правомъ быть избираемыми въ всякія представительныя собрания и должности общиныя, волостия и уѣздыя; для права же быть избраннымъ въ собранія и должности областныя и государственныя необходимъ 25 лѣтній возрастъ.

Примѣчаніе I. Законы объ избирательныхъ сходахъ и окружахъ должны быть составлены такимъ образомъ, чтобы выбранные могли представлять не только жителей всѣхъ мѣстностей, но и, по возможности, всѣхъ родовъ занятій, а также не только большинства, но и меньшинства.

Примѣчаніе II. Избиратели должны иметь право составлять для своихъ выборныхъ наказы.

4. Въ селахъ общественными дѣлами долженъ завѣдывать сходъ и выбираемая имъ управа съ выбраннымъ сходомъ же старшиною.

5. Въ городахъ (и мѣстечкахъ), волостяхъ, уѣздахъ и областяхъ для завѣдыванія общественными дѣлами должны быть учреждены думы, выбранныя на основаніи особыхъ, составленныхъ безъ нарушенія пункта

13. Казанская: губ. Вятская, Казанская, Симбирская и Самарская, кромѣ южныхъ уѣзовъ (Николаевскаго и Новоузенскаго).

14. Пріуральская: губ. Пермская, Уфимская и Оренбургская.

15. Саратовская: сѣверо-уѣзы Воронежской губ. губ. Тамбовская, Пензенская, Николаевскій и Новоузенскій у. Сам. губ. и Астраханская губ.

16. Кавказская: — Закавказье съ Ставропольской губ. (временно).

17. Западная Сибирь.

18. Восточная Сибирь.

19. Земли Казачьи. (Донская, Кубанская, Терская, и Уральская) должны оставаться, какъ особыя области впредь до преобразованія казачьей военной службы и всего строя этихъ земель на началахъ всесословности, послѣ чего Земли Уральскихъ козаковъ примкнуть, вѣроятно, къ области Саратовской, а первыя три составить съ губерніей Ставропольской одну область, съ сохраненіемъ мѣстныхъ отличій.

20. Области Среднеазіатскія, какъ слишкомъ разнообразные по своему населенію и недавно еще присоединенные, должны быть управляемы на особомъ положеніи съ возможнымъ примененіемъ началъ самоуправленія.

3-го, законовъ объ избирательныхъ сходахъ и округахъ, — а также управы, выбраннныя думами.

6. Сельскіе сходы, а также городскія, волостныя, уѣздныя и областныя думы должны имѣть право поручать исполненіе своихъ постановленій, кромѣ своихъ старшинъ и управъ, еще и особынными лицамъ или комитетамъ.

7. Сельскіе сходы, а также городскія, уѣздныя и областныя думы должны имѣть право поручать своимъ управамъ вести гражданскіе и уголовные иски противъ всякаго рода должностныхъ лицъ за незаконные ихъ дѣйствія.

8. Указанныя въ 4 и 5 §§ учрежденія общины, волости и уѣзды должны завѣдывать въ своихъ округахъ дѣлами мѣстнаго общественнаго хозяйства (обществ. имущество, базары, ярмарки и т. п.), благоустройства (пути сообщенія, публичныя зданія, почты и т. п.) и благосостоянія (оздоровленіе, продовольствіе, призрѣніе, страхованіе, охрана скота отъ эпизоотій и т. п.) и общественнымъ начальникамъ и (по мѣрѣ средствъ) среднимъ обученіемъ.

9. Областнымъ думамъ и опредѣленнымъ отъ нихъ управамъ и другимъ органамъ должно принадлежать: завѣдываніе дѣлами мѣстнаго общественнаго хозяйства, благоустройства и благосостоянія, которые превосходятъ средства одного уѣзда, принятіе общихъ мѣръ по области по всемъ дѣламъ общественнаго хозяйства, благоустройства и благосостоянія; — надзоръ за всею экономическою дѣятельностью въ области (земледѣліемъ, колгиями, лѣсами, промыслами, заводами, фабриками и др.) и принятіе мѣръ къ сохраненію природныхъ богатствъ области и къ правильному ими пользованію, а также къ обезщеченію и увеличенію всеобщаго богатства населенія области; — надзоръ (инспекція) за публичнымъ обученіемъ въ области и завѣдываніе школами средними, содержимыми на областной счетъ, а также школами высшими, и учеными учрежденіями (академіями и пр.).

10. Сельскіе сходы, а также волостныя, городскія, уѣздныя и областныя думы должны имѣть право издавать

по всемъ дѣламъ, входящимъ въ кругъ ихъ дѣйствій, обязательныя постановленія (не противныхъ основнымъ законамъ и общимъ интересамъ государственного союза) назначать для удовлетворенія подлежащихъ имъ вѣдѣнію общественныхъ нуждъ налоги и входить въ спопыщенія и соглашепія съ другими подобными учрежденіями въ предѣлахъ государства относительно удовлетворенія общихъ имъ нуждъ.

Приимѣчанія къ §§ 4—10. I. Подробности объ отношеніяхъ между названными выше учрежденіями, съ болѣе или менѣе широкимъ кругомъ дѣйствія должны быть опредѣлены особыми уставами. Но необходимо, чтобы эти уставы возможно болѣе имѣли въ виду, чтобы учрежденіе съ болѣе широкимъ кругомъ дѣйствія не являлось начальствомъ надъ учрежденіями съ менѣе широкимъ кругомъ дѣйствія, — а чтобы каждое имѣло возможно полную самостоятельность въ своемъ кругѣ, особенно въ дѣлахъ, которыя оно опредѣляетъ своими средствами. Упомянутый надзоръ въ дѣлахъ образовательныхъ, долженъ имѣть значеніе изслѣдованія и совѣта, а не командація.

II. Равнымъ образомъ особыми установлениями должны быть опредѣлены и отношенія къ органамъ мѣстного самоуправленія представителей общегосударственнаго правительства (министровъ и областныхъ намѣстниковъ). Но для того, чтобы мѣстное самоуправлѣніе было дѣйствительнымъ, необходимо, чтобы представители государства могли приступать только такія постановленія и дѣйствія органовъ мѣстного самоуправленія, которые не согласны съ основными законами и общими интересами государственного союза и чтобы возникшее такимъ образомъ столкновеніе разрѣшалось Сенатомъ (высшимъ судомъ) съ ответственностью государственного чиновника за послѣдствія произведенной имъ остановки.

11. Полиція въ городахъ, уѣздахъ и подраздѣленіяхъ послѣднихъ должна находиться въ вѣдѣніи соответственныхъ думъ, передъ которыми должны быть отвѣтственны начальники мѣстной полиціи, какимъ бы способомъ они ни назначались.

12. Кромѣ исчисленныхъ въ §§ 8, 9, 10 и 11 дѣлъ мѣстнымъ выборнымъ учрежденіямъ должна принадлежать разверстка и раскладка прямыхъ государственныхъ податей. Областнымъ же думамъ должно принадлежать также предварительное разсмотрѣніе всѣхъ проектовъ общегосударственныхъ финансовыхъ законовъ и представление объ нихъ заключеній въ законодательный

государственные учреждения, а также законодательство по вопросамъ мѣстной жизни (примѣненіе избирательныхъ законовъ, территориальная раздѣленія, кодификація обычного права и т. и.).

13. Завѣдываніе дѣлами, общими всему российскому государственному союзу и общегосударственное законодательство должно принадлежать двумъ думамъ:

А) Государственной Думѣ, гласные которой должны выбираться избирательными сходами по округамъ, которые должны быть опредѣлены особымъ на этотъ счетъ установлениемъ на основаніи § 3-го и

Б) Союзной Думѣ, гласные которой должны выбираться областными думами.

Примѣчаніе. Областные думы должны давать своимъ представителямъ въ Союзной Думѣ иаказы и имѣть право во всякое время замѣнять этихъ представителей другими.

14. Обѣ общегосударственные думы на время перерыва своихъ собраний должны составлять изъ себя Наблюдательную Комиссию.

15. Министры, назначаемые Главою Государства, должны быть отвѣтственны передъ обѣими думами и могутъ быть отдаваемы ими подъ судъ.

16. Думѣ Союзной, какъ представительницѣ областей, — кромѣ участія въ общегосударственномъ законодательствѣ и управлениіи, — должно принадлежать въ частности завѣдываніе государственными имуществами, какъ общимъ всѣмъ областямъ государства запасомъ; относительно употребленія этого запаса на пользу общую Союзная Дума должна принимать мѣры, на основаніи изданныхъ совмѣстно съ Государственною Думою законовъ и по сношенію съ Думами Уѣздными и Областными, которые должны сообщать Союзной Думѣ о нуждахъ, какія могутъ быть удовлетворямы изъ упомянутаго запаса.

17. Всѣ названные думы должны обязательно собираться въ опредѣленные сроки на очередные собрания. На чрезвычайныя же собрания эти думы должны созываться по приглашенію соотвѣтственныхъ уи-

равъ и Наблюдательной Комиссії или по желанію трети своихъ членовъ. Въ случаѣ войны или возстанія въ одной изъ областей, Государственная и Союзная Думы должны собираться сами, если ихъ не созоветъ ни Глава Государства, ни Наблюдательная Комиссія, и не расходиться, пока сами о томъ не постановятъ.

18. Глава государства можетъ, съ согласіемъ Союзной Думы, распустить Государственную Думу, но въ такомъ случаѣ распускается и Союзная Дума, а въ манифестѣ о томъ долженъ быть назначены и срокъ избрания новыхъ членовъ этихъ думъ; одновременно съ изданиемъ этого манифеста должны собираться областные думы, которые и должны заѣдьдать до собрания новыхъ общегосударственныхъ думъ.

19. Въ случаѣ незаконнаго захвата государственной власти съ чьей бы то ни было стороны, должны собираться по собственному иочину областные думы, которые и примутъ мѣры къ восстановлению законнаго порядка. Въ такомъ случаѣ войска, расположенные въ областяхъ, должны подчиняться областнымъ думамъ.

20. Для суда надъ министрами за преступленія по должностіи, а также надъ членами Государственной и Союзной Думы за государственную измену долженъ собираться Верховный Судъ изъ членовъ уголовнаго департамента Сената и Союзной Думы.

21. Сенаторы должны назначаться пожизненно главою государства изъ кандидатовъ, предложенныхъ ему Союзною Думою неизрѣмѣнно изъ лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе и бывшихъ уже членами судебныхъ палатъ, областныхъ или общегосударственныхъ думъ.

22. Думы уѣздныя и областныя, а также Глава Государства, должны имѣть право поднимать вопросъ о несогласіи постановлений Государственной и Союзной Думы съ основными законами (уставомъ, конституціей) государства; вопросы эти должны разрѣшаться Сенатомъ въ общемъ собраніи его департаментовъ.

23. никакія неизрѣмѣнныя въ основныхъ законахъ го-

сударства не должны быть производимы безъ предварительного согласія двухъ третей голосовъ Государственной и Союзной Думъ и безъ утверждения Государственного Собора.

24. Государственный Соборъ долженъ состояться изъ членовъ соединенныхъ Государственной и Союзной Думы, а также изъ нарочитыхъ гласныхъ, выбранныхъ областными собраниеми въ такомъ количествѣ, чтобы число членовъ Союзной Думы и этихъ нарочитыхъ гласныхъ было равно числу членовъ Думы Государственной.

25. Глава Государства долженъ быть обязанъ обнародовать законы, принятые общегосударственными собраниями, и постановлія Сената, лишающія ихъ силы, а также постановлія Государственного Собора, наблюдать за исполненіемъ законовъ и преслѣдовать въ законномъ порядке ихъ нарушенія.

Примѣчаніе. Глава Государства можетъ быть наследственный Императоръ, равно какъ и избранный на срокъ Предсѣдатель Всероссійскаго Государственного Союза. Въ первомъ случаѣ за его дѣйствія должны быть отвѣтственны министры, въ порядке, указанномъ въ §§ 15 и 21, а во второмъ онъ отвѣтственъ самъ въ томъ же порядке.

IV. Изъ вышеприведенныхъ началъ политического преобразованія Россіи должно считать особенно важными: 1) права человѣка и гражданина и 2) самоуправление мѣстное; правление же всею Россіей посредствомъ центрального представительного собранія, безъ признанія и обеспеченія этихъ правъ и мѣстного самоуправления, должно считать такъ же мало охраняющимъ свободу вообще и интересы Украины въ частности, какъ и теперешнее устройство Россійскої имперіи.

V. По осуществленіи вышеприведенного или подобнаго плана политического преобразованія Россіи въ цѣломъ, или въ важнѣйшихъ частяхъ его, члены «Вольного Союза» должны взять на себя обязанность обратить свои усилия къ облегченію угнетающихъ теперь жителей россійской Украины общественныхъ тягостей и къ обеспеченію каждому изъ нихъ средствъ

жизни и развитія. Для этого члены «Вольного Союза» должны облизаться проводить, при помощи свободы и через органы самоуправлениі, всякия мѣры, направляемые:

1. Къ уменьшению тижесть военной новинности, виредъ пока общія международныя отношенія даутъ возможность замѣнить постоянную армію временно-составными народными ополченіями.

Примѣчаніе. Между прочимъ облегченіе тижести военной новинности можетъ быть достигнуто раздѣленіемъ ся между общегосударственной арміей и областными ополченіями, при сокращеніи арміи и срока службы въ ней.

2. Къ обращенію всѣхъ налоговъ въ прямые подоходные подати, постепенно увеличивающіяся, сообразно величинѣ дохода плательщика.

Примѣчаніе. Само собою разумѣется, что теперешніе воинюще-несправедливые налоги и поборы: подушные, паспортные, акцизные и т. п. должны быть прежде всего или уничтожены, или совершенно преобразованы.

3. Къ установлению доступнаго каждому обученія въ школахъ низшихъ, среднихъ и высшихъ, — съ тѣмъ, чтобы для дѣтей бѣдныхъ семействъ первоначальное обученіе было даровое и сопровождалось пособіями или, въ случаѣ нужды, иолнымъ содержаніемъ ученика на общественный счетъ, при чмъ болѣе способные ученики были бы подобнымъ же образомъ содержимы и въ среднихъ, и въ высшихъ школахъ.

4. Къ устройству для бѣдныхъ людей общественныхъ пріютовъ: для дѣтей, больныхъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ, а также общественныхъ пенсіонныхъ кассъ для потерявшихъ силы и престарѣлыхъ работниковъ всѣхъ видовъ полезнаго обществу труда.

5. Къ ограничению часовъ дневнаго труда, прежде всего женщинъ и дѣтей, — временемъ, при которомъ было бы возможно сохраненіе здоровья и развиціе тѣлесное и нравственное.

Примѣчаніе. Фабричная работа для недостигшихъ 14 лѣтнаго возраста должна быть безусловно запрещена.

6. Къ установлению посредническихъ судовъ между хозяевами и рабочими изъ выборныхъ отъ обѣихъ сторонъ.

7. Къ устройству для рабочихъ здоровыхъ жилищъ, къ удешевлению ихъ найма и къ облегченію покупки ихъ семействами и артелями рабочихъ.

8. Къ предоставлению, по возможности, каждому земледѣльцу участія въ пользованіи или во владѣніи землею и лѣсомъ, — посредствомъ раздачи ихъ изъ государственныхъ имуществъ, переселенія на незанимая мѣста, выкупа, при кредитѣ и пособіи отъ общественныхъ учрежденій, покупки общественными учрежденіями земель и лѣсовъ у частныхъ лицъ и т. п.

Примѣчаніе I. Заключенные, при введеніи Положенія о крестьянахъ 19 Февр. 1861 г., договоры, обезземелившіе крестьянъ или давшіе имъ т. наз. четвертной надѣль, должны быть проѣктины, съ примѣненіемъ, въ случаѣ надобности, обязательного выкупа.

Примѣчаніе II. Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ совершившіеся съ 1861 г. выкупные сдѣлки налагаются на крестьянъ или платежи, высшіе дѣйствительной доходности съ земли, выкупные платежи эти должны быть облегчены посредствомъ перенесенія погашенія выкупного долга съ специального крестьянскаго налога на общегосударственные расходы.

9. Къ возвышенню поземельного дохода и всякаго заработка трудящихся людей посредствомъ устройства общественныхъ товарныхъ складовъ, посредствомъ заказовъ всякаго рода подрядовъ на общественные нужды прямо земледѣльцамъ и работникамъ, при руководствѣ общественныхъ учрежденій (преимущественно общинныхъ).

10. Къ поддержкѣ и развитію громадского и товарищескаго землевладѣнія и аренданія, и всякой другой товарищеской или артельной работы.

11. Къ выкупу копей, водъ, лѣсовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. п. въ собственность государства, областей, уѣздовъ, волостей или общинъ и къ предоставлению ихъ въ пользованіе населенію, возможно дешевое и съ примѣненіемъ, по возможности, артельного способа добыванія и обработки продуктовъ.

VII. Проведеніе вышеочерченныхъ экономическихъ мѣръ составляетъ наименьшее изъ обязанностейъ, при-нимаемыхъ на себя членами «Вольного Союза», по установлениіи въ Россіи начатковъ политической свободы; члены же, которые будутъ считать эти мѣры недостаточными, могутъ, послѣ этого установления, безъ нарушенія своего слова, удалиться изъ общества, для дѣйствованія по своему усмотрѣнію.

Заключение. Послѣ всего сказанного цѣли украинскаго общества «Вільна Спілка», въ настоящее время могутъ быть сжато выражены въ слѣдующихъ словахъ:

I. Цѣли обще-гражданскія:

- а) Права человѣка и гражданина, — какъ необходимое условіе личнаго достоинства и развитія.
- б) Самоуправленіе, — какъ основа для движения къ соціальной справедливости.

II. Цѣль частно-национальная:

Политическая свобода, — какъ средство для возвращенія украинской націи въ семью націй культурныхъ.

Часть II. О средствахъ дѣятельности общества.

Предварительное замѣчаніе. Во всякомъ общественномъ дѣлѣ вопросъ о средствахъ, сравнительно съ вопросомъ о цѣляхъ, есть дѣло вторичное. Средства зависятъ отъ обстоятельствъ, постоянно измѣняющихся, а потому определить ихъ съ достаточной полнотою заранѣе неѣть возможности, а следовательно и необходимости. Для всякаго политического сообщества самое главное — собрать возможно большее количество ясно сознавающихъ цѣли его членовъ, которые затѣмъ, сообразно условіямъ мѣста и времени, естественно найдутъ удобнѣйшія средства для достижения своихъ

цѣлей. Нижеслѣдующія положенія поэтому не имѣютъ претензіи на полноту, а представляютъ только опытъ указаній нѣкоторыхъ пріемовъ, имѣющихъ въ виду преимущественное распространение въ разныхъ слояхъ населенія основныхъ идей предполагаемаго «Вольнаго Союза».

I. Для достижения означенныхъ въ первой части Основаній Устава цѣлей, необходимо прежде всего основать на всей Украинской землѣ отдѣленія «Вольнаго Союза» изъ лицъ совершеннолѣтнихъ и по возможности съ опредѣленными занятіями, изъ всѣхъ тѣперешнихъ классовъ населенія.

Примѣчаніе. Изъ сказанного ясно, что члены «Вольнаго Союза» должны избѣгать всякаго рода дѣйствій къ возбужденію молодежи къ преждевременной для нея политической борьбѣ и къ дѣйствіямъ, которые могутъ воспрепятствовать молодымъ людямъ стать въ должное время, при помощи образования общаго и профессионального, сознательными и влиятельными политическими дѣятелями.

II. Непремѣнную обязанность члена «Вольнаго Союза», — при всѣхъ другихъ обязанностяхъ, которыя онъ приметъ на себя, согласно настоящему уставу, — должна быть забота о возвышеніи своего умственного и нравственного уровня, и стараніе во всякомъ полезномъ обществу дѣлѣ занять по возможности самое видное мѣсто.

Примѣчаніе. Изъ знаній, которыхъ особенно желательны для членовъ «В. Союза», прежде всего должны быть рекомендованы: знакомство съ политической, соціальной и культурной жизнью западноевропейскихъ народовъ, а также подробѣйшее ознакомленіе съ своей родиной.

III. Всѣ частные проявленія дѣятельности «Вольнаго Союза» должны быть согласны съ его опредѣленными выше цѣлями, въ отдельности и въ совокупности, а также съ общими правилами правдивости.

Примѣчаніе I. Всякая кража и всякий обманъ населенія для членовъ «Вольнаго Союза» должны быть безусловно недозволительны.

Примѣчаніе II. Убийство какого бы то ни было лица, (дѣйствіе противное одному изъ положеній о правахъ человѣка и гражданина) никогда не должно быть задачею ни цѣлаго «Вольнаго Со-

юза», ни какого бы то ни было его отдельа; если же бы ктонибудь изъ членовъ «Вольного Союза» совершилъ политическое убийство, для самосохраненія, или подъ вліяніемъ возбуждениія крайними несправедливостями правительства и его слугъ, — то обязанъ принять это убийство исключительно на свою личную ответственность.

IV. Не упусткая никогда изъ виду главныхъ своихъ цѣлей: объединенія всѣхъ жителей Украины въ дѣятельности для свободы и благосостоянія родной земли, а также соединенія всѣхъ теперешнихъ классовъ населения Украины въ одно равноправное цѣлое, — члены «Вольного Союза» должны однакожъ отыскивать въ каждой мѣстности и въ каждомъ классѣ такія стороны жизни, преданія и стремленія, которые могутъ служить естественною основою для привитія къ нимъ какого либо изъ стремленій Союза, а именно:

1. Члены «Вольного Союза» должны отыскивать въ разныхъ мѣстахъ и классахъ населения Україны воспоминанія о прежней свободѣ и равноправности, какъ напр. о самоуправлениіи новѣтствъ по т. наз. Литовскому праву, городовъ по т. наз. праву Магдебургскому, о свѣтскомъ и церковномъ самоуправлениіи громадъ и волостей, о братствахъ, о самоуправлениія козацкомъ (сотень, полковъ, и всей Гетьманщины), о разносословныхъ съѣздахъ во время Гетьманщины, о Сѣчи и Вольностяхъ Товариства Запорожского и т. п., и т. п., — поддерживать эти воспоминанія и подводить ихъ къ теперешнимъ понятіямъ о свободѣ и равенствѣ у образованныхъ народовъ.

2. Такъ какъ и по императорскимъ россійскимъ законамъ (напр. Дворянской Грамотѣ 1787 г.) дворяне должны были быть избавлены отъ безсудного распоряженія ихъ свободою и имуществомъ, а также иметь право представленія Верховной Власти о своихъ нуждахъ и пользахъ, — то члены «Вольного Союза» изъ дворянъ должны побуждать свое сословіе къ требованіямъ обѣ отмѣнѣ такихъ учрежденій, какъ ссылки безъ суда, положеніе обѣ усиленной и чрезвычайной охраны, а также къ требованіямъ общаго преобразованія управлениія Россіей. Вместѣ съ тѣмъ члены «Вольного

Союза» изъ украинскихъ дворянъ должны обращать внимание своихъ товарищей по сословію на недавній простонародный характеръ происхожденія украинского дворянства изъ козацкой старшины, первоначально выборной, а также на воинъ-несправедливый захватъ этой старшиной народнаго имущества, и потому должны указывать на тѣмъ большую нравственную обязанность украинскихъ дворянъ выступить противъ самодержавія, а равно заплатить простонародью долгъ за оказанныя ему несправедливости.

3. Члены «Вольного Союза» изъ ремесленныхъ классовъ и крестьянъ, а также всѣ другіе члены, при сношенихъ съ ремесленниками и крестьянами, должны собирать и систематизировать ихъ недовольство своимъ теперешнимъ положеніемъ, но при этомъ должны распространять среди нихъ мысль о несовмѣстности царско-чиновническаго самодержавія даже съ материальнымъ благомъ чернорабочихъ классовъ, даже и тогда, если бы царь и чиновники искренно пожелали этого блага; — вмѣстѣ съ тѣмъ упомянутые члены «Вольного Союза» должны распространять мысль объ удобствахъ политической свободы и для чернорабочихъ классовъ, даже и тогда, если бы на первыхъ порахъ теперешніе экономические порядки и не были измѣнены, а также доказывать необходимость политической свободы для того, чтобы чернорабочие классы были въ состояніи сами приступить къ измѣненію этихъ порядковъ.

4. Въ средѣ крестьянъ и мѣщанъ члены «Вольного Союза» должны обратить особенное вниманіе на евангелическія братства (т. наз. штундистовъ, молоканъ, людей божіихъ и т. п.) стараясь разъяснить имъ связь свободы совѣсти съ другими свободами, поддерживать въ нихъ наклонность къ свободному мышленію, ослаблять мистицизмъ и направлять мысль о братствѣ религіозномъ къ мысли о союзѣ гражданскомъ и хозяйственномъ и выводить мысль о такомъ союзѣ за предѣлы вѣроисповѣдныхъ.

ПРИМѢЧАНІЕ. Лучшимъ средствомъ для послѣдняго можетъ быть ознакомленіе нашихъ сектантовъ съ развитіемъ проте-

стангскихъ сектъ и кооперационаго движениі въ Западной Европѣ, особенно въ Голландіи и Великобританіи, отъ анабаптистовъ и социніанъ (которыхъ учение коснулось и Україны въ XVI—XVII в.) до Роберта Оуена и теперешнихъ рабочихъ союзовъ.

5. При сближеніи съ людьми класса военнаго, члены «Вольнаго Союза» должны расширять существующее въ этомъ классѣ понятіе объ обязанности воина защищать свою родину отъ виѣшниго врага до понятія о необходимости защиты родины отъ всего вреднаго для нея, въ томъ числѣ и отъ гибельного для нея внутренняго управления: при этомъ военнымъ лицамъ украинскаго происхожденія должно быть поставлено на видъ и то обстоятельство, что дѣйствительная ихъ родина теперь порабощена государственной власти, для нея вредной и въ то же время чужой. Приглашая военныхъ людей отказывать въ поддержкѣ despотическому правительству и дѣятельно помогать освобожденію Россіи и въ частности Україны, члены «Вольнаго Союза» должны въ тоже время распространить въ военномъ классѣ мысль о томъ, что интересы правильнаго общежитія и развитія требуютъ, чтобы армія, даже и въ борьбѣ съ правительствомъ, не захватывала власти, а только испровергала насилие надъ свободою гражданъ и охраняла гражданское самоуправлениіе отъ всякихъ на него покушений.

V. Члены «Вольнаго Союза» должны особенно стараться проникнуть въ избирательныя должности и собранія (сельскія, городскія, уѣздныя, губернскія, — крестьянскія, дворянскія, земскія) для того, чтобы имѣть возможность направлять ходъ общественныхъ дѣлъ въ цѣляхъ «Вольнаго Союза» и въ частности для того, чтобы

1. подвигать общественные сходы и собранія къ заявленіямъ правительству о необходимости преобразованія Россіи на началахъ политической свободы;

2. въ случаѣ упорства правительства возбуждать сходы и собранія къ отказу ему въ поддержкѣ, напр. къ отказу отъ исполненія возложенныхъ теперь законами на общественные учрежденія обязанностей податныхъ, рекрутскихъ и т. п. и наконецъ къ прямымъ

попыткамъ устранинія царскихъ чиновниковъ отъ за-
вѣданія общественными дѣлами и къ попыткамъ
самовольного осуществленія самоуправліенія, съ при-
глашеніемъ къ тому же и представителей другихъ
мѣстностей.

VI. Главною заботою «Вольного Союза» въ настоя-
щее и ближайшее время должно быть собраніе во
всѣхъ слояхъ населенія силъ, достаточныхъ для того,
чтобы принудить самодержавное правительство Россіи
уступить иорабощенному имъ населенію права чело-
вѣка и гражданина и самоуправліеніе, — для чего
преимущественно необходимо достигнуть согласнаго
дѣйствія силъ земскихъ и военныхъ, соотвѣтственно
статьѣ IV и § 4 статьи III настоящей части проекта
Устава. Но и до полнаго собранія этихъ силъ члены
«Вольного Союза» могутъ, по соображеніи обстоя-
тельствъ, предпринимать противъ правительства рази-
го рода дѣйствія: заявленія, сопротивленія, и даже
нападенія, могущія пробуждать и распространять въ
населеніи мысль о необходимости измѣненія правленія
Россіи въ смыслѣ, желательномъ для «Вольного Со-
юза», и участвовать въ подобныхъ дѣйствіяхъ, пред-
принятыхъ другими.

Примѣчаніе. Въ случаѣ, если начинъ упомянутыхъ въ концѣ
предыдущаго пункта дѣйствій будетъ принадлежать членамъ
«Вольного Союза», — то члены эти не имѣютъ права укло-
ниться отъ той отвѣтственности за эти дѣйствія, которая па-
деть на другихъ ихъ участниковъ.

Часть III. О внутреннемъ устройствѣ общества

зависитъ отъ условій часто самыхъ случайныхъ, а
потому заранѣе точно опредѣлена, а особенно опубли-
кована быть не можетъ.

II.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

КЪ ПРОЭКТУ УСТАВА ОСНОВАНИЙ УКРАИНСКАГО
ОБЩЕСТВА

„ВОЛЬНЫЙ СОЮЗЪ“ — „ВІЛЬНА СПЛКА“

Къ первой части.

Къ статьямъ I, II и III-ей. Всякаго рода общественная дѣятельность должна считаться не только съ здравыми мѣніями и стремленими въ обществѣ, но и съ предразсудками и заблужденіями. На этомъ основаніи настоящая записка должна начаться съ объясненій какъ имени политического общества, основанія устава которого изложены выше, такъ и опредѣленія области его дѣятельности. При нормальныхъ условіяхъ ить надобности въ особомъ объясненіи того, что известное количество лицъ выбираютъ себѣ для работы известный народъ и страну, имъ населенную. Но украинскій народъ поставленъ судьбою въ положеніе именно иенормальное, главнымъ образомъ вслѣдствіе двухъ обстоятельствъ: а) потери имъ политической независимости, (благодаря особенно раздѣлу его страны въ к. XVII в. между Польшей, Московіей и Турціей) и б) произшедшаго, главнымъ

образомъ вслѣдствіе этого обстоятельства, разобщенія между массою украинскаго народа и большинствомъ высшихъ классовъ, которые усвоили себѣ признаки господствующихъ падъ украинскимъ народомъ національностей: великорусской, польской, немецкой (въ Буковинѣ) и венгерской, и чрезъ то потеряли непосредственное чувство своей связи съ народомъ, среди которого они живутъ, и сознаніе интересовъ этого народа и его страны, или даже сдѣлались среди этого народа и въ этой странѣ представителями чуждыхъ послѣднимъ, а иногда и прямо вредныхъ имъ, интересовъ. Такое испорченное положеніе украинскаго народа послужило источникомъ цѣлаго круга ложныхъ понятій, недоразумѣній и софизмовъ, поддержка которыхъ представляется столько выгоды для разнаго рода политическихъ элементовъ, которые стремятся удержать или пріобрѣсти такое или иное господство надъ этимъ народомъ, что всякая рѣчь о работѣ въ пользу этого народа должна начинаться съ опроверженій этихъ ложныхъ идей — и съ объясненій необходимости этой работы и ея специализаціи.

Въ числѣ наиболѣе распространенныхъ софизмовъ относительно Украины не послѣднее мѣсто занимаетъ мнѣніе, будто специализація дѣятельности на пользу украинскаго народа есть стремленіе узкое въ виду того, что въ настоящее время интересы всѣхъ народовъ въ цивилизованномъ мірѣ находятся въ тѣсной связи между собою, — или не практическое въ виду того, что основою для политической дѣятельности въ настоящее время служитъ государство, а не національность.

Дѣйствительно, материальная и нравственная связь между народами не только Европы, но и всего земного шара, такъ быстро возрастаютъ, что всякий общественный дѣятель, чѣмъ дальше, все больше долженъ соображаться съ ходомъ дѣлъ не только своей ближайшей страны, но и всего міра. Тѣмъ не менѣе реальные условія всякой общественной дѣятельности, а особенно политической, требуютъ отъ дѣятеля избрания такого поля приложения его силъ, какое об-

широкостю своею не превосходило бы размѣра этихъ силъ и къ которому самъ этотъ дѣятель могъ бы най-удобиѣ приспособитьсѧ своими личными особенностями. За тѣмъ всемирность извѣстнаго движения является уже дѣломъ вторичнымъ, какъ результатъ совокупности приложенія извѣстныхъ силъ на первичныхъ, болѣе ограниченыхъ поляхъ дѣятельности, въ особенности, конечно, если эта совокупность будетъ заранѣе организована постоянными сношеніями представителей дѣятельности на этихъ первичныхъ поляхъ.

Нельзя не видѣть, что существованіе извѣстныхъ человѣческихъ породъ, — національностей, — опредѣляеть отдельныемъ лицамъ, или по крайней мѣрѣ огромному большинству ихъ, — естественнѣйшія поля для ихъ дѣятельности, какъ потому что національные языки, — самое опредѣленное и наиболѣе важное въ практическомъ отношеніи отличіе человѣческихъ породъ, — представляютъ наиболѣе естественную связь отдельныхъ лицъ извѣстныхъ національныхъ массъ и самихъ передовыхъ общественныхъ дѣятелей съ эти-ми массами, такъ и потому что, за немногими исключеніями, люди одной породы заняли на землѣ страны съ болѣе или менѣе однородными условіями для хозяйства и быта вообще. Вотъ почему и первый широкій правовый общежитія, — государства, образова-лись, и при томъ съ найменьшими насилиями, въ областяхъ, однородныхъ по національности, и во многихъ случаяхъ и до сихъ поръ почти не выходятъ изъ предѣловъ національныхъ, такъ что въ политической терминологіи и до сихъ поръ слово народъ (*populus, race, — собственно гасе*) и государство (*status, état, — собственно стрігс*) употреб-ляются за одно и одинаково замѣняются словомъ — *natio, nation*. Понятіе о всемирномъ, общече-ловѣческомъ и до сихъ поръ выражается и сколько нибудь реально представляется только въ видѣ между-народнаго, — собственно между-націо-нальнаго, *international*.

Обращаясь теперь къ населенію украинскому и къ его странѣ, мы во первыхъ видимъ, что это населеніе пред-

ставляет собою всѣ признаки особой національности. Фактъ этой особности доказывается не только непосредственнымъ чувствомъ какъ самаго этого населенія, такъ и его иностранныхъ наблюдателей, но и разносторонними научными изслѣдованіями. Отрицать эту особность теперь рѣшаются только поверхностные или умышленно извращающіе дѣло чиновники или политики, — въ казенныхъ бумагахъ и газетныхъ статьяхъ, но не ученые, авторы монографій, специалисты-профессора высшихъ школъ или академики. Вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ бѣглый взглядъ на карту показываетъ намъ, что украинская порода заняла определенную, довольно однородную географическую область: страну чернозема отъ Карпатъ до сѣверного склона Кавказа, страну, которой восточную часть (отъ нижн. Дона до Каспія) украинцы быстро заселяютъ на нашихъ глазахъ, преодолѣвая здѣсь сопротивление господствующей въ Россіи и даже ближайшей къ этому краю по меридиональному направлению породы великорусской, которая сама направляется преимущественно въ болѣе восточные края. Сколько нибудь внимательное изученіе географическихъ особенностей этой страны и ея положенія относительно другихъ странъ *), непремѣнно откроетъ взякому существованіе особыхъ задачъ ся внутренней и виѣшней политики, которые могутъ быть разрѣшены рационально только при извѣстномъ самоуправлении этой страны, возможномъ только при сознаніи населеніемъ ся своего единства и своихъ интересовъ.

Если къ сейчасть сказанному прибавимъ, что по признанію всѣхъ наблюдателей украинская порода, число членовъ которой и теперь уже можетъ быть определено до 20.000.000, — далеко не лишена физическихъ и нравственныхъ признаковъ высшей человѣчности и доказала въ своемъ прошломъ способность къ культурѣ, не смотря на неблагопріятныя условія,—

*) Украина съ Бѣлоруссіей страны Черноморскаго бассейна, какъ Польша и Литва — Балтійскаго, а Великороссія Балтійско-Каспійскаго и Сѣвернаго.

то мы тѣмъ болѣе должны будемъ признать, что українскій народъ можетъ представить не только естественное, но и благодарное поле для приложения силъ тѣхъ лицъ, которые желаютъ служить развитію человѣческому. Посвященіе себя работѣ на пользу развитія народа українскаго не только можетъ виолиць удовлетворить личности, которая возвысились до пониманія интересовъ общечеловѣческихъ, такъ какъ общечеловѣческое есть ничто иное, какъ совокупность лучшаго и всѣмъ выгоднаго въ отдельныхъ націяхъ.— но свободная и развитая українская нація будетъ, конечно не самымъ послѣднимъ членомъ въ человѣческой семье. Проявляющееся въ послѣднее десятилѣтіе все съ большей настойчивостью украинское движение и въ самыя наивныя свои времена въ сущности не имѣло другой цѣли, кромѣ возвращенія українской націи въ семью культурныхъ европейскихъ народовъ, въ которую она входила до к. XVII в., пока упомянутый выше раздѣлъ Украины не подорвалъ ся силъ, пока деспотическое Россійское государство не провело трудно переходимой границы между огромнымъ большинствомъ украинцевъ и Западной Европой и пока всеизсушающая государственная централизація не парализировала развитія украинскихъ культурныхъ центровъ. Въ настоящее время сознательная дѣятельность въ пользу гражданской свободы и самоуправлія населенія Украины, а также соединеніе образованныхъ классовъ съ массами народа, конечно поможетъ украинской націи сократить то разстояніе, какое образовалось въ послѣдняя столѣтія между развитіемъ ея и далеко опередившихъ ее народовъ Европы, — цѣль, которая уже сама по себѣ не можетъ не быть призваною достойной усилий нравственно развитыхъ людей, а особенно вскормленныхъ среди украинского народа и благодаря его труду.

Все сказанное вовсе не исключаетъ значенія для украинского народа и следовательно для лицъ, посвящающихъ себя дѣятельности въ средѣ его, — условій жизни государственной и особенно государства Россійскаго, въ которомъ находится огромное боль-

шинство украинского народа, ни не устраниетъ необходимости особенно тѣсныхъ связей какъ этого народа съ другими народами Россіи, такъ и тѣснѣйшаго согласія лицъ, посвятившихъ себя работѣ на пользу украинской націи, съ лицами, работающими на другій націи этого государства. Въ настоящее время уже и въ разнонациональныхъ государствахъ, каково бы то ни было ихъ происхожденіе, выработались между разнолеменными населеніями связи, разрывъ которыхъ нарушилъ бы многіе уже установленія интересы и отъ которыхъ можно отиравляться для дальнѣйшаго развитія упомянутыхъ націй. Даже въ государствахъ, явно угнетающихъ свои вѣдь или известныя націи, согласное дѣйствіе послѣднихъ необходимо для самаго освобожденія ихъ отъ общаго гнета. При этомъ только необходимо наиболѣе соотвѣтственное дѣйствительному положенію вещей упорядоченіе этого согласія.

Очевидно, что въ государствахъ столько же разнонациональныхъ, сколько и обширныхъ по пространству, послѣдняго рода согласное дѣйствіе всѣхъ населеній можетъ быть достигнуто только послѣ предварительного соглашенія отдѣльныхъ частей ихъ по племеннымъ и областнымъ подраздѣленіямъ. Таковой именно случай представляетъ въ особенности Россійскую Имперія, которой уже одно пространство дѣлаетъ совершенно невозможнымъ непосредственное приложеніе силъ отдѣльныхъ лицъ ко всей государственной области.

Обращаясь въ частности къ украинскому населенію Россійского государства, мы должны сказать, что, по нашему мнѣнію, сколько нибудь реальное пониманіе положенія и интересовъ этого населенія должно привести къ убѣждению, что не только въ настоящее время свобода и развитіе его тѣсно связано съ свободою и развитіемъ другихъ населеній Россіи, но что и вообще отдаленіе украинскаго населенія отъ другихъ областей Россіи въ особое государство (политический сепаратизмъ) есть вещь, не только во всякомъ случаѣ крайне трудная, если не невозможная, — но, при известныхъ условіяхъ, вовсе не нужная для ка-

кихъ бы то ни было интересовъ украинскаго народа*).

Народъ этотъ терпить теперь въ Россійскомъ государствѣ въ политическомъ отношеніи отъ непризнанія его національности, — вмѣстѣ со всѣми другими негосударственными народами Россіи, — а также вообще отъ непризнания правъ человѣческихъ и гражданскихъ и отсутствія самоуправліенія, отъ монархического деспотизма и правительственной централизаціи, которые и представляютъ политическаго врага, общаго всѣмъ народамъ Россіи, не исключая и того, національность котораго является въ этомъ государствѣ господствующею. Этотъ врагъ можетъ быть побѣженъ только совокупными усилиями всѣхъ народовъ Россіи, — которые и должны для этого организоваться какъ внутри себя, такъ и между собою. «Вільна Сілка» и должна прежде всего заняться организаціей среди украинскаго населенія силъ, способныхъ къ борьбѣ съ упомянутымъ врагомъ, — чтобы затѣмъ приступить вмѣстѣ съ другими подобными ей организаціями къ нападенію на этого врага и къ преобразованію Россійского государства на началахъ политической свободы. Сосредоточеніе на первыхъ порахъ дѣйствій «Вольного Союза» на украинскихъ областяхъ тѣмъ самимъ вовсе не отклонило бы его дѣйствій отъ всей Россіи, а только дало бы имъ наиболѣе практическое направленіе. Даже и исключительное посвященіе образованныхъ людей, живущихъ на Украинѣ, дѣятельности въ пользу тамошняго народа, не осталось бы безъ вліянія и на всю Россію, — такъ какъ характеръ, способности и традиціи украинскаго народа даютъ возможность надѣяться на быстрый среди него успехъ освободительныхъ идей, если только образованные люди на Украї-

*) Кромѣ другихъ резоновъ, въ родѣ отсутствія рѣзкихъ границъ между украинскою и великорусскою страною и смѣшанія во многихъ мѣстахъ населенія обоихъ племенъ, — противъ такого сепаратизма говорить между прочимъ и то обстоятельство, что, при осуществленіи его, коренное украинское населеніе лишилось бы запасныхъ для своей колонизаціи земель въ Донско-Каспійской области и отдѣлилось бы отъ своихъ соплеменниковъ, какъ въ этой области, такъ и въ Кубанской.

иѣ отбросить свой теперешній нравственный и физический абсентеизмъ и искренно обратятся къ своему народу. Въ такомъ случаѣ возбуждения къ свободнымъ стремленимъ украинскія области не остались бы безъ вліянія и на всю Россію. Но о какой бы то ни было украинской исключительности теперь страшно и говорить. Горячее стремленіе добыть для украинскаго населенія права человѣка и гражданина и самоуправление, при упомянутомъ выше сознаніи трудности и неизбежности для украинскихъ областей Россіи политического сепаратизма, — составляетъ именно залогъ того, что люди, посвятившіе себѣ освобожденію украинскаго народа, будутъ самыми горячими сторонниками преобразованія всей Россіи на началахъ, наиболѣе благопріятныхъ для свободы и развитія въ єхъ сел народовъ.

Вотъ важнѣйшія изъ соображеній, которые говорять въ пользу необходимости друзьямъ свободы и развитія, живущимъ среди украинскаго населенія Россіи, соединиться прежде всего въ мѣстное политическое общество и за тѣмъ уже, ветущая въ союзъ съ подобными же обществами въ другихъ областяхъ, действовать для свободы и развитія всей Россіи.

Но жители украинскихъ областей Россіи не могутъ ограничить своей дѣятельности только ея политическими границами. Украинское населеніе восточныхъ областей Австро-Венгрии есть прямое продолженіе такого же же населенія юго западной Россіи. Не смотря на иѣкотория отличія, зависящія отъ государственныхъ условій, быть, национально-культурныя задачи и даже соціальное положеніе украинскаго народа въ сущности одинаковы по обѣ стороны рѣки Збручъ, составляющей границу между австрійской Галиціей и россійской Подольской губерніей. Не только непосредственное соседство, но и направление рѣкъ и дорогъ, относительная густота населенія, и вслѣдствіе этого движеніе товаровъ и людей, ищущихъ заработка, и т. п. причины приводятъ населеніе прикарпатской Украины въ постоянное соприкосновеніе съ ихъ соплеменниками въ Россіи. Ближайшее знакомство съ вопросомъ

показываетъ, что политическая граница между Россіей и Австріей существуетъ здѣсь гораздо больше для высшихъ классовъ, (и то преимущественно для «православныхъ», а не для католиковъ или поляковъ и не для евреевъ) чѣмъ для народныхъ массъ, крестьянъ. Эти послѣдніе по обѣ стороны границы не только живутъ однимъ бытомъ, родятся, ходятъ чрезъ границу на заработки, по обмѣниваются продуктами пра-вешней жизни: такъ напр. щѣсни о крѣпостномъ правѣ, рекрутчицѣ, эмансипаціи крестьянъ и т. п. по обѣ стороны границы почти одинаковы, не смотря на то, что крѣпостное право было смягчено въ Австріи еще въ к. XVIII в., а отменено уже 1848, что военные по-рядки въ обоихъ государствахъ всегда были разные и что австрійскіе и россійскіе украинцы никогда не знали совмѣстной рекрутчицы. Русское правительство поняло значеніе этого нравственнаго обмѣна, когда послѣ крестьянскихъ волненій въ Австріи въ 1846—1848 гг. запретило входъ оттуда въ Россію разношникамъ и заработкаамъ, которые распространяли здѣсь противномѣщичныи идеи. И теперь галицкіе за-работчаки въ Россіи являются разносителями противу-наспортныхъ и вообще болѣе свободныхъ политичес-кихъ и національныхъ стремлений, — а съ дру-гой стороны аграрная движенія, бывшая въ россійской правобережной Украинѣ въ 1862—1863, гг. за кото-рыми послѣдовали аграрные льготы, принятые прави-тельствомъ въ 1863—1865 гг., отражаются и на Га-лиции возбужденіемъ у крестьянъ мысли о пересмотрѣ поземельныхъ отношеній.

Въ настоящее время взаимная роль Украины Га-лицкой и Россійской по отношенію къ намѣченнымъ выше цѣлямъ «Вольного Союза» представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

Осуществленіе извѣстной части упомянутыхъ цѣ-лей въ Украинѣ Россійской, установление въ Рос-сіи политической свободы, которая поведетъ за собою крѣпкую организацію интелигенціи для работы въ пользу своего народа, будетъ имѣть рѣшительный-шее дѣйствіе на Галицию, которое ведется теперь въ

БИБЛИОТЕКА УРСР

инв. 860748

Австрійской Українѣ противъ національно-соціального гнета надъ тамошнимъ народомъ *). Независимо отъ не-посредственной помощи, которая несомнѣнно будетъ тогда подаваема австрійскимъ украинцамъ изъ Россіи, уже одна нравственная поддержка освобожденного и организованного россійского большинства украинскаго племени должна оказать решительное влияніе на поднятіе духа у австро-венгерскаго меньшинства этого племени**). Съ другой же стороны даже и теперь, при всѣхъ невыгодахъ положенія украинцевъ въ Австро-Венгріи, страна ихъ, благодаря известной политической свободѣ, можетъ оказать полезное влияніе на Украину Россійскую. Всѣмъ известно, что Галиція уже съ 1863 г. служить мѣстомъ, где печатаются украинскія произведенія, преслѣдуемыя русскою цензурою. Австрійская конституція дозволяетъ образованіе политическихъ обществъ, созваніе сходокъ, — а потому въ Австрійской Українѣ возможно напр. основаніе рабочихъ и крестьянскихъ союзовъ какъ по національностямъ, такъ и интернациональныхъ, — изъ народностей, какія находятся и въ Российской Українѣ: изъ украинцевъ, евреевъ, поляковъ и румыновъ. Образованіе такихъ союзовъ составляетъ теперь въ Австро-Венгерской Українѣ настоятельную необходимость, осуществленіе которой, по разнымъ причинамъ, врядъ ли можетъ быть исполнено теперь безъ помощи изъ Российской Украины. Помощь эта была бы вознаграждена влияніемъ упомянутыхъ обществъ и на Россійскую Украину, какъ по-

*) К сожалѣнію, борьба эта, ведется сколько нибудь энергично только въ Галиціи, — а очень слабо въ Буковинѣ и вовсе не ведется въ Українѣ Венгерской, нравственно опущенной московско-славянофильской пропагандой, которая призракомъ московского панруссизма сначала оторвала мѣстную интеллигенцію отъ народа, а за тѣмъ неизбѣжно предала эту беспочвенную интеллигенцію въ жертву аристократическому мадьяризму.

**) Не невозможная вещь, что влияніе украинскихъ областей въ Россіи на весь россійский государственный союзъ побудить послѣдній въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Австро-Венгріи, если въ послѣдней украинцы будутъ оставаться въ столь же невыгодномъ положеніи, какъ теперь.

средствомъ естественного, такъ сказать, всасыванія, такъ и примѣромъ и опытомъ, который, по установленіи политической свободы въ Россіи, могъ бы быть прямо перенесенъ въ Россійскую Украину. Вотъ почему известное, хотя бы пока и косвенное, участіе въ дѣлахъ Австро-Венгерской Украины особенно интересно для тѣхъ изъ членовъ «Вольного Союза», которые имѣютъ болѣе интернациональныя стремленія и держатся соціалистическихъ идей, не находящихъ себѣ теперь приложения въ Россіи. Наконецъ это участіе полезно для украинцевъ россійскихъ вообще, такъ какъ оно ведетъ къ установлению связей ихъ съ западно-европейскою политическою жизнью, безъ всякаго сомнѣнія болѣе сложную и высшую, по развитію всѣхъ ся отправлений, а потому и могущей служить школой для всѣхъ общественныхъ дѣятелей въ Россіи.

Изъ сказанного нѣсколько выше, слѣдуетъ, что мы представляемъ себѣ Украину, не только какъ единицу этнографическую, но и какъ страну съ известной однородностію географическихъ и экономическихъ условій, — а потому тѣмъ болѣе не можемъ имѣть въ виду исключительно только украинское населеніе этой страны, забывая разныя иностранныя колоніи, въ ней водворившіяся, жизнь которыхъ, какъ это излишне и доказывать, не можетъ не быть тѣсно связана съ жизнью народа украинского и наоборотъ. Поэтому привлеченіе въ свою среду членовъ изъ этихъ колоній и установление при ихъ посредствѣ соглашеній между украинскимъ населеніемъ и упомянутыми колонистами къ обоюдной пользѣ, является, по нашему мнѣнію, для украинского Союза дѣломъ очень важнымъ. Въ случаѣ необходимости, въ «В. Союзѣ» могутъ образоваться особые отдѣлы изъ такихъ иностранныхъ членовъ, или вообще специально назначенные для особыхъ воздействій на разныхъ колонистовъ въ видахъ скрѣпленія привлечения ихъ къ общимъ цѣлямъ Союза».

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что кромѣ общихъ дѣйствій въ упомянутыхъ цѣляхъ, представители разныхъ колоній могутъ быть полезны для разныхъ отдѣльныхъ, но существенно важныхъ для всего населенія украин-

сихъ областей цѣлей. Для направлениія решенія внутреннихъ дѣлъ въ Украинѣ Россійской изъ колонистовъ въ ней имѣютъ особенное значеніе: румыны (въ Херсонской губ.), поляки и великоруссы и кромѣ того евреи и немцы. Колонисты румыны, поляки и великоруссы важны особенно потому, что они представляютъ отпрыски народовъ сосѣдей украинцамъ, какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и въ Австріи (румыны въ Буковинѣ и поляки въ Галиції) и служить естественною связью между украинскимъ народомъ и этими сосѣдями. За тѣмъ въ частности о политическомъ значеніи поляковъ и великоруссовъ надо замѣтить слѣдующее:

Поляки въ Россійской Украинѣ являются въ видѣ: 1) отдѣльныхъ лицъ, изъ болѣе или менѣе привилегированныхъ классовъ, 2) цѣлыхъ крестьянскихъ поселковъ (въ Подоліи и въ странѣ по Зап. Бугу) и 3) мѣщанъ, составляющихъ значительный процентъ населенія въ нѣкоторыхъ городахъ, преимущественно Волынско-Полѣсскаго края. Конечно, интересы и стремленія значительной части поляковъ первого рода сильно расходятся съ интересами украинскаго народа, а потому «Вольному Союзу» слѣдуетъ ожидать себѣ изъ этой среды значительного и разнообразнаго противодѣйствія. Но извѣстная часть поляковъ этого рода, болѣе образованная и гуманно развитая, и теперь уже сознаетъ невозможность установленія польского государства надъ украинскимъ населеніемъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, а также необходимость экономическихъ и правственныхъ уступокъ украинскому народу. Пониманіе своего положенія, а также привычки и естественная любовь къ родному краю должны побуждать этихъ поляковъ къ желанію самоуправлениія этого края. А такъ какъ у поляковъ вообще довольно сильно развиты стремленія къ свободѣ и при этомъ довольно свѣжі воспоминанія о прежнемъ, (хотя и не совершенномъ, по своей сословности) самоуправлениіи провинцій по литовско-польскому праву, то можно надѣяться на извѣстный процентъ изъ теперешняго польского дворянскаго класса въ Россійской Украинѣ,

который вполнѣ искренно можетъ присоединиться къ «Вольному Союзу». Постановка вопроса о правахъ человѣка и гражданина въ уставѣ этого Союза должна, кажется, вполнѣ удовлетворять и национальные стремленія такихъ поляковъ, по скольку онѣ состоять въ желаніи оградить свою национальность, а не навязать ее другимъ. Что же касается до польскихъ поселковъ, а также горожанъ, то та же постановка вопроса о личныхъ правахъ, и кромѣ того о самоуправлении общинахъ, въ которомъ могутъ найти себѣ обеспеченіе и выраженіе национально-культурные интересы всякаго сколько нибудь крупнаго меньшинства населенія въ каждой области, — на столько можетъ удовлетворить ихъ национальные стремленія, что сочувствіе и поддержка «Вольному Союзу» со стороны этой части польского населенія будетъ зависѣть только отъ степени знакомства ея съ его стремленіями.

Колонисты великорусскіе могутъ быть раздѣлены на группы, подобныя вышеприведеннымъ польскимъ раздѣленіямъ, и до некоторой степени находятся въ подобныхъ же отношеніяхъ къ украинскому населенію. Различіе заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ великорусскомъ крестьянскомъ и мѣщанскомъ населеніи гораздо сильнѣе идеи монархической, чѣмъ въ польскомъ, и если съ одной стороны въ образованныхъ великоруссахъ и въ овеликорушенныхъ дворянахъ на Украинѣ не такъ сильны, какъ въ соответственныхъ польскихъ и ополчечныхъ слояхъ, стремленія сословныхъ, но за то въ нихъ существуютъ стремленія государственно-централистическая, какъ у людей, принадлежащихъ къ народности господствующей въ государствѣ. Эти послѣднія стремленія могутъ быть ослабляемы вліяніемъ изъ коренныхъ великорусскихъ областей, особенно изъ окраинныхъ, въ которыхъ идеи децентрализациіи тѣмъ скорѣе могутъ взять верхъ, что тамошніе жители легче, чѣмъ колонисты среди подчиненной народности, могутъ увидѣть, что государственно-национальная централизациѣ не даетъ имъ вовсе никакой существенной выгоды и лишаетъ ихъ самихъ свободы и самоуправлениія.

Изъ евреевъ значительная часть, капиталисты и ихъ ближайшіе агенты, конечно, имѣть экономическіе интересы противоположныи интересамъ украинскаго народа и отчасти потому уже, — какъ это показываютъ и примѣры западноевропейскихъ странъ (Германія и Австрія) въ которыхъ евреи составляютъ сколько нибудь значительный процентъ населенія, скорѣе должна стать на сторону политической централизаціи, нежели самоуправлениія, особенно уѣзднаго и областнаго. Но среди украинскихъ евреевъ есть известная часть (среднимъ числомъ отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$) населенія вполнѣ производственного труда (ремесленники, земледѣльцы), которые могутъ быть, при посредствѣ образованныхъ и гуманно развитыхъ людей изъ числа украинцевъ и евреевъ, вполнѣ сближены съ украинскимъ народомъ. А кромѣ того у всего теперешняго еврейского населенія на Украинѣ есть известные интересы и стремленія, подходящія къ изложенной выше программѣ. Такъ евреи способны вполнѣ сознательно желать осуществленія всей полноты правъ человѣка и гражданина, по этой программѣ, и ограниченія произвѣла властей, а также самоуправления община; — послѣднее въ виду того, что евреи у насть живутъ густыми массами, составляя во многихъ общинахъ большинство населенія. Наконецъ евреи, какъ принадлежащіе къ религіи только терпимой по законамъ Россіи и какъ собственно не имѣющіе уже духовенства, не могутъ не быть сторонниками полной вѣротерпимости, даже въ ея крайнемъ примѣненіи, — въ полномъ раздѣленіи церкви отъ государства (согласно пункту е раздѣла А 1 § III-ей статьи нашего проекта Устава.) Евреи повсюду въ Западной Европѣ способствовали ослабленію клерикального элемента въ политикѣ, — а при огромномъ, сравнительно, количествѣ ихъ въ Россіи, евреи вмѣстѣ съ другими многочисленными же разновѣрцами и сектантами, могутъ тѣмъ болѣе усиленно помочь достижению этой существенной для развитія всѣхъ народовъ цѣли.

Нѣици на Украинѣ — преимущественно крестьяне, которыхъ если и можно въ чемъ нибудь упрекнуть по

отношению ихъ къ туземцамъ, то развѣ только въ отчужденности, чѣсколько высокомѣрной. Въ послѣднее время отчужденность эта стала ослабѣвать, и между лицами и кружками обоихъ илеменъ устанавливается видимая связь въ религіозныхъ братствахъ, извѣстныхъ обыкновенно подъ именемъ и т у н д о - въхъ. Въ этомъ отношеніи вліяніе нѣмецкихъ колонистовъ на украинцевъ вполнѣ соотвѣтствуетъ нашимъ цѣлямъ. Вліяніе это помогаетъ возвращенію украинскаго народа на путь къ реформаціи, на который народъ этотъ было вступить въ XVI в., — (когда среди него распространялся кальвинизмъ и даже социровскій антитринитаризмъ, когда и православныя церковныя братства заивляли стремленія подчинить клиръ свѣтскому обществу), — и съ котораго пути сбили украинскій народъ только исключительно несчастныя обстоятельства (Брестская Унія съ ея послѣствіями, опустошительные войны, подчиненіе украинской церкви московской и т. д.) Протестантское же движение, проявляющееся въ послѣднее время въ разныхъ мѣстахъ Украины, при поддержкѣ колонистовъ-нѣмцевъ, конечно, подталкиваетъ украинскій народъ на путь всесѣлаго освобожденія разума отъ всякихъ путей. Вслѣдствіе этого украинское политическое общество должно поддерживать начавшееся сближеніе между украинскимъ народомъ и нѣмцами-колонистами въ интересѣ перваго. Что же касается до самихъ этихъ колонистовъ, то члены такого общества должны поставлять имъ на видъ, что такъ какъ теперь прошло уже время льготъ и привилегій, которыхъ давало имъ царское правительство Россіи, — то благостояніе, развитіе и сама религіозная свобода колонистовъ можетъ быть теперь обеспечена только посредствомъ политическихъ вольностей, общихъ всему населенію государства, особенно посредствомъ огражденія правъ человѣка и гражданина и общинного самоуправлія, каковыя вольности могутъ быть приобрѣтены только совокупными усилиями всѣхъ элементовъ населенія Россіи.

Таковы важнѣйшія изъ точекъ соприкосновенія меж-

ду интересами украинского народа и интересами различного рода колонистовъ на Украинѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при надлежащемъ разъясненіи этихъ точекъ и при систематическомъ дѣйствіи «Вольного Союза» по отношенію ко всѣмъ элементамъ населенія Украины и ся сосѣдей, возможно, — въ однихъ случаяхъ скорѣе, въ другихъ медленнѣе, — привлеченіе представителей всѣхъ этихъ элементовъ къ содѣйствію «Вольному Союзу» для достиженія его ближайшихъ и дальнейшихъ цѣлей.

Сказанное сейчасъ прилагается къ такимъ колонистамъ, которые имѣютъ значеніе преимущественно для отношеній украинскаго народа въ предѣлахъ Россіи. Но между колонистами на Украинѣ есть и другіе, которые имѣютъ значеніе преимущественно для отношеній заграничныхъ, теперь не такъ бросающихся въ глаза, но тѣмъ не менѣе не послѣдней важности. Это болгары и греки, крымскіе татары и отчасти упомянутые уже румыны. Колонисты эти связываютъ населенія Украины съ народами балканскаго полуострова, съ которыми одни уже географическія условия, какъ напр. то, что выходъ изъ омывающаго берега Украины и принимающаго всѣ ея рѣки Чернаго моря (съ Азовскимъ) на великие международные водные пути (Средиземноморскій и Суэцкій) лежитъ чрезъ проливы, отдѣляющіе Балканскій полуостровъ отъ Азіи, — приводятъ украинскія населенія въ ближайшее соприкосновеніе. Извѣстно, какое значеніе имѣеть для всей Россіи т. наз. восточный вопросъ. Этотъ вопросъ навязанъ Россіи, которая, пока была только великорусскимъ государствомъ балтійско-каспійского бассейна, совершенно была далека отъ этого вопроса, — только присоединеніемъ къ ней украинскихъ областей (черноморского бассейна), — и не можетъ быть решенъ только одною вѣшиною дѣятельностью государства. Благопріятное для всѣхъ ближайше заинтересованныхъ въ восточномъ вопросѣ народовъ (жителей бассейновъ черноморскаго и средиземноморскаго) разрешеніе этого вопроса можетъ быть съ россійской стороны достигнуто только культурно-эконо-

мическимъ развитіемъ населеній Юга Россіи (преимущественно украинцевъ и румыновъ) невозможнымъ безъ политической ихъ свободы, безъ которой также невозможно и симпатическое отношеніе къ россійскому государственному союзу народовъ балканского полуострова и вообще средиземноморского бассейна.

Въ извѣстной степени входитъ въ область виѣшней политики и вопросъ объ отношеніяхъ украинцевъ къ полякамъ, такъ какъ поляки живутъ не только внутри Россійской имперіи, какъ колонисты среди украинцевъ, белоруссовъ и литвиновъ, и какъ нація отдельно, — но и въ Австріи и въ Пруссіи. Въ Австріи поляки находятся теперь въ положеніи націи господствующей и именно надъ украинцами, но въ Пруссіи они сами подчинены націи нѣмецкой, какъ въ Россіи великорусской. Хотя и въ средѣ россійскихъ поляковъ еще довольно крѣпки идеи объ «исторической Польшѣ», т. е. польскомъ государствѣ, владѣвшемъ и Литвою, Бѣлоруссіей и Украиной, — но все таки у нихъ уже развивается идея о равноправности подчиненныхъ когда то польскому государству народовъ съ польскимъ, — и изъ среды россійскихъ поляковъ, особенно живущихъ въ коренной польской области, какъ и изъ среды поляковъ прусскихъ, въ послѣднее время выходятъ все чаще голоса, осуждающіе нетерпимость господствующихъ въ Галиціи польскихъ партій по отношенію къ украинцамъ. Всегда же упомянутаго двойственного положенія поляковъ и двойственнаго же отношенія поляковъ къ украинскому народу двоякимъ должно оказаться и отношеніе къ нимъ «Вольного Союза». Нечего и говорить, что всякаго рода стремленіе поляковъ къ возстановленію исторического польского государства можетъ встрѣтить только противодѣйствіе со стороны украинского Союза. Но за то движение къ добытію для польского населенія правъ человѣка и гражданина и самоуправленія для этнографически польской области должно быть признано соотвѣтствующимъ цѣлямъ этого Союза. Українцы не могутъ позволить себѣ высказывать съ рѣшительностью свои мнѣнія о практическихъ вопросахъ другихъ на-

родовъ, — а потому и мы не беремся говорить рѣшительно о вопросѣ обѣ такомъ или иномъ отдѣленіи польской области Россіи въ особое государство, — но все же думаю, что преобразованіе Россіи на начаахъ политической свободы, согласно напр. пункту III-му I-ой ч. настоящаго проекта, могло бы, по крайней мѣрѣ на долго, удовлетворить существенійтіе интересы польского населенія въ Россіи, — какъ въ коренной польской области, такъ и въ колоніяхъ. При соединеніе же поляковъ къ совмѣстному дѣйствію противъ теперешняго русскаго правительства для установлениія въ Россіи политической свободы, согласно этому пункту, по нашему мнѣнію увеличило бы силу освободительного движения въ Россіи, — а потому достижение соглашенія съ поляками на этихъ начаахъ должно составить одну изъ важнѣйшихъ задачъ украинскаго Союза*). За тѣмъ разрѣшеніе польскаго вопроса въ Россіи, — по крайней мѣрѣ въ существенійшихъ для практическихъ интересовъ польского населенія чертахъ, — при совокупномъ дѣйствіи представителей всѣхъ славянскихъ племенъ ея, — несомнѣнно оказалось бы вліяніе и за границей Россіи, между прочимъ и на улучшеніе положенія поляковъ въ Пруссіи, — а также и на улучшеніе отношеній между поляками и украинцами въ Австріи. Здѣсь

*.) Какъ вполнѣ личное мнѣніе, мы позволимъ себѣ замѣтить, что отдѣленіе польской области отъ Россіи собственными усилиями поляковъ не имѣть вѣроятностей успѣха и врядъ ли бы было выгодно для польского племени, при всѣхъ настоящихъ условіяхъ политической жизни въ Европѣ. Не говоря уже о томъ, что для привислянского польского населенія врядъ ли было бы выгодно въ экономическомъ да и въ нравственномъ отношеніи отдѣленіе отъ областей Днѣпровскаго басейна (а только обѣ отдѣленіи «Привислянского края» и можетъ быть скольконибудьнибудь серьезная рѣчъ) — но даже и это отдѣленіе могло бы совериться только при помощи Германской имперіи, которая конечно поставила бы польскую область въ подчиненное себѣ положеніе. Котѣ почему мы бы теперь подали голосъ противъ всякой практической поддержки украинцами польского сепаратистического движения и поставили бы цѣлью усилий украинскихъ политическихъ дѣятелей въ сношеніяхъ съ поляками — привлеченіе послѣднихъ къ программѣ превращенія Россіи въ свободно-союзное государство.

уже одно нравственное давление поляковъ российскихъ и прусскихъ, конечно, при извѣстной энергіи самихъ украинцевъ, подѣйствовало бы на ослабленіе нетерпимости ихъ современниковъ и на образованіе между ними партии демократической, которая бы признала, что совокупная работа съ украинцами для блага народовъ польского и украинского составляетъ болѣе достойное нашего времени дѣло, чѣмъ тѣ проявленія национальной, сословной и религіозной исключительности, какіе мы видимъ теперь въ Австрійской Польшѣ и Украинѣ.

Конечно, вопросы болѣе или менѣе далекаго будущаго и вопросы вѣнчаній политики не могутъ на столько заботить членовъ украинскаго Союза, какъ вопросы ближайшіе и политики внутренней, но совершенно закрывать глаза на первые, особенно въ виду того, что сбытия, — какъ это много разъ было и въ послѣднее время, напр. въ 1861—63 и 1875—78 гг. — могутъ во всякую минуту выдвинуть ихъ на первый планъ, — не позволительно для людей, выходящихъ на политическую дѣятельность. Необходимо по этому, чтобы украинскій Союзъ держался опредѣленного взгляда и на вѣнчаную политику Россіи, по скольку она косвенно и прямо связана съ украинскими интересами, и поддерживалъ какъ внутри Россіи, такъ и за границей извѣстные, наиболѣе вѣрные и въ то же время наиболѣе отвѣчающіе этимъ интересамъ взгляды на эту политику, впередъ до тѣхъ поръ, пока участвующія въ общемъ самоуправлениіи всѣхъ областей Российскаго государственного союза украинскія области получать возможность непосредственно оказывать свое влияніе на направление вѣнчаной политики этого союза.

Къ пункту л, разд. А, § I статьи III-ей. Право сопротивленія незаконнымъ дѣйствіямъ чиновниковъ провозглашенное между прочимъ французскимъ конституціоннымъ актомъ 24 іюня 1793 г. (*Declaration des droits de l'homme et du citoyen*, art. 11) было неоднократно призвано английскими судами. Напр. въ правлениіе королевы Анны полицеїскій (констебль) хотѣлъ арестовать одного человѣка виѣ своей компетенціи и

следовательно не законно; одинъ прохожій оказалъ помощь арестовываемому, и въ завязавшейся борьбѣ констебль былъ убитъ. Двѣнадцать судей подъ предсѣдательствомъ Lord chief justice Гольта рѣшили, что «случай ареста лица незаконною сплою достаточно оправдываетъ сострадательное рѣшеніе проходящаго поспѣшить на помощь этому лицу; что всякое нарушеніе свободы подданного есть вызовъ всѣмъ подданнымъ короля Англіи, что всякий имѣетъ основаніе принять къ сердцу Актъ habeas corpus и т. и.» (Laferrière, *Les Constitutions d'Europe et d'Amérique*, 1869, 423—424).

Къ примѣчанію II къ раздѣлу А въ статьѣ III-ей. Сознательные и дальновидные сторонники свободы въ С. Америкѣ, среди самаго вооруженнаго возстанія за независимость, не побоялись, ни по военнымъ, ни по политическимъ соображеніямъ, постановить, что «никто, кромѣ лицъ, входящихъ въ составъ войскъ сухопутныхъ и морскихъ или состоящихъ въ действующемъ ополченіи, не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть подчиненъ уставу военного положенія (martial-law), ни подвергнутъ наказаніямъ на основаніи этого устава. (29 § конституціи шт. Мерилендъ).

Къ § 1-му раздѣла Б, статьи III. Въ перечисленіи единицъ мѣстнаго самоуправленія существующая въ Россіи административная и земская единица,—губернія, опущена и замѣнена новою, — областью. Эта послѣдня впрочемъ не можетъ называться вполнѣ неслыханнымъ нововведеніемъ, — такъ нѣчто подобное ей представляютъ теперь округа учебные и судебные, генераль-губернаторства, а въ прошломъ представляли губерніи Петра Великаго.

Теперешнія губерніи, выкроенные для чисто административныхъ цѣлей и по канцелярскимъ соображеніямъ, часто совершенно случайны, представляются единицами совершенно неудобными для интересовъ земскихъ. Земская единица, средняя между уѣздомъ и государствомъ, должна бы соединять въ себѣ слѣдующія условія: 1) обнимать собою края однородные по характеру земли и населенія, 2) быть достаточно населеніемъ.

ною, чтобы имѣть средства для удовлетворенія потребностей мѣстныхъ, но все же совершенно неспособныхъ уѣздамъ, (напр. канализацію, орошеніе и осушение почвы, содержаніе высшихъ учебныхъ заведеній и т. п.) 3) достаточно обширною, чтобы ея представительство стояло въ извѣстномъ отдаленіи отъ болѣе мелкихъ дѣлъ уѣзда и въ то же время, чтобы оно могло имѣть вѣсъ предъ государствомъ, т. с. чтобы въ первомъ случаѣ оно могло не стѣсняться, а во второмъ ограждать мѣстное самоуправленіе. Ни одному изъ этихъ условій не удовлетворяетъ теперешняя губернія, — и потому то для нихъ должна быть образована новая земская единица: — область. Сознаніе си необходимости уже и теперь проявляется въ обществѣ: въ ходатайствахъ многихъ земствъ о съѣздахъ изъ пѣсколькихъ губерній, обѣ учрежденіи извѣстныхъ каѳедръ при высшихъ школахъ, существующихъ для цѣлаго округа, обѣ открытіи высшихъ учебныхъ заведеній для пѣсколькихъ губерній и т. п. *). Такъ какъ вся административно-политическая практика Россіи съ к. XVIII в. не благопріятствовала объединенію и даже сознанию областныхъ интересовъ, то, конечно, теперь трудно сразу памѣтить точно областное подраздѣленіе Россіи, которое можетъ быть только результатомъ заявлений уѣздовъ. Въ экстренномъ случаѣ можно бы было остановиться на учебныхъ или судебныхъ округахъ, съ тѣмъ чтобы въ областныя собранія, созванныя по этимъ округамъ, представлены были соображенія собраній уѣзденыхъ относительно распределенія уѣздовъ по областямъ. Мы позволяемъ себѣ предполагать, что предоставленные на ихъ волю уѣзды распредѣлились бы въ области, въ родѣ тѣхъ, какія мы рѣшились намѣтить въ примѣчаніи къ объясняемому теперь пункту.

За основаніе этого дѣленія мы брали не одинъ какой либо признакъ земли или населенія, а по возможності совокупность особенностей края: природныхъ, которыхъ обусловливаютъ единство хозяйственныхъ интерес-

*) См. обѣ этомъ между прочимъ «Земскую хронику» въ «Вольномъ Словѣ» № 61—62.

совъ его жителей, а также особенностей национальныхъ, опредѣляющихъ единство ихъ интересовъ нравственныхъ, при чмъ мы обращали преимущественное внимание па особенности перваго рода. Собственно национальные права ограждаются, по мысли нашего проекта Устава, признаніемъ правъ человѣка и гражданина, которыхъ они составляютъ часть. Въ силу этого признанія вслѣдъ национальный языкъ, — главный и имѣющій наиболѣе практическаго значенія признакъ национальности, — т. е. языкъ сколько нибудь значительной группы населенія, долженъ пользоваться неотъемлемымъ правомъ употребленія въ школѣ, судѣ и др. публичныхъ учрежденіяхъ. За тѣмъ самоуправление общинное и уѣздное достаточно можетъ оградить неприкословенность национальныхъ языковъ въ обученіи, особенно начальномъ, гдѣ это особенно нужно для успѣха дѣла. Конечно, и область должна служить огражденію и развитію нравственныхъ интересовъ национальности, — но когда эти интересы достаточно ограждены другими условіями, тогда, при решеніи вопроса объ устройствѣ областей, можно, вполнѣ безъ страха за национальные интересы, обратить особенное вниманіе на интересы другого породка, напр. хозяйственныя. Вотъ почему въ некоторыхъ случаяхъ нашего предположенія раздѣленія областей Россіи допущена смѣшанность населенія, въ другихъ населеніе одной национальности раздѣлено па иѣсколько областей, какъ это имѣеть мѣсто особенно относительно национальностей многолюдныхъ и занимающихъ обширныя страны, какъ напр. великоруссы и украинцы, которые если бы они составляли даже особыя государства, то все же должны бы были, во избѣженіе неудобствъ централизаціи, быть раздѣлены на области. Вообще въ поясненіе и оправданіе предлагаемаго здѣсь на судъ общества проекта областнаго раздѣленія Россіи можно сказать, что оно больше соотвѣтствуетъ раздѣленію Швейцаріи, чмъ тому, къ которому стремятся национальные политики Австрійской имперіи: въ Швейцаріи живетъ населеніе трехъ крупныхъ национальностей: французской, немецкой и итальянской, и двухъ малолюдныхъ разновидностей романскаго племени (т.

наз. ретороманцы въ кантонахъ Граубюнденскомъ) — и въ эти национальности пользуются каждая въ своемъ мѣстѣ полными правами, но въ политическомъ отношеніи населеніе швейцарское сгруппировано не въ национальные области, а въ кантоны, изъ которыхъ многие имѣютъ смѣшанный национальный составъ.

Изъ предположенныхъ нами областей Россіи требуютъ особыхъ оговорокъ:

1. Область Балтійская. Однаковыя хозяйственныя условія земли Эстонской (въ тепер. Эстляндской губ. и сѣв. части Лифляндской) и Латышской (въ ю. части Лифл. губ. и въ Курляндіи), а также однаковое распространеніе въ нихъ иѣмецкаго населенія заставляютъ соединить эти земли въ одну область. Къ ней естественно должны принадлежать латышскіе уѣзы Витебской губ.. оторванные отъ Лифляндіи совершенно случайно и ничего общаго съ белорусскою землею въ нравственномъ отношеніи не имѣющіе.

2. Область Литовская естественно должна обнимать собою и большую часть губ. Сувалкской. Послѣдняя населена литовцами и до раздѣла Польши входила въ составъ Литвы и только потому попала въ Царство Польское 1815 г., что передъ тѣмъ, будучи по дипломатическому глазомѣру прирѣзана къ Пруссіи, а потомъ отрѣзана отъ нея въ совершенно искусственное Наполеоновское Герцогство Саксонское, попала за тѣмъ вмѣстѣ съ нимъ во власть Россіи, при чёмъ и осталась въ новообразованномъ Царствѣ Польскомъ 1815 г., благодаря полному невѣжеству русскаго правительства въ дѣлахъ его областей. Кроме илленинаго родства, всѣ экономические интересы тягутъ эту часть Литвы къ Нѣману, къ остальной Литвѣ, а не къ Вислѣ и Польшѣ.

3. Область Польская опредѣлена нами, собразно этнографическимъ границамъ польского иллени на Востокѣ, а также экономическому тяготѣнію населеній по Вислѣ и Нареву къ Варшавѣ.

4. Предложенное нами очертаніе области, которую мы назвали Полѣсской, конечно, вполнѣ противурѣчить теперешнимъ административнымъ дѣлені-

ямъ этой мѣстности, но за то, по нашему мнѣнію, вполнѣ отвѣчаетъ географическимъ и этнографическимъ условіямъ ея, экономическимъ интересамъ населенія и даже прежнимъ историческимъ ея дѣленіямъ. Забужская Украина (б. Холмская епархія) попала въ Ц. Польское 1815 г. и остается въ немъ по причинамъ, подобнымъ тѣмъ, по которымъ попала туда и Занѣманскія Литва. Даже во время существованія Польши въ союзѣ съ В. Кн. Литовскимъ, (не говоря уже о болѣе раннихъ временахъ, когда областная группировка была еще свободнѣе и натуральнѣе) — эта Забужская Украина, — окрестности Холма, Бѣлой, Сѣдльца, — отдѣлялась отъ чисто-польскихъ воеводствъ Мазовецкаго, Люблинскаго, а входила въ составъ восточныхъ русскихъ провинцій: земли Холмской, воеводства Подляскаго и Брестскаго (входившаго въ В. Кн. Литовское). Характеръ большинства населенія (русины) и экономическое тяготѣніе къ Бресту говорятъ и теперь въ пользу отдѣленія этихъ красавъ отъ Польской области. Край же Брестскій, по населенію, принадлежитъ тоже къ украинскому племени, и по географическимъ условіямъ и экономическимъ интересамъ принадлежитъ къ одной области съ Полѣсью, краемъ по Припети, по которой и распространялась почти до самаго Мозыря граница воеводства Брестскаго въ В. Кн. Литовскомъ, такъ что сѣверная граница этого воеводства почти совпадала съ теперешней границей украинского племени съ бѣлорусскимъ. Да же однѣ взглядъ на карту ясно показываетъ, что края по рр. Туріи, Стыри и Горыни, — до р. Случи, — составляющіе собственную Волынь (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ казенной Волынской губерніей, какъ это дѣлаютъ казенные учебники, даже писанные известными учеными, въ родѣ г. Иловайскаго) тѣсно связаны съ вышеупомянутымъ Припетскимъ краемъ. Такимъ образомъ вся предположенная нами Полѣсская область является естественнымъ цѣломъ, части которого связывались и прежде рѣчными системами, а теперь чрезвычайно счастливымъ образомъ связываются цѣлой системой желѣзныхъ дорогъ: Жмеринско-

Брестской. Здолбуново-Бродской, Ковельско-Ивангородской. Пинско-Жабинской и строющейся Ровенско-Пинско-Виленской. Область эта, имѣющая по своимъ природнымъ богатствамъ, вѣсъ шансы для развитія, назначена играть важную роль между Украиной, Польшей и Литвой, какъ Харьковская область, на другомъ концѣ Украины, — роль между этой послѣдней и Великороссией.

5. Область Одесская, по нашему предположенію, должна заключать въ себѣ между прочимъ все румынское населеніе Россіи, провести прямую границу между которымъ и населеніемъ украинскимъ не только въ Херсонской губ., но и въ самой Бессарабіи, совершенно не возможно. Выдѣлять же въ особую область Бессарабію (1.052.000 жит., изъ коихъ 49% румыновъ, 31% украинцевъ) не экономично, по причинѣ малой величины этой области, и не удобно для национальныхъ интересовъ херсонскихъ румыновъ (около 110.000).

6. Въ областяхъ великорусскихъ, какъ они предположены нами, распредѣляются въ каждой и однородными группами элементъ финноуральскихъ и тюркскихъ.

Къ § 3 статьи III-ей; къ примѣчанію I. Примѣчаніе это составлено въ виду того, что поголовная подача голосовъ есть, конечно, система наиболѣе справедливая въ идеѣ, но на практикѣ, при выборахъ депутатовъ отъ известныхъ чисто пространственныхъ округовъ, она обращается въ представительство чисто механическаго, часто зависящаго отъ ловкости избирательныхъ комитетовъ, а то и отъ административныхъ давлений, большинства. Вслѣдствіе этого въ большей части западноевропейскихъ государствъ, гдѣ существуетъ эта, по видимому столь демократическая, система, собственно демосъ, а особенно крестьяне, представлены въ парламентахъ гораздо меньше, чѣмъ даже при классовой системѣ выборовъ (напр. въ австрійскихъ сеймахъ или нашихъ земствахъ). Вотъ почему желательно было бы, чтобы, не отступая отъ положеній, что каждый гражданинъ долженъ имѣть право непосредственнаго голоса, наши избирательные

законы не сгоняли бы избирателей въ чисто механическія массы, — а чтобы избирательные сходы были составлены изъ лицъ близкихъ мѣстностей, а также однородныхъ занятій, — напр. землевладѣльцы и земледѣльцы, — ремесленники и торговцы, — люди духовныхъ занятій (т. наз. свободныхъ профессій) и т. п. *) Представительство меньшинства, — вещь справедливая во всякомъ случаѣ, — является особенно необходимымъ въ округахъ съ смѣшаннымъ национальнымъ составомъ. По немногу оно входитъ въ практику свободныхъ странъ, — такъ напр. оно уже существуетъ въ Англіи, по закону 1867 г., по которому въ округахъ, где выбирается болѣе 3 депутатовъ, никакой избиратель не можетъ подавать голосъ болѣе чѣмъ за двухъ кандидатовъ, такъ что меньшинство имѣть всегда по крайней мѣрѣ одного представителя на 3 выборныхъ отъ большинства. — Примѣчаніе наше введено въ программу, для того чтобы обратить на вопросъ организаціи представительства вниманіе тѣхъ лицъ отъ которыхъ слѣдуетъ ожидать разработки его примѣнительно къ нашимъ мѣстнымъ условіямъ.

Къ §§ 4—9 статьи III-ей. Параграфы эти имѣютъ цѣлью намѣтить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ основы мѣстного самоуправлениія преимущественно относительно завѣдыванія дѣлами общественного хозяйства, благоустройства, благосостоянія и просвѣщенія, и только отчасти относительно устройства административно-полицейскаго. Подробности отложены до дальнѣйшей разработкѣ членовъ «Вольного Союза», а также до практики, въ которой, безъ сомнѣнія, начало мѣстного самоуправлениія должно будетъ бороться съ начальствомъ централизациіи. Намъ кажется наиболѣе существеннымъ въ настоящее время устройство по изложеніинымъ принципамъ органовъ мѣстного самоуправлениія съ разными кругами дѣятельности, — отъ общихъ до областныхъ, — и предоставлениe имъ возможно бо-

*) Напомнимъ, что къ этому вопросу подошли уже въ Россіи люди практики: земскія собранія, напр. Владимірское губ. земство и Моск. уѣздн. управа (см. «Земство», 1881, № 43 и 52).

лѣе всецѣлаго и съ наибольшею самостоятельностю завѣдывалі дѣлами, наиболѣе близкими повседневнымъ интересамъ населеній, т. е. дѣлами общественнаго хозяйства, благоустройства, благосостоянія и просвѣщенія. Самостоятельное вѣданіе этими дѣлами упрочило бы существование органовъ мѣстнаго самоуправления и дало бы осознательныя основанія для постепенного расширенія круга ихъ вѣдѣнія, включая въ него и дѣла административно-полицейского характера.

Мы не имѣли и не имѣемъ въ виду писать подробные проекты административной и полицейской реформы въ Россіи,—работа, которая требуетъ болѣе специального изученія и всестороннаго обсужденія людьми кабинета и практики. Мы имѣли въ виду по этому вопросу намѣтить только такие пункты, которые слѣдуетъ считать основными въ дѣлѣ огражденія политической свободы, въ двухъ ея кругахъ: свободы личной и самоуправленія.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и та и другое могутъ быть ограждены тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе органы полиції и администраціи на всѣхъ своихъ ступеняхъ будутъ поставлены въ зависимость отъ самого населения, будучи назначаемы прямymi или косвенными выборами. А потому, конечно, наиболѣе желательнымъ было бы и для насъ то полицейское и административное устройство, какое существуетъ въ федеративныхъ республикахъ Швейцаріи, Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и т. п. Но мы не можемъ обольщать себя надеждою на скорое осуществление подобныхъ желаній на почвѣ Россіи,—гдѣ радикальное примѣненіе вѣборности (прямой или косвенной) полицейскихъ и административныхъ лицъ и отсутствіе по областямъ политическихъ представителей центральной власти (какъ отсутствуютъ они въ кантонахъ и штатахъ названныхъ федеральныхъ республикъ, безъ всякаго однакожъ ущерба для общихъ союзныхъ интересовъ, достаточно охранляемыхъ одиними союзными властями) встрѣтить препятствіе не только въ монархическихъ преданіяхъ, но и въ предразсудкахъ государственной централизации, развитыхъ

долгой исторіей во всѣхъ большихъ государствахъ материка Европы. А потому слѣдуетъ думать, что въ ближайшемъ будущемъ административно-полицейское устройство въ Россіи выйдетъ только соглашеніемъ началь самоуправлениія и централизациі, выборности и назначенія, и слѣдуетъ заранѣе примириться съ этимъ, если при томъ будутъ ограждены интересы лицъ и мѣстныхъ коллективностей въ ихъ самыхъ существенныхъ, повседневныхъ дѣлахъ.

Необходимо чтобы этотъ компромиссъ былъ вполнѣ честнымъ и откровеннымъ договоромъ, который бы съ одной стороны предоставлялъ органамъ мѣстного самоуправлениія извѣстную широту дѣйствія, а съ другой стороны полагалъ бы строго опредѣленные предѣлы вмѣшательства назначаемыхъ сверху администраторовъ въ рѣшенія органовъ этого самоуправлениія и ставилъ бы судью между ними вполнѣ самостоятельное учрежденіе, которое не могло бы руководствоваться въ своихъ приговорахъ ни чѣмъ другимъ, кроме законовъ. На основаніи этихъ соображеній можетъ быть допущена на условіяхъ, намѣченныхъ во II-мъ примѣчаніи къ объяснительному параграфу должность областнаго намѣстника, назначаемаго главою государства, но только этотъ намѣстникъ вовсе не долженъ быть ни «хозяиномъ области» по отношенію къ администраціи вообще, какимъ хотѣли сдѣлать прежняго губернатора, ни властелиномъ надъ органами самоуправлениія, какимъ въ сущности остался теперешній губернаторъ въ Россіи. Соединеніе областныхъ (нынѣ губернскихъ) административныхъ учрежденій подъ властію одного администратора не нужно ни для какихъ реальныхъ интересовъ ни областей, ни государства, даже централизованного. Нынѣшнія учрежденія губернскія: финансовые, почтовые, контрольные и т. п., могли бы распредѣлиться по Россіи согласно своимъ цѣлямъ и мѣстнымъ условіямъ, независимо отъ областныхъ подраздѣленій,—подобно тому какъ и теперь распредѣляются учрежденія судебные, независимо отъ раздѣленій административныхъ,—и будучи органами соответственныхъ общегосударственныхъ учрежденій не нужда-

ются еще въ мѣстномъ ихъ объединеніи, по существу дѣла совершенно формальномъ.

Областное намѣстничество могло бы существовать безъ вреда только какъ посредникъ между органами мѣстного самоуправлениія и правительствомъ центральнымъ. Областной намѣстникъ могъ бы имѣть право протеста противъ дѣйствій и постановленій органовъ мѣстного самоуправлениія, въ случаѣ нарушенія ими основныхъ законовъ и общихъ интересовъ государственного союза, съ тѣмъ чтобы протесты противъ органовъ сельскихъ и волостныхъ разматривались напр. въ уѣздномъ съѣздахъ мировыхъ судей (который вообще могъ бы быть апелляціонной инстанціей на сельскія и волостныя учрежденія) а въ случаѣ несогласія мироваго съѣзда съ намѣстникомъ, переносились бы въ Сенатъ, — который бы разматривалъ и протесты намѣстника противъ дѣйствій и постановленій управъ и думъ городскихъ и уѣздныхъ. О дѣйствіяхъ же и постановленіяхъ управъ и думъ областныхъ намѣстникъ могъ бы только представлять свои заключенія на усмотрѣніе министерства, которое одно бы имѣло право опровергать ихъ, каковые протесты разматривались бы въ Сенатѣ въ общемъ собраніи его департаментовъ съ призваніемъ къ объясненію уполномоченныхъ отъ областной думы. Въ пособіе намѣстнику по всѣмъ этимъ дѣламъ надзора за органами мѣстного самоуправлениія могъ бы быть учреждѣнъ областной совѣтъ, половина членовъ которого могла бы назначаться правительствомъ, а другая избиралась бы областными думами.

Что касается до устройства полиціи, — важнаго особенно по отношенію, какое имѣть оно къ вопросу объ огражденіи личной свободы, — то мы считаемъ существеннымъ условіемъ послѣдняго — избираемость, прямую или косвенную, чиновъ полиціи зъ уѣздахъ и городахъ и ответственность ихъ предъ уѣздными и городскими думами*). За тѣмъ, кто собст-

*) Мы разумѣемъ здѣсь собственно полицію безопасности, такъ какъ полиція благоустройства, по смыслу § 8, должна принадлежать прямымъ органамъ самоуправлениія общепінаго, волостнаго и уѣзднаго.

венно будетъ выбиратьъ этихъ чиновъ (нынѣщихъ исправниковъ и полиціймейстеровъ), — соответственныя ли думы (городскія и уѣздныя, или тѣ и другія вмѣстѣ) или управы, какою будетъ способъ назначенія подчиненныхъ этихъ чинамъ агентовъ, — это вопросы второстепенные, равно какъ и вопросъ о подчиненности полиціи министерству внутреннихъ дѣлъ, — (преимущественно политическому), — или же министерству юстиціи, (что казалось бы намъ болѣе умѣстнымъ) а также вопросъ о необходимости устройства областной полицейской инстанціи. Избирательность чиновъ полиціи, или назначеніе ихъ избранными управами, — существующее напр. въ кантонахъ Швейцаріи, — конечно, является чѣмъ то въ родѣ ереси для бурократіи и доктринеровъ государственности, но оно не представляетъ ничего особенно новаго даже для россійской практики, а тѣмъ болѣе для теоріи. Еще до 1862 г. въ Россіи существовали уѣздные исправники, избираемые дворянами, и хотя они, какъ вообще россійскія учрежденія стараго времени, не оставили по себѣ доброй памяти, но по меньшей мѣрѣ ничѣмъ не были хуже теперешнихъ уѣздныхъ начальниковъ, назначаемыхъ правительствомъ, а въ свое время были, конечно, приличнѣе нравительственныхъ городничихъ. Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ общество и печать въ Россіи сознавали неудовлетворительность полицейского устройства вообще и сословности земской полиціи, по не думали отказываться отъ принципа выборности въ этомъ отношеніи, а напротивъ желали его расширенія, при всесословности. Въ такомъ духѣ состоялись въ 1858 — 60 гг. адресы и ходатайства, напр. адресъ нѣкоторыхъ депутатовъ редакц. комиссій по кр. дѣлу, дворянскихъ собраній Владимирской, Орловской, Нижегородской и др. губ., адресъ петербургскаго дворянскаго собранія, специально направленный противъ предположеній о преобразованіи уѣздной полиціи на началахъ, осуществленныхъ въ 1862 г., и требовавшій въ замѣнѣ того всесословнаго самоуправленія. (См. въ «Материалахъ для ист. упраздн. крѣп. сост.», т. 2. и въ «Вольномъ Словѣ» 1883, № 56 «Толците и отвер-

зется»). И въ послѣднее время, когда поднялся вопросъ о преобразованіи мѣстнаго управления, многія земскія собранія высказались за избирательность уѣздныхъ начальниковъ или головъ и т. и. или по крайней мѣрѣ въ пользу представленія земствомъ правительству или сенату нѣсколькихъ кандидатовъ на такія должности. (См. напр. въ «Земствѣ» 1881 г. № 24, мнѣніе Павлоградскаго земства, въ № 17 — Спасскаго, ряз. губ. въ № 36, 43 — Владим. губ. з., въ № 41, Черниговскаго, въ № 52 — Моск. уѣзди. з. упр., и т. д. въ «Вольномъ Словѣ», 1883 г., № 52 мнѣніе Костромскаго губернскаго земства, въ «Русск. Мысли» 1883, Декабрь. О преобразованіи мѣстнаго управления: мнѣнія Воронежской и Калужской земскихъ комиссій, Псковскаго губ. земск. собранія и др.)

Къ § 12 статьи III. Предварительное разсмотрѣніе всѣхъ финансовыхъ законовъ въ областныхъ думахъ существенно необходимо въ виду разнообразія экономической жизни областей Россіи. При такомъ способѣ законодательства не были бы возможны напр. разрушительные для украинскихъ областей постановленія, въ родѣ теперешнихъ законовъ объ акцизѣ съ водки, табаку и т. п. По тѣмъ же причинамъ необходимо и известная доля законодательной самостоятельности областей Россіи. И теперь административныя и судебныя учрежденія, избирательные порядки, самое гражданское законодательство имѣютъ свои отличія напр. въ Балтійскихъ губерніяхъ, въ Ц. Польскомъ, Бессарабіи, за Кавказомъ, въ Козацкихъ земляхъ и даже въ губерніяхъ бывшей Гетманщины Малороссійской, не говоря уже о т. наз. инородцахъ. Но только теперь допущеніе и опредѣленіе мѣстныхъ учрежденій и законоположеній зависитъ всецѣло отъ центральной бюрократіи, обыкновенно и ничего невѣдущей въ дѣлахъ областей. Предполагаемое нашимъ проектомъ предоставление всѣхъ этихъ дѣлъ вѣдѣнію областныхъ собраній можетъ только обеспечить большую разумность въ приспособленіи учрежденій и законовъ къ разнообразію жизни областей, не устранивъ выработанныхъ областными представителями

проектовъ отъ контрола учрежденій все-государственныхъ.

Къ § 13 статьи III. Наслѣдственно-аристократической характеръ англійской палаты лордовъ и разныя, болѣе или менѣе неудачные подражанія ей въ новѣйшихъ конституціяхъ государствъ Запади Европы создали въ извѣстныхъ общественныхъ кругахъ, — особенно французскихъ и тѣхъ, на какіе они имѣютъ вліяніе, — предубѣжденіе противъ двухъ палатъ, какъ противъ учрежденія будто бы недемократического и стѣснительного для прогресса. Но проектируемая нами Союзная Дума имѣть себѣ подобіе не въ верхнихъ палатахъ или сенатахъ европейскихъ государствъ, а въ Сенатѣ С. Ам. Соединенныхъ Штатовъ или Совѣтѣ Кантоновъ (*Conseil des Etats*) Швейцарскомъ. Эти учрежденія, — представители интересовъ штатовъ, или кантоновъ, не имѣютъ въ себѣ, какъ извѣстно, ничего ни противудемократического, ни обязательно консервативнаго. Назначеніе союзныхъ палатъ состоять не въ томъ, чтобы тормозить движеніе впередъ палатъ национальныхъ или государственныхъ, а въ томъ, чтобы останавливать решения и дѣйствія, какъ центральнаго правительства, такъ и государственныхъ палатъ, противныя существеннымъ интересамъ каждой изъ областей. Эти же решения и дѣйствія сами по себѣ могутъ быть реакціонны, какими напр. оказались: установление смертной казни, стѣсненіе свободы печати, противусоціалистической законъ и т. п. постановленія германской Национальной Палаты (*Reichstag*), противный общественному мышлению и даже законамъ разныхъ отдѣльныхъ государствъ Германіи. Принявъ во вниманіе, что въ Германской имперіи Союзный Совѣтъ (*Bundesrath*) представляетъ не палаты союзныхъ государствъ, а правительства ихъ, можно сказать, что имперія эта собственно не имѣетъ союзной палаты и такимъ образомъ является собою примѣръ государства съ одной национальной палатой, — но, какъ видно и изъ указанныхъ примѣровъ, быстротою прогресса далеко не отличается. Вообще же обѣ условіяхъ прогресса при

болѣе централизованіемъ, или союзномъ характерѣ политическаго устройства, слѣдуетъ сказать, — что первое дѣйствительно даетъ иногда возможность обнародовать законы и принимать мѣры прогрессивнаго характера раньше, чѣмъ необходимость ихъ сознается дѣятельнымъ большинствомъ населенія во всѣхъ частяхъ государства. Но за то централизація же даетъ возможность принимать мѣры и реакціоннаго характера, противныя желанію большинства, не только въ разныхъ отдѣльныхъ областяхъ, но часто и всей страны. А наконецъ и въ первомъ случаѣ прогрессивное законодательство становится чисто фиктивнымъ, такъ какъ силою удобнѣе разрушать, чѣмъ созидать, и насилиственное приложеніе самихъ прогрессивныхъ идей, раньше, чѣмъ создалось въ пользу ихъ общественное мнѣніе, производить только раздраженіе, которое, благодаря именно централизованному политическому строю, суммируется наконецъ и въ единой палатѣ и приводить къ отмѣнѣ прогрессивнаго законодательства, столь же быстрой, какимъ было его установленіе. Устройство союзное не способно къ такимъ качаниемъ политическаго маятника и потому дѣлаетъ прогрессивное движение болѣе реальнымъ и безшоворотнымъ. Кромѣ того оно даетъ отдѣльнымъ областямъ союза, находящимся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для развитія, просторъ для принятия у себя прогрессивныхъ мѣръ раньше, чѣмъ онѣ могли бы быть проведены чрезъ центральное законодательное учрежденіе, и такимъ образомъ оправдать ихъ опытомъ и тѣмъ создать сильнѣйшее доказательство въ пользу ихъ необходимости. Такъ въ Швейцаріи всѣ прогрессивныя мѣры въ пользу народнаго образованія были дѣломъ кантонаовъ; кантоны же ввели у себя въ разныхъ формахъ и непосредственное народное законодательство (*referendum* и *иніціатива*); наконецъ отдѣльные же кантоны взяли на себя починъ и фабричнаго законодательства гораздо раньше федеральнаго фабричнаго закона 1877 г. Такъ уже съ 50-хъ годовъ нѣсколько кантонаовъ (въ Тургау даже съ 1815 г.) ограничили работу дѣтей и женщинъ и ввели фабричную инспекцію; съ 1864 г. кантоны

Гларусъ ввелъ гуманныя ограничения въ работу взрослыхъ и женщинъ (нормальный день въ 11 часовъ, ограничениеочной работы и т. п.) Гларусу послѣдовали и нѣкоторые другіе кантоны и когда, при случаѣ общій ревизіи федеральной конституціи, былъ предложенъ въ 1875 г. общій фабричный законъ, то онъ почти цѣликомъ взялъ быть изъ испытанного уже гларусскаго закона (1864—1872). Если теперь федеральные фабричные инспекторы жалуются на помѣхи, которыхъ имъ дѣлаютъ мѣстныя власти отсталыхъ кантоновъ,— то это вовсе не опровергаетъ всего сказанного выше о благопріятномъ вліяніи децентрализациіи на свободу и прочность прогресса. — Россію очень трудно вообще сравнивать зъ западными государствами, а по вопросу о децентрализациіи тѣмъ больше, что въ Россіи области превосходятъ величиною иныхъ государства, но и въ Россіи характерно то обстоятельство, что такие вопросы, какъ обѣ отмѣнѣ подушной подати, обѣ обязательномъ выкупѣ, съ пониженіемъ платежей, о крестьянскихъ банкахъ, инспекціи фабрикъ и т. п., были подняты раньше центрального правительства въ провинциальныхъ земскихъ собраніяхъ, которые, конечно, и приступили бы къ ихъ практическому разрѣшенію, если бы имѣли для того свободу въ дѣйствительномъ самоуправлениі.

Къ § 16 статьи III. Положеніе это введено въ видахъ сохраненія государственныхъ имуществъ, какъ общаго всему населенію государства запаса, — сохраненія отъ продажи центральною государственною властью, которая можетъ смотрѣть на эти имущества только какъ на удобнѣйшее подспорье въ бюджетныхъ затрудненіяхъ, — (причина, по которой многія западноевропейскія государства быстро лишились подобнаго запаса) а равно и отъ расточительности тѣхъ областей, въ которыхъ въ настоящее время государственные имущества, особенно земли, — находятся въ излишкѣ, сравнительно съ ихъ теперешнею населенностью (причина, по которой области, предоставленные сами себѣ, быстро могутъ лишиться вышеупомянутаго запаса). Кому же естественнѣе всего ввѣрить охрану и распределеніе

этого запаса, какъ не Союзной Думѣ, которая соединять въ себѣ уполномоченныхъ отъ каждой области и въ цѣломъ является представительницей всего государства? Никакого преимущества надъ Государственную Думою этотъ пунктъ Союзной Думѣ не даетъ, а просто только передаетъ завѣдываніе государственными имуществами въ руки того учрежденія, которое наиболѣе сможетъ охранить и употребить ихъ на пользу населения всѣхъ областей государства.

Къ статьѣ IV. Если во всякомъ дѣлѣ сущность важище формы и во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ фактическое пользованіе извѣстной вещью важище отвлеченнаго права на другую, хотя бы и большаго размѣра, то и въ дѣлѣ политической свободы вопросъ о личныхъ правахъ и мѣстномъ самоуправленіи долженъ быть важище вопроса о государственно-представительномъ правленіи. Нечего и доказывать, что для каждого лица неприкосновенность его индивидуальныхъ правъ гораздо существеннѣе права его вліять даже прямо, а особенно косвенно, — на ходъ государственныхъ дѣлъ. За тѣмъ изъ числа дѣлъ общественныхъ наиболѣшее число и при томъ дѣлъ наиболѣе близко касающихся интересовъ каждого лица, принадлежитъ къ дѣламъ мѣстнымъ, а потому изъ всѣхъ видовъ самоуправлений наиболѣе реальный интересъ для наиболѣшаго числа отдельныхъ лицъ можетъ иметь самоуправление мѣстное. Конечно, и это самоуправление можетъ быть вполнѣ обеспечено только самоуправлениемъ государственнымъ, при формѣ республиканской или по крайней мѣрѣ при монархіи конституціонной. Но еслибы пришлось выбирать между двумя половинами цѣлаго, — съ одной стороны, между самоуправлениемъ мѣстнымъ, при правахъ личныхъ, съ сохраненіемъ (по силѣ вещей, временимъ) даже самодержавно-монархической формы правленія государства, и съ другой между представительнымъ государственнымъ правлениемъ безъ свободы личной и мѣстного самоуправления, то, конечно, выборъ слѣдовало бы сдѣлать въ пользу перваго. Въ большихъ государствахъ только мѣстное самоуправление устраиваетъ управ-

ление бюрократическое, которое собственно и составляет самую темную, самую тяжкую для населения принадлежность новейших самодержавных монархий.

История новоевропейских государствъ показываетъ, что населеніе легко примирялось съ единоличнымъ решениемъ государственныхъ дѣлъ, и даже, при известной степени своего политического развитія и при известныхъ общественныхъ отношеніяхъ, находило власть монархическую для себя полезною до тѣхъ поръ, пока монархи не обставили себя чиновническою іерархіею, — а сохранили и даже расширили мѣстное самоуправление, при администраціи или выборной или по крайней мѣрѣ назначаемой короной изъ мѣстныхъ лицъ, а также пока монархи не нарушили системы разныхъ личныхъ и корпоративныхъ правъ и привилегій. Только тогда, когда европейскія монархіи стали принимать форму централизованно-бюрократическихъ государствъ, которую теперь сохранила въ наиболѣе неизменномъ видѣ имперія Россійская, европейскіе народы стали возвставать противъ монархического правліенія. — при чёмъ оказалось, что только тѣ народы и успѣли установить у себя прочную политическую свободу, въ которыхъ удары возстаній направлены были на главное зло самодержавной монархіи, — на бюрократію, и въ которыхъ успѣло сохраниться или заново устроиться мѣстное самоуправление. Въ тѣхъ же странахъ, где либеральная оппозиція была направлена преимущественно на выѣшнюю форму центрального правительства, не только не достигалось дѣйствительное освобожденіе населения, но даже не упирчвалась сама представительная форма центрального правительства.

Разсматривая политическую исторію Швейцаріи, Нидерландовъ, Шотландіи и Англіи и Соединенныхъ Штатовъ Америки, — странъ, которые и до сихъ поръ остались образцами политически свободныхъ государствъ на земномъ шарѣ, — мы видимъ, что въ нихъ политическая революціи направились прежде всего противъ несвязанной съ мѣстнымъ населеніемъ бюрократіи, которой развитіе эти революціи успѣли пріоста-

новить въ самомъ началѣ, равно какъ и сохранить самоуправлениe корпоративное, общинное и земское*). Въ рамкахъ этого самоуправления усилили въ этихъ странахъ разиться права человѣка и гражданина, которые наконецъ и были систематизированы въ конституціяхъ разныхъ штатовъ съевропо-американской союзной республики (начиная съ Виргиніи, 1 іюня 1776 г.), изъ которыхъ идея этихъ правъ перенесена была въ законодательство Франціи и другихъ странахъ Европы.

Къ несчастію, во Франціи, какъ и въ большей части государствъ материка Европы, государственная централизація съ ея неизбѣжной принадлежностію,—бюрократіей, усилила разиться на столько, что привычки ся привились и къ самому либеральному движению, которое по этому приняло сразу ошибочное направление. Французские либералы временъ великой революціи сосредоточили все свое вниманіе на вопросѣ о формѣ центрального правительства, — мѣстное же самоуправлениe не только не устроили, но даже уничтожили и тѣ здоровые остатки его, которые еще пощадила бюрократія «старого порядка» въ управлениi провинцій, городовъ и сельскихъ общинъ.

По примѣру американскихъ республикъ, права человѣка и гражданина были провозглашены во Франціи

*) Ссылаемся на оппозицію швейцарскихъ кантоновъ австрійскимъ фогтамъ, (а не императорской власти, которую кантоны долго признавали и на привилегіи, полученные отъ которой, долго опирались) на борьбу підерландскихъ общинъ и сословій за свои права противъ испанскихъ намѣстниковъ, на неудовольствіе шотландцевъ противъ назначаемыхъ правительствомъ чиновниковъ и при томъ изъ иностранцевъ (французовъ) въ регентство Марії Лотарингской (1554—1560), на Petition of Right англійского парламента 1628, протестующую противъ произвольныхъ дѣйствій королевскихъ чиновниковъ, командировъ и тайного совѣта, наконецъ на декларацию независимости Соединенныхъ Штатовъ С. Америки 1776 г., которая между прочимъ жалуется на то, что англійское правительство «надѣжало и наслоило въ страну рой новыхъ чиновниковъ, которые беспокоятъ нашъ народъ и пожираютъ его достатокъ».

сь болішою торжественностью въ 1789, 1791 и въ 1793 г. какъ «права прирожденныя, независимыя отъ писанного закона, неотчуждаемыя и священныя» (*droits naturels et imprescriptibles, inaliénables et sacrés*); за тѣмъ республиканской конституціей 1793 г. обѣщаны были либеральнѣйшія учрежденія, въ родѣ избирательной администраціи и даже суда, и прямаго участія народа въ законодательствѣ. Но политики французского Народнаго Собора (*Convention Nationale*) поставили себѣ главною цѣлью, во что бы то ни стало придать республиканскую форму своему государству и при томъ установить республику «единую и нераздѣльную». А такъ какъ при этомъ они смысливали идею о свободѣ съ идеей о «верховности общего или народной воли» или «народномъ самодержавіи» (каковое смышеніе особенно опасно въ большомъ централизованномъ и разионаціональномъ государствѣ) то надежды, что революція осуществить во Франціи идеалъ политической свободы, оказались тщетными. Народный Соборъ самъ счелъ себя представителемъ народного самодержавія и, сосредоточивъ въ себѣ всѣ власти (законодательную, исполнительную и судебную), сталъ передавать это самодержавіе разнымъ своимъ комитетамъ, — при чёмъ всего менѣе уважалъ признанныя и имъ самимъ права человѣка и гражданина, который, по существу своему и по буквѣ самихъ деклараций 1789 и 1793 гг., должны были быть неприкосновенны даже и для «общей воли», — и пристановилъ и наконецъ отмѣнилъ и всю составленную имъ самимъ и утвержденную прымымъ народнымъ голосованіемъ конституцію.*). Республиканцы-централисты якобинского клуба обольщали себя и другихъ надеждою, что такая политика будетъ только «моментальной организаціей деспотизма свободы».

*.) Впрочемъ еще раньше этого освященія конституціи самодержавнымъ народомъ и даже прежде составленія ея, Народный Соборъ предрѣшилъ два изъ самыхъ существенныхъ ея положеній, провозгласивъ «республику единую и нераздѣльную» и назначивъ смертную казнь и за монархізмъ, и за федерализмъ.

ды для разрушения деспотизма царей» (Слова Marat и Робеспьера). Но на самомъ дѣлѣ за диктатурою Народнаго Собора послѣдовалъ, — и вполнѣ естественно, — рядъ разнообразныхъ, сопровождавшихся убийствами и административными ссылками, переворотовъ (*coup d'état*) которые совершались все тоже во имя «общаго или народнаго спасенія» (*salut public, salut du peuple*) пока послѣдній изъ нихъ не установилъ, — опять во имя «верховной власти народа» (*volonté souveraine du peuple*) — единоличную диктатуру Наполеона I, которая также естественно обратилась въ наследственную монархію. «Народная же воля», упраждаемая совершившимися фактами и лишенная, чрезъ отсутствие мѣстнаго самоуправленія, не только должностныхъ преградъ для ся деспотизма, но и естественныхъ кадровъ для своего просвѣщенія въ общественныхъ дѣлахъ и для своего правильнаго выраженія, попускала всѣ эти перевороты и даже освящала ихъ своимъ голосованіемъ, всякий разъ когда фактическіе «представители» ся обращались къ ней за ся голосомъ; такъ она одобрила конституцію 1795 г., какъ прежде конституцію 1793 г. и потомъ въ 1799 г. десятилѣтненес, а въ 1802 пожизненное консульство Наполеона, а въ 1804 г. наследственную имперію. Дальнѣйшимъ неизбѣжнымъ послѣдователемъ всего этого ошибочнаго направления великой революціи во Франціи была жаткость всѣхъ ся политическихъ учрежденій въ течениіи всего XIX ст. и то, что во Франціи и до сихъ поръ, не говоря уже о мѣстномъ самоуправленіи, иѣть той свободы личности, какая существуетъ не только въ федеральныхъ республикахъ Швейцаріи или С. Америки, но и въ монархической Англіи *).

*) Чѣмъ понять всю разницу между политическими идеями федеральной республики С. Американской и «единой и нераздѣльной» республики Французской, по отношенію къ правамъ личности,—существеннѣйшимъ изъ политическихъ правъ, — достаточно будетъ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: Въ то время, какъ французскій Народный Соборъ во имя «народнаго самодержавія», спачала присвоилъ себѣ судебную власть надъ королемъ, а потомъ устанавливавъ революціонные суды (исключительные и свлзанные съ самимъ

Въ большей части материка Европы либеральное движение въ течеиie XIX в. пошло по типу французского, — чѣмъ и объясняется непрочность въ этихъ государствахъ даже самой представительной формы центрального правительства, которая во всѣхъ почти государствахъ этихъ отмѣнилась по нѣсколько разъ. Мало того, вообще неудовлетворительный съ точки зреiнія всеобщей свободы централистической парламентаризmъ, въ государствахъ съ разнонациональнъмъ соста-

Нар. Соборомъ) возводилъ на степень политического абсолюта не только «народную волю», но и «народную месть», и издавалъ инквизиціонные законы «о подозрительныхъ», — конституціи с. американскихъ штатовъ сразу позабылись объ ограничении правъ человѣка и гражданина даже и отъ демократизма «народного самодержавія», которое обыкновенно представляется собраiемъ законодательнымъ (если не столичною улицею). Такъ § 25 и 30 конституціи Массачусеттса постановлено: «Никто, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ виновнымъ въ измѣнѣ и государственномъ преступлениi законодательною властью. Въ правлениi этой республики департаментъ законодательный никогда не можетъ пользоваться властю исполнительную или судебную» и на оборотъ департаменты судебный и исполнительный никогда не выйдутъ изъ круга ихъ дѣлъ, — «для того чтобы г҃ь республикѣ этой существовало правление законовъ, а не правление людей». (Подобное въ конституц. Виргиціи, С. Каролины и др.) Интересно, что многие французские политики времени революціи, ознакомившись съ конституціями отдѣльныхъ штатовъ и конфедераций С. Америки, находили такія вещи, какъ двѣ палаты, раздѣленіе властей и самый федерализмъ, недостаточно демократическими и республиканскими! Были и во Франціи, особенно въ началѣ революціи, республиканцы, которые понимали свободу въ смыслѣ, близкому къ американскому. Такъ же говоря уже о Кондорсе, присоединившемся погомъ къ жирондистамъ, который считалъ необходимымъ провозглашеніе правъ человѣка для того, чтобы «безопасить гражданина отъ тираніи « власти правительской, судебнай, военнай, духовной и самой законодательной», самъ Камилль Лемуленъ, погомъ дантонистъ, писалъ, что « выше общей въли стоять права природныхъ» (Condorcet. *Idées sur le despotisme, à l'usage de ceux qui prônent ce mot sans l'entendre.* — *Déclaration des droits.* — *Lettres d'un gentilhomme à MM. du tiers état.* 1789 C. Desmoulin. *La France Libre.* 1789. Оeuvres, éd. 1874, I, 84—87). Но и эти люди мало понимали не бходимость учрежденiй, которыхъ могли бы обеспечить эти прирожденные права, а кромѣ того слишкомъ поздно выступили противъ якобинского абсолютизма.

вомъ явился новымъ орудіемъ нації надъ естественными правами и интересами населеній, — какъ это можно видѣть въ Австро-Венгрии, въ которой парламентарное правленіе стало средствомъ для господства иѣмцевъ и венгровъ надъ славянами и румынами и поляковъ надъ украинцами. Не мудрено, что парламентское правленіе здѣсь было поводомъ къ гражданской войнѣ (возстаніе славянъ и румынъ въ Венгрии въ 1848—49 гг.), было отмѣнено два раза съ 1848 г. и до сихъ поръ не упрочено. Необходимое развитіе государственной справедливости, черезъ уравненіе правъ національныхъ, производится здѣсь больше прямымъ дѣйствіемъ короны и исполнительной власти, чѣмъ парламентскимъ законодательствомъ, — предзнаменовавшее крайне опасное для будущаго представительныхъ учрежденій въ странѣ. При томъ же основатели централістического парламентаризма въ Австро-Венгрии, а особенно въ Цислейтаніи, — въ видахъ обезоруженія національно-федеральной оппозиціи, — должны были оставить исполнительной власти слишкомъ много простора для подавленія личной и общественной свободы (печати, сходокъ, обществъ), каковымъ просторомъ разныя партіонныя министерства пользуются здѣсь въ широкой степени противъ оппозицій національно-политическихъ, а также противъ движенія соціального.

Было бы крайне печально, если бы всѣ эти уроки исторіи политической свободы въ разныхъ странахъ прошли даромъ для Россіи, которая тѣмъ болѣе должна бы не пропустить ихъ безъ вниманія, что многія условия ея жизни, начиная съ исторіи и преданій централизованного и національно-цетернімого Московскаго Государства, заставляютъ опасаться, что развитіе ея политическихъ учрежденій можетъ пойти скорѣе по типу французскому, нежели англо-американскому. Правда, уже одна величина Россіи и крайняя незѣность ея теперешняго бюрократического правленія возбуждаютъ въ умахъ ея обитателей мысль о необходимости позѣстнаго простора для мѣстнаго самоуправленія. Но для того, чтобы это стремленіе было упрочено и нашло себѣ сознательное выраженіе и настойчивое при-

ложеніе на практикѣ, необходимо, чтобы масса общества была систематически воспитываема передовыми политическими дѣятелями въ идеяхъ, благопріятныхъ мѣстному самоуправлению, каковой систематичности, къ сожалѣнію, не замѣтно теперь въ русской политической литературѣ, внутренней и заграничной.

При первомъ сильномъ пробужденіи общественной мысли въ Россіи въ эпоху освобожденія крестьянъ вопросъ о политическомъ преобразованіи Россіи былъ поставленъ на рациональную дорогу. Дворянскія собранія 1860—1862 гг., единственныя въ то время организованныя группы представителей образованаго общества, потребовали прежде всего мѣстнаго «самоуправлія» (адрессы и пренія въ губ. Владимирской, Харьковской, Орловской, Тверской, Воронежской, Петербургской, Московской и др.; при чмъ Петербургское, Московское и Воронежское собрапія прямо употребили и слово «самоуправліе»; см. Материалы для истор. освобожд. крестьянъ, т. 2; Вольное Слово 1883, №№ 56—57 Толците и отверзется и Владимирскій адресъ; Русскія Вѣдомости, 1884, № 1, Двадцатилѣтие земства). Въ то же время въ исторической и политической литературѣ русской съ любовью развивались идеи самоуправлія (въ историческихъ трудахъ П. В. Павлова, Костомарова, Щапова и др., въ переводныхъ сочиненіяхъ Токвили, Лабуле, Милля *) въ популяризаціи трудовъ Гнейста, въ статьяхъ Герцена, Огарева, Бакунина и др.). Земскія учрежденія 1864 г. весьма мало отвѣчали требованиямъ общества, но встрѣчены были съ симпатіей именно какъ начало ожидаемаго самоуправлія, и, при извѣстныхъ условіяхъ, могли бы стать прочнымъ для него исходнымъ пунктомъ. Но городскія учрежденія 1870 г. дали еще меньшее простора дѣйствительному самоуправлению и при томъ еще болѣе, чѣмъ земскія, оперлись на цензовое начало, да еще въ самомъ неблагопріятномъ для общественнаго прогресса видѣ его, предоставивъ

*) Демократія въ Америкѣ, Старый порядокъ и революція, Государство и его предѣлы, О свободѣ и т. п.

введеніе городскихъ дѣлъ классу городскихъ капиталистовъ, наименѣе развитому въ общественномъ отношеніи изъ всѣхъ состоятельныхъ классовъ въ Россіи. Вообще же примѣненіе цезоватаго начала, какъ въ земскихъ, такъ и въ городскихъ учрежденіяхъ, оказалось всего болѣе неблагопріятно классу образованныхъ мелкихъ собствениковъ, который по глубокимъ историческимъ причинамъ, въ Россіи является наиболѣе развитымъ въ общественномъ отношеніи и наиболѣе способнымъ стать выразителемъ общихъ интересовъ всѣхъ классовъ населения. Этотъ то классъ, изъ котораго выходить въ Россіи наиболѣе людей свободныхъ профессій, оказался всѣхъ болѣе устранимымъ отъ органовъ земскаго и городскаго самоуправлія, въ то время какъ сословное крестьянское устройство сельской общины и волости устраивало всѣ образованные классы, въ томъ числѣ и классъ «благородныхъ разночинцевъ» и отъ участія въ сельскихъ учрежденіяхъ. Оторванный такимъ образомъ отъ мѣстныхъ дѣлъ классъ образованныхъ разночинцевъ сталъ терять и сознаніе важности мѣстнаго самоуправлія въ политической жизни государства, и потому, съ новымъ пробужденіемъ соціального и политического движенія въ странѣ въ 70-е годы, люди этого класса стали обращаться къ мыслимъ государственного централизма. Въ нѣкоторыхъ «революціонныхъ» кругахъ появились даже опасныя для будущаго свободныхъ ідей и учрежденій въ Россіи признаки подражанія политической терминологіи и стремленіямъ французскаго якобинства и при томъ иногда даже съ оттѣшкомъ наполеоновской его эпохи *).

Правда, что въ кругахъ «земцевъ» мысль о мѣстномъ самоуправліи не только не замерла, но, какъ это можно видѣть и по мѣніямъ земскихъ собраній о реформѣ административной, и разрабатывалась въ послѣдніе годы. Но дальнѣйшее политическое развитіе

*) Подробнѣе объ этомъ мы говорили въ «Историч. Польша и Великорусская демократія», «Народная Воля о централизациіи революціонной борьбы», «Къ біографіи А. И. Желлбова» и «Календарь Народной Воли» (Вольн. Слово, № 61--62).

Россії естественно будетъ дѣломъ совокупнаго дѣйствія разныхъ слоевъ населенія, а не однихъ только захваченныхъ нынѣшними земскими учрежденіями, особенно если эти послѣднія будутъ дѣйствовать въ вопросѣ полит. преобразованія Россіи съ столь малою энергией, какую они показали до сихъ поръ. А потому чрезвычайно важно, чтобы, — при распространеніи среди «земцевъ» идей о необходимости общегосударственнаго представительства для самаго упроченія и развитія мѣстнаго самоуправленія, — въ классахъ разночинскихъ распространилось сознаніе недостаточности центральнаго парламентаризма для реализаціи политической свободы. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, конечно, чтобы всѣ эти круги приступили какъ можно скорѣе къ дружному напору на теперешнее правительство Россіи, заставивъ его уступить мѣсто правительству представительному.

Послѣдніе годы, кажется, наглядно показали, что само по себѣ теперешнее правительство Россіи не способно помириться ни съ какимъ видомъ независимаго представительства, даже самаго скромнаго. Не говоря уже о первыхъ временахъ дѣйствія земскихъ учрежденій, когда правительство съ какимъ то безумнымъ озлобленіемъ всячески препятствовало ихъ дѣятельности, но даже въ эпоху нѣкотораго покаянія его, — во время «вѣялій» гр. Лорис-Меликова, — правительство упустило время уступокъ мѣстному самоуправленію, которыя могли бы нѣсколько отдалить настоящую необходимость центральнаго представительства, и при томъ даже не безъ пользы для развитія реальной политической свободы въ Россіи. Надо сознаться, что дѣйствительно созваніе удовлетворительнаго общегосударственнаго представительства въ Россіи теперь дѣло не легкое. Оно затрудняется отсутствіемъ земскихъ учрежденій въ цѣлой западной половинѣ Европейской ея части, не говоря уже о Кавказѣ и Сибири. Къ тому же практика земскихъ учрежденій и въ губерніяхъ «реформенныхъ», подъ гнетомъ бюрократіи и урѣзокъ правительственныхъ даже въ Положеніи 1864 г., при явной неудовлетворительности самаго этого Поло-

женія, особено относительно ценза, слишкомъ высокаго для личныхъ собственниковъ, не дали земскимъ учрежденіямъ возможности стать правильной школой представительного правленія и привлечь къ себѣ действительно лучшія силы населеній. Вотъ почему, при нормальномъ ходѣ вещей, было бы всего цѣлесообразнѣе, еслибы, при устраниніи искаженій земскаго Положенія, введеныхъ съ 1865 г., сначала было исправлено само это Положеніе согласно указаніямъ опытата, заключающимся въ ходатайствахъ многихъ земскихъ собраний, — что улучшило бы составъ земскихъ собраний, — еслибы полученнымъ такимъ образомъ болѣе действительнымъ земскимъ представителямъ уѣздовъ и губерній быть предоставленъ просторъ съѣздовъ и группировокъ областной, еслибы эти исправленія и расширенія земскія учрежденія были введены во всей Россіи, — и за тѣмъ уже было приступлено къ созыву общегосударственного представительства. Такого рода политика, (конечно, при амнистіи и отраженіи личныхъ правъ отъ всякаго рода жандармовъ, административныхъ ссылокъ и исключительныхъ судовъ) диктовалась самими обстоятельствами династіи и правительству въ эпоху «спящей», послѣ того, какъ періодъ первошкольныхъ реформъ и реакцій 60-хъ годовъ принесъ свои горькіе плоды въ вигѣшиемъ и внутреннемъ положеніи Россіи въ концѣ 70-хъ годовъ. Но обстоятельства показали, что ни у династіи Романовыхъ, ни въ окружающихъ ее правящихъ кружкахъ неѣть не только просвѣщенія патріотизма и политической мудрости, но даже умнаго инстинкта самосохраненія, для усвоенія подобнаго рода политики. А потому, въ настоящее время людямъ, сознавшимъ необходимость политического преобразованія Россіи, необходимо прежде всего добиться созванія общегосударственного земскаго собора, который бы устранилъ отъ правленія теперешніе правящіе кружки и вразумилъ, если не устранилъ, теперешнюю династію. Но необходимо при этомъ, чтобы политическая общество, которая будутъ вести агитацию въ пользу подобнаго переворота, на столько уяснили разныи слоиъ на-

селенія важность мѣстного самоуправлія, чтобы земський соборъ не сдѣлался новымъ орудіемъ централизаціи и источникомъ новой бюрократіи и насилия надъ личностями и мѣстностями и чтобы установленіе представительного правленія въ Россіи было сразу же оперто на широкую основу правъ человѣка и гражданина и мѣстного самоуправлія. Послѣднее необходимо въ Россіи тѣмъ болѣе, что, при разбросанности ея населенія и слабости его образованія, въ этой странѣ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, угрожаетъ опасность подтасовокъ центрального представительства, а также всякаго рода направленныхъ на него *coups d'état*. отъ чего всего это представительство можетъ быть охранено только тогда, когда оно будетъ связано съ народными массами не формально, моментальными, болѣе или менѣе механическими, выборами, а реально, постояннымъ дѣйствиемъ посредствующихъ органовъ мѣстного самоуправлія, и когда это послѣднее живо заинтересуетъ населеніе въ дѣлѣ коллективнаго правленія *) Во всѣхъ этихъ видахъ, необходимъ, кроме постоянной пропаганды началь самоуправлія, приступъ, при первой возможности, къ созванію областныхъ представительныхъ собраний. Само собою разумѣется, что подобныя собрания должны стать дѣломъ первой необходимости для политическихъ дѣятелей на Украинѣ, если въ другихъ областяхъ противуправительственное движение пойдетъ вяло или же если тамъ обнаружатся централистическая стремленія.

Къ статьѣ V. Политическая свобода сама по себѣ не можетъ быть цѣлью, а есть только условіе для обеспеченія жизни и развитія населенія посредствомъ ряда мѣръ соціально-экономического и культурнаго характера, которыхъ могутъ быть безпрепятственно при-

*) Интересно, что уже и теперь въ русскихъ придворныхъ, аристо-бюрократическихъ кругахъ есть элементы, которые, видя слишкомъ уже большую нелѣпость теперешняго положенія самодержавія въ Россіи, подаютъ голосъ за парламентаризъ, но только центразистическій, такъ какъ онъ всего менѣе измѣняетъ сущность теперешняго управлія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ надобности, легче всего можетъ быть ниспровержнутъ.

ияты самоуправляющимся населениемъ на свою пользу. Вотъ почему всякое сообщество, задавшееся цѣлью политического освобождения извѣстной страны, должно имѣть кромѣ извѣстнаго плана устройства самоуправлениія,— готовую программу мѣръ соціально-экономического и культурнаго характера, которыми оно могло бы привлечь къ себѣ возможно большее число сообщниковъ и которыхъ будучи осуществляемы, по достижениіи политической свободы, могли бы служить ей наиболѣе крѣпкой поддержкой.

Соціально - экономическая программа сообщества, имѣющаго первую цѣлью политическое освобождение населеній Россіи должна по силѣ вещей представлять собою среднее изъ стремленій всѣхъ элементовъ этихъ населеній, наиболѣе живо чувствующихъ недовольство теперешнимъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Главныхъ элементовъ такихъ три: 1) масса народа, 2) образованные разночинцы, люди наз. свободныхъ профессій и 3) образованные собственики. Въ массѣ народа несомнѣнно существуетъ недовольство беззаконью и гнетомъ чиновническаго управления, которое недовольство даетъ возможность распространенія среди нея, по крайней мѣрѣ среди болѣе развитыхъ ея членовъ, проповѣдѣній идеи политической свободы. Но рѣзче всего масса народа недовольна все болѣе возрастающимъ обѣденіемъ своимъ, которому мечтаеть увидѣть конецъ въ новомъ, болѣе или менѣе ровномъ передѣлѣ земли. Образованные разночинцы, конечно, болѣе всего заинтересованы въ политической свободѣ, которая для нихъ представляеть необходимое условіе существованія, не только нравственнаго, но и материальнаго, а для многихъ изъ нихъ, наиболѣе горячо относящихся къ идеямъ всеобщаго благосостоянія, — является необходимымъ условіемъ для распространенія этихъ идей. Эти разночинцы распредѣляются на двѣ группы, незамѣтными оттѣнками переходящія одна въ другую: либераловъ и соціалистовъ. Послѣдніе еще не очень давно относились равнодушно къ политической свободѣ, и обращая вниманіе исключительно на экономическую сто-

рону жизни, проповѣдывали немедленную конфискацію сплѣ природы и орудій труда въ пользу чернорабочихъ классовъ, долженствовавшихъ быть устроеными въ коммунистической ассоціаціи, и ждали осуществленія этого идеала отъ скораго простонароднаго восстанія. Либералы или не находили подобную конфискацію справедливою, или не считали ее возможною въ настоящее время и указывали на политическую свободу, какъ на первую потребность для Россіи, при чмъ значительная часть ихъ предлагала известный рядъ мѣръ къ улучшенію и материальнаго положенія чернорабочихъ массъ. Образованные собственники, — которые отчасти представляются нынѣшними земскими учрежденіями, — тоже выработали по дѣламъ соціально-экономическимъ и культурнымъ цѣлымъ рядъ проектовъ въ пользу чернорабочихъ классовъ. Проекты эти въ сущности согласны съ планами болѣе демократической части либераловъ-разночищевъ, но конечно, далеки отъ идеи полной конфискаціи частной собственности.

Въ послѣдніе годы россійскіе соціалисты, разочаровавшись въ надеждахъ на близкое осуществленіе ихъ идеаловъ посредствомъ простонароднаго восстанія, обратились значительной своей частію къ политической программѣ либераловъ, вслѣдствіе чего въ послѣдніе годы появились въ свѣтѣ отъ имени русскихъ соціалистовъ нѣсколько программъ и заявлений (въ литературѣ, въ судебно-политическихъ процессахъ и т. п.) долженствовавшихъ быть компромиссами между стремленіями соціалистовъ и либераловъ. Но такъ какъ составители этихъ компромиссовъ не отказывались вполнѣ и отъ прежнихъ соціально-революціонныхъ надеждъ, то компромиссы эти представляютъ довольно неорганическую склейку требованій либеральныхъ, — преимущественно центрально-парламентарныхъ, — съ стремленіями соціально-революціонными. Рядомъ съ тѣмъ другая часть россійскихъ соціалистовъ выработала себѣ другія, столь же механическія склейки изъ стремлений, заявляемыхъ въ западноевропейской соціалистической литературѣ, и изъ домашнихъ, по большей части мистическихъ, представлений о стремленіяхъ

«русского народа» (народничество революционное), — а еще одна часть (народничество государственное) подобным же образомъ соединяетъ социалистической стремлениі съ надеждами на диктатуру, то революционную, то (даже послѣ всѣхъ горькихъ опытовъ!) легитимно-правительственную *)

*: Всѣ эти характеристики могли бы быть подтверждены указаниями на русскую литературу, «нелегальную», къ и «легальную», на рѣчи, произнесенные въ разныхъ политическихъ процессахъ послѣднихъ лѣтъ, — по указанія эти частію не совсѣмъ удобны, частію же излишни для понимающій дѣло. Нашу критику болѣешей части затѣ, онутыхъ выше нетъ разумѣй и иллюзій, разоблачаемыхъ теоріей и практикой жизни образованныхъ странъ. любопытный читатель можетъ найти въ разныхъ нашихъ изданіяхъ, особенно въ «Листокѣ Громады» (1878) «Громадѣ», т. IV, стр. 202 и слѣд. въ «Вольн. Словѣ» (о-гоб. въ статьяхъ «Историч. Польша и Великорусская демократія» и въ иѣсколькихъ статьяхъ № 61—62). Въ послѣднее время болѣе наглядное знакомство съ политической жизнью З. Европы вызвало и со стороны лицъ, причисляющихъ себя къ «русс. ої соціально-революціонной партії», мысли, отличные отъ тѣхъ, какія высказываются во внутреннихъ соціально-революціонныхъ изданіяхъ, и въ то же время близкія къ тѣмъ, какія мы излагали въ упомянутыхъ нашихъ изданіяхъ и какія суммируемъ здѣсь. Таковы напр. мысли, высказанные г. Ц. въ его статьѣ «Самодержавіе и ближайшіе задачи его противниковъ» въ № 60 «Вольнаго Слова» и многія соображенія недавно вышедшей брошюры г. Ильинова «Соціализмъ и Политическая б.-р.-ба», пѣдящей отъ имени группы «Освобожденіе Труда», отказавшейся отъ прежняго имени «Чорный Передѣлъ». Вирочемъ, указывая на эту брошюру, мы имѣемъ въ виду больше ся критическій замѣчаній объ ошибкахъ и иллюзіяхъ разныхъ русскихъ соціально-революціонныхъ группъ (которые замѣчанія по иѣскольку разъ были высказаны нами въ разныхъ публикаціяхъ съ 1876 г.) чѣмъ ся положительныя мысли. Послѣдція или не развиты сколько нибудь определенно (напр. по вопросу политического устройства Россіи) или же (по вопросу соціальному) представляютъ рефлексивный переходъ отъ великокорусского самобытности бунтарско-народнического характера къ подражанію одной изъ западно-европейскихъ партій. Непогрѣшимою моделью для русского автора являются иѣмецкіе соціально-демократические вожди, при чѣмъ онъ даже усиливаетъ ихъ доктринерскія иллюзіи о будущей «классовой диктатурѣ» рабочаго, фабрично-городскаго, пролетаріата. Русскимъ социалистамъ онъ ставить цѣлью тоже образованіе соціалистической партіи изъ городскихъ рабочихъ. Между тѣмъ, если и иѣмецкая со-

Результатомъ такихъ раздѣлений въ стремленіяхъ образованныхъ сторонниковъ прогресса и соціальной справедливости въ Россіи является прежде всего отсутствіе должнаго единства въ борьбѣ съ политическими порядкомъ, отъ котораго нельзіи уже ожидать ничего доброго для населенія. За тѣмъ неорганическое склоненіе въ однихъ и тѣхъ же программахъ требованій политически-либеральныхъ и соціально-революціонныхъ, — отнимаетъ всякую возможность искренняго, а потому и дружного, союза даже между такими элементами образованнаго общества, которые

ціальна демократія слаба между прочимъ неспособностію привлечь на свою сторону крестьянство, — то русское подражаніе ей, въ странѣ преимущественно крестьянской, еще менѣе можетъ быть призвано рациональнымъ. Въ Россіи ужъ конечноническо-ничего и думать о какой бы то ни было «диктатурѣ» класса фабрично-заводскихъ рабочихъ, если бы даже производительное отношение промышленшаго и земельнаго населенія и дѣжало подобную диктатуру возможную въ другихъ странахъ материала Европы. (Въ Англіи промышленностию обрабатывающею и горной, а также торговлей занимается 61% производительшаго населенія, во Франціи 29,4%, въ Пруссіи 32,4%, — а земельствомъ въ Англіи 17%, во Франціи 37%, въ Пруссіи 48%. См. Яисона. Сравн. Стат. I, 106. Въ России статистика занятій весьма не полна, но по извѣстнымъ цифрамъ, свидѣніемъ напр. въ календаряхъ Суворина 1883—1884 гг. число фабрично-заводскихъ рабочихъ съ горными врядъ ли можетъ быть много выше 10% всего населенія). Въ Россіи программа, предлагаемая г. Плехановымъ соціалистамъ, обрекла бы ихъ почти на полное безучастіе во всѣхъ жизненныхъ вопросахъ страны. — Самое интересное мѣсто въ соціальной части брошюры г. Плеханова — это приглашеніе, обращенное къ русскимъ соціалистамъ, «не пугать никого далекимъ пока краснымъ призракомъ» (соціальной революціи) — но жаль, что и оно оставлено авторомъ безъ должнаго развитія — Еще болѣе жаль, что въ предисловіи къ только что вышедшей второй брошюрѣ группы «Освоб. Труда» (Развитіе научнаго соціализма Фр. Энгельса. Съ предисловіемъ переводчицы В. З.) основная идея первой доведена почти до карикатуры: здесь говорится даже о «соціалистическомъ государствѣ», которое должно основать русский фабричный пролетариатъ, и обсуждаются условия, при которыхъ «мыры, предпринимаемые этимъ государствомъ, могутъ встрѣтить сочувствіе и поддержку въ массѣ крестьянского населенія!!» Подобными наивностями новая группа, которая могла бы имѣть извѣстное значение, подрываетъ себѣ всякое будущее.

одинаково признаютъ насущнымъ дѣломъ въ Россіи установлениe политической свободы. Наконецъ существованіе среди образованныхъ людей въ Россіи пародниковъ государственныхъ угрожаетъ, при малѣйшей ловкости правительства, — большими еще раздѣленіями въ интеллигентіи и эскамотированиемъ вопросовъ и политическихъ, и соціальныхъ, такъ какъ правительство диктаторіальное вообще, а русское царское въ особенности, съ его поверхностью и про дажною бурократіей, не въ состояніи сколько нибудь искренно и умѣло провести какія бы то ни было реформы въ пользу даже однихъ чернорабочихъ классовъ.

Прошлое многихъ областей Россіи, а особенно долгая оторванность иѣкоторыхъ изъ нихъ отъ болѣе культурныхъ и свободныхъ странъ міра, крайнее развитіе царско-чиновническаго начала, притупившее въ населеніи чувство личнаго достоинства (эту естественную основу стремленія къ политической свободѣ) и породившее у многихъ мизантропическое недовѣріе къ человѣческой самодѣятельности, накопили въ Россіи не мало людей послѣдняго сорта, изъ которыхъ абсолютизмъ можетъ еще долго набирать себѣ прямыхъ и косвенныхъ помощниковъ, которые могутъ даже виолѣть искренно обольщать себя претензіями на практическость своего политического поведенія и на соотвѣтствіе его «само бытымъ» условіямъ русской жизни. Но какъ бы ни многочисленна была эта категорія людей между образованными людьми въ Россіи и какъ бы ни благонамѣренны были отношенія многихъ изъ нихъ къ «народу», — очевидно, они должны быть скинуты со счета при разсужденіяхъ относительно соединенія силъ, необходимыхъ для всестороннаго изыѣченія теперешняго положенія Россіи. Соединеніе это возможно только между тѣми общественными группами, которые какимъ бы то ни было путемъ, но пришли безоворотно къ сознанію необходимости установлениія въ Россіи политической свободы.

Но разматривая даже эти группы въ настоящее время, неизбѣжно находишь, что соглашеніе напр. между либералами не только изъ собственниковъ,

но и изъ людей свободныхъ профессій, и между соціалистами въ Россіи не возможно до тѣхъ поръ, пока послѣдніе будуть настаивать на болѣе или менѣе непосредственномъ примѣненіи коммунистического идеала и при этомъ, выставляя на видъ свое имя соціальныхъ революціонеровъ, будуть обнаруживать желаніе примѣнить этотъ идеалъ непремѣнно путемъ гражданской войны.

По существу дѣла, теоріи государственного либерализма соответствуетъ въ сферѣ политики по соціальнымъ и культурнымъ вопросамъ теорія прогрессивныхъ реформъ, а не революціи, какъ насильственного переворота *). Соціально-революціонная теорія, по существу своему, гораздо ближе къ теоріи абсолютизма, какъ и всякой другой диктатуры, чѣмъ къ либерализму. Въ то же время и съ практической, или, такъ сказать, тактической стороны дѣла, никакой искреннѣй союзъ между общественными группами невозможенъ при слишкомъ большой, а особенно коренной, разницѣ ихъ стремленій, которая дѣлаетъ неизбѣжною взаимную борьбу этихъ группъ не только тотчасъ по достижениіи цѣлей союза, но собственно и во время ихъ достижениія. При подобныхъ отношеніяхъ непремѣнно покрайней мѣрѣ одна изъ союзныхъ сторонъ должна бы быть стѣпымъ орудиемъ въ рукахъ другой, — чего въ настоящее время трудно ожидать отъ сколько нибудь сознательной политической группы. На этихъ основаніяхъ со стороны тѣхъ группъ въ Россіи, которыхъ удерживаютъ за собою имъ соціальныхъ революционеровъ, совершенно непослѣдовательно обращаться къ «обществу», «интеллигенціи», «земцамъ», «либераламъ» съ рѣчью объ «общихъ интересахъ», съ предложеніемъ «союза» и т. п. вместо того, чтобы обращаться только къ «народу», — пролетариату и крестьянамъ (само-бѣднѣйшимъ изъ нихъ), призываю ихъ къ восстанію противъ вслкаго рода собственниковъ и за

*) Либеральная теорія признаетъ политическую революцію, какъ средство устраненія государственного насилия, препятствующаго реформамъ, которыхъ могло бы производить самоуправляющееся населеніе.

тѣмъ уже противъ правительства, по стольку, по скольку оно стоитъ за этихъ собственниковъ. И въ данномъ случаѣ, какъ и всѣхъ почти подобныхъ, неслѣдовательность эта въ то же время и бесполезна и даже вредна, такъ какъ, при искренности рѣры въ близость соціальной революціи въ Россіи, она только раздваиваетъ мысли и усиливъ самихъ сторонниковъ этой революціи; — при отсутствіи же этой вѣры, рѣчь объ этой революціи можетъ имѣть цѣлью только привлече-
ніе на сторону партіи, въ сущности не соціально-революціонной, сторонниковъ соціального переворота,— приемъ мало того что сомнительной нравственности, но и сомнительной полезности, такъ какъ имъ можно увлечь только очень наивныхъ людей, или очень молодыхъ, которые, при первомъ пробужденіи способности къ самостоятельному мышленію, не преминуть замѣтить, какой игры они оказались орудіемъ. Во всякомъ случаѣ, если только разъ известная часть соціалистовъ въ Россіи сознала необходимость союза съ «обществомъ», разъ признала существование общихъ интересовъ у всѣхъ классовъ населения, у всѣхъ прогрессивныхъ партій и т. д. хоть на данный моментъ, «на сегодня», — то столь же не послѣдовательно и для дѣла прогресса вредно отрицать покрайней мѣрѣ извѣстную долю этой общности интересовъ на слѣдую-
щій моментъ, «на завтра», — общности въ дѣлѣ защиты разъ добытыхъ совокупными усилиями правъ и учрежде-
ній, существующихъ служить для всѣхъ наличныхъ классовъ населения, а также и въ дѣлѣ прогрессивныхъ мѣръ ко благу наиболѣе обижденныхъ теперь въ соціальномъ и культурномъ отношеніи классовъ. Сознаніе общности интересовъ и необходимости совокупной борьбы различныхъ общественныхъ группъ въ Россіи противъ абсолютизма, — если только оно послѣдовательно, непремѣнно должно повести за собою сознаніе необходимости органическаго компро-
мисса между стремленіями различныхъ группъ, въ видѣ извѣстной программы, столько же политической, сколько и соціальной.

Въ параграфахъ статьи III-ей мы старались сдѣ-

лать систематический сводъ политическихъ стремлений либеральныхъ группъ въ Россіи, изъ людей свободныхъ профессій и собственниковъ. По множеству причинъ, которыхъ выше мы коснулись только отчасти, для всѣхъ этихъ группъ является настоятельно необходимымъ выработать, рядомъ съ программою чисто-политическою, и достаточно широкую программу соціально-экономическихъ мѣръ въ пользу чернорабочихъ массъ народа. Съ другой стороны всѣ защитники интересовъ этихъ массъ, въ томъ числѣ и соціалисты, сознавши разъ необходимость, для какого бы то ни было прогресса Россіи, установленія въ ней политической свободы, и то, что добытіе это невозможно безъ дружного дѣйствія «всѣхъ прогрессивныхъ партій» въ образованной части общества, должны выставить такую программу соціально-экономическихъ мѣръ, которая могла бы быть вполнѣ искренно прията и значительную частію образованныхъ собственниковъ и которая только въ такомъ случаѣ явится компромиссомъ органическимъ, а не механическимъ.

Такая программа можетъ быть, по нашему мнѣнію получена вполнѣ объективнымъ способомъ, — если, оставивъ въ сторонѣ идеальные планы и теоріи соціально-экономического устройства, консервативного или революціонного характера, — взять *maxim* (съ демократической точки) практическихъ мѣръ, предложенныхъ въ русской печати и земствахъ въ пользу массъ народа со стороны либеральныхъ разочопицъ и образованныхъ собственниковъ, и *minim* требованій «соціальнодемократическихъ», «народныхъ», «рабочихъ» и т. п. партій въ Западной Европѣ, т. е. требованія, возможныя къ исполненію и безъ всеобщей конфискаціи личной собственности. Въ ст. V мы предлагаемъ опытъ программы, полученный нами подобнымъ способомъ. Соединивъ около себя во вполнѣ искренній союзъ, по крайней мѣрѣ на извѣстное время честнаго опыта, значительное число образованныхъ людей разныхъ соціально-экономическихъ идеаловъ, — такого рода программа дала бы, и при томъ въ легко вообразимомъ времени, извѣстный существенный облегченія

тяжестей чернорабочихъ массъ, а потому могла бы расчитывать и на искреннее сочувствіе и поддержку впечатльной доли этихъ массъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы позволяемъ себѣ думать, что при самомъ непродолжительномъ проведеніи начертаныхъ въ этой программѣ мѣръ въ предположенныхъ въ III-ей статьѣ учрежденіяхъ мѣстного и государственного самоуправлія, образовались бы въ Россіи основы столько же оригиналной, сколько и европейской, прогрессивной демократіи, которая бы была способна принять дѣловое участіе въ общай теперь всему цивилизованному миру работѣ надъ разрѣшеніемъ соціального вопроса.

Вопросъ же этотъ въ настоящее время въ наибѣльѣ образованныхъ странахъ проливается далеко не въ тѣхъ простыхъ формахъ, въ какихъ его себѣ представляютъ многіе наши домашніе политики консервативнаго и революціоннаго направленія. Соціальное движение въ этихъ странахъ является въ иѣсколькоихъ видахъ; напр. не только 1) въ видѣ болѣе или менѣе рѣзкой пропаганды различныхъ варъяцій коммунистического идеала, — но и 2) въ видѣ усилий къ организаціи «рабочихъ, или народныхъ партій», которые должны соединить въ себѣ по возможности всѣ элементы теперешнихъ чернорабочихъ классовъ для дѣятельного участія въ текущей политической жизни,— а такое соединеніе возможно только около программы практическихъ мѣръ, осуществимыхъ въ скорѣйшее время, т. е. при настоящихъ условіяхъ общественной жизни,* — и наконецъ, 3) въ видѣ попытокъ раз-

*) Стремленіе это обнаружилось въ 'свободной' Англіи уже давно, во время агитаций въ пользу фабричнаго законодательства и въ рабочихъ союзахъ (*trades-unions*); — теперь даже болѣе радикальная *democratical federation* въ своей программѣ, правда, говоритъ о «национализации земли», какъ о дѣлѣ болѣе созрѣвшемъ въ Англіи, но по фабричному и другимъ подобнымъ вопросамъ ограничивается требованіями въ родѣ обязательной постройки здоровыхъ жилищъ для рабочихъ, нормальнато рабочаго дня въ 8 часовъ, обязательного образования съ обѣдомъ для дѣтей въ школахъ, прогрессивнаго налога и т. п. Въ Швейцаріи,

ныхъ политическихъ группъ, не принадлежащихъ къ чернорабочимъ классамъ, сблизиться съ этими послѣдними, — хотя бы пока и въ чисто консервативныхъ видахъ, — провести известныя мѣры или даже выработать, (неизбѣжно, при известномъ участіи самихъ чернорабочихъ классовъ), основы соціальной политики, которая бы покрайней мѣрѣ смягчала, если не уничтожала вовсе, несправедливости теперешняго экономического строя, основанного на частной собственности*).

гдѣ проповѣдь революціоннаго соціализма никогда не имѣла успѣха, потому что при тамошнихъ политическихъ учрежденіяхъ она не имѣть смысла. — рабочія организаціи разныхъ оттѣнковъ мнѣній, въ прошломъ годѣ на общемъ съездѣ (Arbeiterstag) постановили солидарно дѣйствовать для проведенія чрезъ соотвѣтственныя законодательныя учрежденія мѣръ въ пользу болѣе дѣйствительнаго надзора за фабриками, обезпечения стариковъ и увѣчныхъ, международнаго фабрічнаго законодательства, введенія посредническихъ судовъ (rundschiedes) и т. п. Даже во Франціи, послѣ утвержденія республики, сами теоретики - коммуністы почувствовали необходимость въ программѣ-minimum, а въ послѣднее время значительнейшая часть ихъ, т. наз. поссобілисты, решительно стали выходить на практическій путь, перейдя въ даже имя своей «рабочей партіи» съ «соціально-революціонной» на «fédération des travailleurs socialistes de France». Въ Германіи бисмарковскій противусоціалістический законъ задерживаетъ обращеніе «соціальной демократіи» въ практическую политическую партію, по примѣру швейцарскаго Arbeiterstag, которому сочувствуютъ нѣмецкіе соціальдемократы. Но и теперь органъ послѣднихъ Der Social Democrat (1884, № 6) говоритъ о своей партіи, что «она не признаетъ принципіального противурѣчія между реформою и революцією и не представляетъ изъ себя партіи революціонныхъ дѣлъ мастерства (keine Partei der Revolutionsmachtetei)».

*) Въ Англіи упомянутыя попытки проявились уже давно въ т. наз. «христіанскомъ соціализмѣ» и въ поддержкѣ фабрічнаго законодательства даже торіями, а теперь проявляются въ аграрномъ законодательствѣ, въ разработкѣ вопроса о национализациі земли, о жилищахъ рабочихъ классовъ и т. п. людьми разныхъ направлений: пасторами, учеными, въ родѣ Уолласа, радикалами-министрами, въ родѣ Чемберлена, и даже консерваторами, въ родѣ Солсбери. Менѣе глубоки, но все таки важны, какъ начало, тѣ подходы къ соціальному вопросу, которые обнаружились въ послѣдніе годы въ правительственныйыхъ проектахъ, парламентскихъ рѣчахъ и въ литературѣ Германіи, Австріи, Италіи и Франціи. Въ С. Американскихъ

Какъ подвидъ пам'ченныхъ выше проявлений соціального движения пов'їшаго времени, не послѣднєе мѣсто занимаетъ начавшееся выступленіе на политическую арену, рядомъ съ чернорабочими городскими классами, крестьянства, — которое во многихъ мѣстахъ состоитъ на добрую долю изъ собственниковъ, а вовсе не изъ однихъ пролетаріевъ, а потому, по крайней мѣрѣ на долго, останется глухо къ проповѣди коммунизма, хотя не можетъ быть равнодушно къ разнымъ другимъ сторонамъ соціального движения. Все это вмѣстѣ, при возрастающемъ юридическомъ и практическомъ расширениіи всенароднаго представительства и опытахъ непосредственнаго народнаго законодательства, (которое, къ стати сказать, не мыслимо въ централизованныхъ государствахъ, гдѣ не можетъ быть ни правильной разверстки вопросовъ на мѣстные и общіе, ни надлежащей политической школы въ голосованіи по дѣламъ мѣстнымъ) выдвигаетъ соціальное движение на такую широкую арену открытой борьбы и конкуренціи сложныхъ общественныхъ элементовъ, на которой теряетъ всякое значеніе вся фразеология и всѣ расчеты прежнихъ политическихъ и соціальныхъ партій консервативнаго и революціоннаго характера. Всѣ мечтанія пріостановить, или урегулировать соціальное движение «спасительными» диктатурами и разными манипуляціями «сильной власти», или же сразу порѣшить соціальные вопросы революціонными вспышками: хитрыми заговорами, столичными восстаніями, диктатурами временныхъ правительствъ, или даже всего городского рабочаго класса, хотя бы и всей страны, — все это теперь становится полнымъ апахронизмомъ, «явленіемъ переживанія» *).

Штатахъ интересны знаменія въ роли проекта губернатора (президента) шт. Мерилена о 8 часовомъ рабочемъ днѣ. Въ Швейцарскихъ политическихъ кругахъ знаменательны стремленія обеспечить дѣйствительность мѣстнаго фабричнаго законодательства международными договорами о рабочемъ днѣ. И т. п. и т. д.

*) Говоря это, мы вовсе не хотимъ сказать, что въ западно-европейскомъ мірѣ уже совершенно невозможны, какъ революціонныя вспышки, а тѣмъ болѣе индивидуальныя и круж-

Соціалістическое движение въ Россіи до сихъ поръ исходитъ преимущественно отъ людей, которые сами не принадлежать къ классамъ чернорабочимъ и которые увлекаются соображеніями и правственными: потребностью видѣть около себя осуществленіе соціальной справедливости, а не потребностями экономическими или стремленими классовыми. Эта принадлежность соціалистовъ въ Россіи къ классамъ состоятельнымъ и болѣе образованнымъ налагаетъ на нихъ обязанность понимать современное соціальное движение во всей его широтѣ, свободно отъ всякой исключительности классовыхъ кружковъ, — а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ основаніе смотрѣть не слишкомъ пессимисти-

ковыя попытки нарушить мирное разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, такъ и опыты полицейской реакціи. Напротивъ того, мы думаемъ, что и западноевропейскому миру предстоитъ въ ближайшіе годы пережить періодъ довольно дѣятельнаго проявленія того движения, которое называется теперь «анархическимъ» (довольно неправильно, такъ какъ оно не имѣетъ почти ничего общаго съ извѣстнымъ а-архическимъ учениемъ Прудона), — или соціально-террористическимъ, по просту: рягъ попытокъ убийства, разбоя и кражи съ политко-соціальными тенденціями. Движеніе это вытекаетъ, какъ изъ весьма естественнаго, хотя и не дальновиднаго, озлобленія соціальными несправедливостями, такъ и отъ заразы, распространяющейся изъ давно обижаемой въ соціальномъ и национальномъ отношеніи Ирландіи и изъ угнетаемой во всѣхъ отношеніяхъ Россіи. Проявленія этого движения, конечно, вызываютъ опыты полицейской реакціи, особенно въ странахъ, где эти проявленія могутъ послужить предлогомъ для оживленія еще не окончательно подавленнаго монархического абсолютизма (въ Пруссіи, Австріи, Испаніи). Но важно, что теперь во всѣхъ странахъ Западной Европы есть уже политическая партии,—и соціалистическая, и консервативная,—которые понимаютъ, въ чемъ состоитъ суть рабочаго движенія и какова должна быть относительно его здравая политика. Важно и то, что въ странахъ болѣе свободныхъ (Швейцарія, Бельгія и даже Англія собственно) проповѣдь соціального терроризма не прививается къ населенію. (Объ этомъ всемъ мы говорили подробнѣе въ брошюре *Le tygannicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale*, 1881, которой предсказанія, относительно перенесенія политическихъ убийствъ изъ Россіи на соціальную почву въ З. Европу, къ сожалѣнію, вполнѣ оправдались, — а также въ статьѣ «Динамитно-анархическая эпидемія и самоуправление» въ № 58 «Вольного Слова»).

чески на будущее отношение въ Россіи болѣе состоятельныхъ классовъ ко благу классовъ чернорабочихъ, когда всѣ эти классы, поставлены лицеемъ къ лицу, выступятъ на арену политической самодѣятельности *). Судя по тому искреннему отношению къ нуждамъ чернорабочихъ классовъ, которое проявляетъ значительная часть образованныхъ людей въ Россіи съ самого

*) Здѣсь кстати будетъ замѣтить вообще, что не отрицая нисколько важности классового сознанія въ разныхъ слояхъ демоса, ни необходимости ихъ классовой организаціи для защиты своихъ интересовъ, мы думаемъ, что соціально-демократическая доктрина, исповѣдуемая многими и въ Россіи, какъ своего рода религія, которая предписываетъ видѣть во всей исторіи только классовую экономическую борьбу, со ступенеобразною смыкою господствующихъ классовъ, болѣе правильна, какъ схематический чертежъ, полезный для уясненія многихъ явлений жизни и вмѣстѣ утѣшительный для извѣстныхъ соціалистическихъ кружковъ, во время ихъ слабости, чѣмъ вѣра, какъ полное изображеніе дѣйствительности. Въ послѣдней напр. политическая революція XVI—XVIII вв. вовсе не были исключительно дѣломъ «третьаго класса, или буржуазіи»: такъ, це говоря уже о революціяхъ голландской, англійской, с. американской, довольно будетъ напомнить, что во время великой французской революціи ограничнія монархического абсолютизма, посредствомъ провозглашенія неприкосновенности личныхъ правъ и посредствомъ организаціи представительства, требовали наказы и первыхъ двухъ классовъ (духовныхъ и дворянъ), а уничтоженіе остатковъ феодализма совершилось подъ давленіемъ крестьянского движенія, носившаго даже монархическую окраску (въ государствахъ средней Европы значительная часть противуфеодальныхъ преобразованій, совершенныхъ во Франціи революціей, сдѣлана была въ XIX в. даже монархіей съ бюрократіей). Подобно этому и соціальный вопросъ XIX в. (вопросъ соц. справедливости и вмѣстѣ организаціи производства) не есть дѣло одного «четвертаго класса, пролетаріата», который въ добавокъ вовсе не «весь народъ», какъ не было «всѣмъ народомъ» и «третье сословіе» 1789 г. Пролетаріатъ, — фабрично-городской и даже сельскій, — конечно, чѣмъ дальше, все больше получаетъ политическое значеніе, но и другие классы (и высшіе, и низшіе) не бездѣйствовали и не будутъ, конечно, бездѣйствовать въ вопросахъ общественнаго устройства, хозяйства и просвѣщенія. Этихъ обстоятельствъ не слѣдуетъ забывать и въ З. Европѣ, а особенно въ Россіи, гдѣ, въ силу историческихъ условій, столпились вмѣстѣ политическая и соціальная (и даже религіозная) задачи цивилизаціи XVI—XIX столѣтій.

времени освобождения крестьянъ, можно съ достовѣрностью предполагать, что, при политической свободѣ, въ двухъ ея непремѣнныхъ видахъ, — правахъ человѣка и гражданина и самоуправленіи,— не малое количество «интеллигенціи» найдетъ въ органахъ самоуправленія естественное поле для приложения своихъ гуманныхъ чувствъ и широкихъ стремлений къ служению чернорабочимъ массамъ. Въ этихъ же учрежденіяхъ, а особенно въ мѣстныхъ, — и между ними въ первой линіи въ общинахъ и волостныхъ,— гуманѣйшіе люди изъ интеллигенціи встрѣтятся съ надѣленными въ огромномъ большинствѣ своею ноземельною собственностью, — во многихъ мѣстахъ общинною или фартельною, — крестьянствомъ *). Не отказываясь, конечно, отъ связи съ городскими классами (да это и не возможно!) ни тѣмъ болѣе отъ европейскихъ, (если хотите, городскихъ) идей, эти люди всего скорѣе могутъ получить политическую силу въ Россіи, въ союзѣ съ упомянутымъ крестьянствомъ, съ которымъ тѣмъ скорѣе могутъ они соединиться въ органическое цѣлое, что это крестьянство наиболѣе въ нихъ нуждается, — и такъ въ Россіи можетъ сложиться дѣйствительно оригинальное (хотя конечно, па вполнѣ самобытое) соціально-политическое явленіе въ ряду другихъ соціально-народныхъ партій Европы.

Особенно скораго успѣха можетъ надѣяться такого рода прогрессивно-демократическая, по своему тоже соціальная, партія въ тѣхъ областяхъ Россіи, гдѣ болѣе свободный духъ населения, меныше подвергавшагося давленію крѣпостного права, соединяется съ болѣе благопріятнымъ для демоса распределеніемъ землевладѣнія (большой процентъ землевладѣнія мелкаго, казеннаго или воинскаго), — какъ напр. въ самыхъ сѣверныхъ губерніяхъ, въ Приуральи, въ Волжскомъ Низовыи, въ земляхъ казаковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новороссіи, въ Днѣпровской Украинѣ, въ которой въ добавокъ значи-

*.) Вопросъ о такомъ значеніи мѣстнаго самоуправленія для наиболѣе нравственно развитой части «интеллигенціи» въ Россіи очень обстоятельно разобранъ въ статьѣ «Нѣсколько мыслей по вопросу Что дѣлать?» въ 38 № «Вольн. Слова».

тельное число мелкаго дворянства, дающее и теперь большой процентъ людей свободныхъ профессий, а также сословіе «малороссійскихъ колаковъ», представляють весьма многонадежный матеріяль для предлагаемой нами прогрессивной демократіи. И теперь уже, въ нашихъ крайне несовершенныхъ и подавляемыхъ бюрократіей земскихъ учрежденіяхъ называемыхъ областей, можно видѣть указанія, довольно благопріятныя въ пользу намѣщенныхъ выше ожиданий нашихъ.*). При широкомъ же мѣстномъ самоуправлениі, можно съ положительностью расчитывать на то, что въ этихъ областяхъ (изъ которыхъ, замѣтимъ, большое количество приходится на земли украинскія) для благопріятной массамъ народа соціально-экономической политики пойдетъ довольно уѣтно, даже если бы въ другихъ областяхъ Россіи оно и встрѣтило себѣ большія помѣхи.

Такимъ образомъ будущность практическаго соціализма въ Россіи, также какъ и будущность политической свободы, лежитъ въ вопросѣ объ организаціи въ ней системы самоуправлениія!

Таковы теоритический соображенія, на основаціи которыхъ мы позволяемъ себѣ думать, что предлагаемая нами соціальная программа могла бы быть поддержанна, какъ своего рода россійская революционно-демократическая, и лицами, раздѣляющими начала европейскаго соціалистического движения. Но независимо отъ этихъ соображеній, а стоя на чисто практической точкѣ, мы думаемъ, что, во всякомъ случаѣ, программа эта не очень удалась отъ того таихъ или таихъ, какой можетъ быть осуществленъ въ Россіи по соціальному вопросу въ ближайшій десятокъ лѣтъ. И если бы осуществление этого таинства или таихъ, — смотря по тому, какъ глядѣть на него, — сопровождалось въ Россіи прочнымъ установлениемъ политической свободы, (единственной, по развитому опыту

*). См. свѣдѣнія о заботахъ разныхъ земствъ о народномъ образованіи, между прочимъ и въ брошурѣ «Восемнадцать лѣтъ вѣнчанія чиновничества съ земствомъ» (отдѣльный оттискъ изъ «Вольнаго слова») стр. 80—82.

сознанию современныхъ европейскихъ социалистовъ, естественной основы и для социального движениі) — то мы думаемъ, что даже люди, которыхъ болѣе или менѣе близкія социальные стремленія выходятъ за предѣлы вышеупомянутой программы, — далеко не потеряли бы отъ того, что въ теченіе извѣстнаго времени работали бы вмѣстѣ съ тѣми, стремленія которыхъ по социальному вопросу не заходятъ дальше этого *minimum*. И это тѣмъ болѣе, что, согласно статьѣ VI нашего проекта Устава, члены «Вольного Союза» съ значительно разниющимися социальными идеалами, по достижениіи общихъ условленныхъ цѣлей, могли бы разойтись совершенно свободно и безъ всякихъ недоразумѣній.

Ко второй части.

Къ статьямъ I—II. Во всѣхъ образованныхъ странахъ, гдѣ общественная жизнь представляется разнообразные примѣры политической дѣятельности: открытыхъ ли политическихъ партій, заговоровъ ли, или военно-революціонной борьбы, мы видимъ, что политическая карьера не есть что либо отдельное отъ всѣхъ другихъ публичныхъ профессій, а тѣсно связана съ этими послѣдними, такъ что разные дѣятели по стольку и вліятельны на политическомъ полѣ, по скольку они представляютъ собою извѣстныя общественные профессіи и интересы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ также, что политическая дѣятельность требуетъ весьма высокаго нравственного и интеллектуального развитія и образованія, на столько широкаго, чтобы политикъ могъ отчетливо сознавать настоящее и возможное ближайшее будущее положенія дѣлъ, какъ въ своей родинѣ, такъ и въ окружающихъ ее странахъ.

Въ Россіи группою политическихъ дѣятелей, наиболѣе вліятельныхъ во время своего дѣйствія и даже послѣ своего военного пораженія, слѣдуетъ, конечно, признать такъ называемыхъ декабристовъ. Извѣстно же, какого разностороннаго образованія бы-

ли эти люди и какъ въ кружкахъ ихъ, особенно въ кружкѣ «Соединенныхъ Славянъ», давшемъ едва ли не самыхъ энергическихъ людей даже въ военно-революционномъ дѣлѣ возстанія въ Киевской губерніи въ январѣ 1826 г., — поставлялось правило, что члены общества, кромѣ приготовленія къ непосредственному военно-революционному дѣйствию, должны заботиться о своемъ усовершенствованіи и о снисканіи себѣ сочувствія общества и солдать прежде всего добросовѣстнымъ и гуманнымъ исполненіемъ своихъ профессиональныхъ обязанностей, распространеніемъ образованія, содѣйствіемъ освобожденію крестьянъ и т. п. (Подробности см. напр. въ «Запискахъ Неизвѣстнаго», Горбачевскаго,—въ Русскомъ Архивѣ 1882. № 2).

Изложенія выше понятія о качествахъ, требуемыхъ отъ политического дѣятеля, естественно дѣлаютъ невозможнымъ для «Вольного Союза» ни принятіе въ число своихъ членовъ людей очень молодыхъ и не окончившихъ образованія по избранной ими профессіи, ни какія либо дѣйствія, которыхъ бы препятствовали такимъ людямъ стать въ свое время политическими дѣятелями съ требуемыми качествами. Исключительные понятія, какія существуютъ еще въ разныхъ кругахъ въ Россіи относительно роли «молодежи» въ революционной дѣятельности заставляютъ сказать объ этомъ предметѣ еще нѣсколько словъ.

Никогда ни въ одной странѣ молодежь, — преимущественно учащаяся, не принимала относительно столь большаго участія въ революционно-политической дѣятельности, какъ въ послѣднее время въ Россіи. Обстоятельство это, конечно, объясняется прежде всего относительной слабостію политического образованія и энергіи въ взрослыхъ членахъ общества и потому является фактомъ фатальнымъ. Но будучи таковыми, обстоятельство это является тѣмъ не менѣе бѣдственнымъ для страны, — пораждая разнаго рода слабости и прямые немощи, какъ внутри самыхъ политико-революціонныхъ партій русскихъ, такъ и во всемъ ходѣ политическихъ дѣлъ въ странѣ. Преимущественное пополненіе рядовъ дѣятельныхъ революционеровъ людь-

ми очень молодыми и не окончившими своего образования неизбежно придает политическому движению характеръ неустойчивости въ его теоритической и практической сторонахъ и лишаетъ это политико-революционное движениеальной силы и влиянія на общество и потому какихъ либо прочныхъ успѣховъ. Въ тоже время внутри самаго движения численное преобладаніе молодежи дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ на руководителей этого движения, пріучая ихъ имѣть дѣло съ средою, слишкомъ податливою, когда обращаются къ ся чувству, и слишкомъ нетерпимою, когда противорѣчать ея идеямъ и надеждамъ, продиктованнымъ этимъ чувствомъ. Критическая мысль все больше изгоняется изъ среды, въ которой ея наиболѣе слѣдовало бы ожидать, и мѣсто ея начинаютъ занимать признаки религіознаго сектанства, которос неизбѣжно стремится сложиться въ своего рода церковь съ всѣми ся невыгодными сторонами. Съ другой же стороны, преждевременная гибель молодыхъ политическихъ борцовъ въ теченіи длиннаго промежутка времени, приводить страну къ истощенію нравственныхъ силъ, необходимыхъ для ея прогресса политического, соціального и культурнаго, — и въ концѣ всего поражаетъ довольно нечальную реакцію и въ самой молодежи. Въ виду отчасти указанныхъ выше слабостей, а особенно безрезультатности гибели той части молодежи, которую горячность ввела слишкомъ рано въ политическую борьбу, другая часть молодежи также преждевременно охлаждается, заражается полнымъ скептицизмомъ и отдается грубо-эгоистическимъ стремленіямъ. Всѣ эти и многія другія подобныя явленія достигаютъ степени настоящаго бѣдствія для страны вообще и для самого рев.-политического движения въ пей въ частности, когда они сопровождаются, какъ это было недавно въ русскихъ революціонныхъ кругахъ, проповѣдью о нецѣлности высшаго школьнаго ученія для «революціонной дѣятельности».*)

*.) Характерично, что теперь въ органахъ реакціонныхъ, поддерживающихъ русское правительство въ его мѣрахъ къ разрушению высшихъ школъ въ Россіи можно встрѣтить почти

Въ настоящее время нужно быть ослѣпленнымъ, чтобы не видѣть всей ошибочности отношеній большей части инициаторовъ русскаго революціоннаго движенія съ к. 60-хъ годовъ къ «молодежи» и «наукѣ». Даже если бы они согласились съ мнѣніемъ, что «партия дѣйствія» не можетъ быть создана въ Россіи изъ наличнаго состава болѣе взрослаго ся населенія, то все таки нужно сознаться, что серьезныя политическія партии, въ полномъ значеніи этого слова, не могутъ быть созданы изъ ис окончившій ученія молодежи и людей безпрофессиональныхъ, — и что во всякомъ случаѣ лучше подождать иѣсколько лѣтъ, пока элементы для такой партии созрѣютъ изъ теперешней молодежи, нежели двигать послѣднюю въ политическую борьбу неприготовленною въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи.

По этому прямой интересъ противниковъ настоящаго политическаго, соціального и культурнаго строя въ Россіи удерживать учащуюся молодежь отъ преждевременной активной политической дѣятельности, или, — что въ сущности одно и тоже, — поддерживать въ этой молодежи мысль о необходимости политическаго образования (при професіональномъ, ко-

буквальное повтореніе тѣхъ нападокъ на «буржуазную» науку и на «барскія» школы, какіе иѣсколько лѣтъ тому назадъ высказывались «русскими соціальными революціонерами» и «народниками». Это одинъ изъ многихъ съ 60-хъ годовъ примѣровъ совпаденія и даже упрежденія разными фракціями русскаго радикализма и народничества стремлений революціоннаго абсолютизма. Интересно, что въ послѣднее время начинаетъ передвигаться съ лѣва на право и теорія «субъективнаго метода въ соціальныхъ наукахъ». (удивительная въ научномъ мірѣ теорія!) бывшая въ ходу въ тѣхъ кругахъ русскихъ радикаловъ, которые допускали пользу наукъ и для «революціоннаго» или народнаго дѣла». Слѣдуетъ надѣяться (и на это есть уже признаки) что подобный переходъ антикультурныхъ рефлексовъ и заблужденій въ круги, въ коихъ они всего болѣе умѣста, окажетъ самое благодѣтельное влияніе на русскія радикально-демократическія партии, научивъ ихъ основывать свое дѣло на прочныхъ устояхъ правъ человѣка и объективной (чистой) науки и искусства, — устояхъ, которые неблагоразумно пробовать было хотѣть недавній ингилизмъ.

нечно) для политической деятельности. Конечно, такое действие представляет задачу не легкую и очень деликатную, такъ какъ агенты правительства чуть не ежедневно нарушаютъ естественныи интересы учащейся молодежи и оскорбляютъ ся благородныи чувства, при чёмъ иногда действуютъ съ видомъ сознательныхъ провокаторовъ, — но трудность и деликатность задачи не дѣлаетъ ее еще невозможной. Во всякомъ случаѣ важно, чтобы политическое общество, въ родѣ «Вольного Союза», задавшесся цѣлями, требующими весьма сложнаго, сознательнаго и настойчиваго действия на довольно продолжительный срокъ времени, — не увлекалось соблазномъ поскорѣе и полегче собрать себѣ по больше членовъ изъ учащейся молодежи и придать себѣ поскорѣе видъ сильной и активной партии и тѣмъ на самомъ дѣлѣ не подорвало своей силы въ ближайшемъ будущемъ, когда ряды его могли бы быть пополнены постояннымъ притокомъ изъ созрѣвшеи и окончившеи свое образованіе молодежи. По этому отношению «Вольного Союза» къ учащейся молодежи должны быть отношеніями, такъ сказать, боевой арміи къ резерву: они должны состоять прежде всего въ добросовѣстномъ и гуманномъ исполненіи профессиональныхъ обязанностей передъ молодежью, во всегдашней готовности оказать послѣдней материальную и нравственную помощь и защиту, въ распространеніи среди молодежи идей Союза, подкрепляемыхъ научными доказательствами, и въ склоненіи молодежи приготовляться къ труду въ пользу родной страны и ея населенія сообразно идеямъ Союза. Въ послѣднемъ отношении необходимость систематической помощиполитическому образованію молодежи является тѣмъ болѣе настоятельною, что правительство русское своимъ отношениемъ къ печати и школѣ полагаетъ всевозможныи препятствія таковому образованію. Препятствія эти не могутъ теперь быть преодолѣны безъ распространенія въ Россіи произведеній мысли болѣе свободныхъ народовъ, составленія и печатанія за границей книгъ для политического воспитанія россійскихъ обществъ, доставленія моло-

дымъ людмъ возможности наглядно познакомиться съ жизню передовыхъ народовъ и другихъ подобныхъ приемовъ, за которые не можетъ взяться никто, кроме организованного политического общества.

Доказывать необходимость основательнаго ознакомлениі съ своеї родиной для полноты политического образования, какъ залога для усиленной политической деятельности въ этой родинѣ, мы думаемъ, теперь уже неѣтъ надобности. Такимъ образомъ мы получимъ цѣлый кругъ подготовительной для политической деятельности работы, исполненіе которой, конечно, можетъ наполнить съ избыткомъ иѣсколько лѣтъ молодой жизни. Само собою разумѣется, что эта подготовительная работа, даже для своей формальной усиленности, требуетъ своего рода организации и между молодыми людьми, а также связи этой организации съ действующими политическими сообществами, при чёмъ связь между членами кружковъ молодежи, имѣющихъ цѣлью политическое самообразованіе, должна не прекращаться и по окончаніи учения, а самое занятіе родиновѣдѣніемъ должно сопровождаться планами систематического выбора мѣстъ приложения труда, по выходѣ изъ школы, такимъ образомъ, чтобы настоящий переходъ молодыхъ людей отъ школы къ практической деятельности быть вмѣстѣ съ тѣмъ и систематическимъ занятіемъ страны силами политического общества, имѣющаго цѣлью ся освобожденіе и развитіе.

Намъ остается теперь сказать иѣсколько словъ о примѣчаніи къ настоящей статьѣ. Въ примѣчаніи этомъ можетъ иѣкоторымъ показаться страннымъ поставленіе необходимости «знакомства съ жизнью западноевропейскихъ народовъ» прежде «ознакомленія съ своеї родиной». Конечно, никто больше нась не можетъ желать того, чтобы украинскіе уроженцы наподробнѣйшимъ образомъ изучали свою родную страну и ея населеніе, такъ какъ знакомство это есть не только необходимое условіе прочности усиѣха всякаго рода общественной деятельности въ странѣ, но и условіе самаго побужденія къ работѣ

на пользу ея населенія, любви къ послѣднему. (Не подлежитъ сомнѣнію, что сама теперешняя необходимость призывать образованныхъ уроженцовъ Украинъ къ работѣ въ ней и въ пользу ея населенія происходит отъ того, что вся система публичнаго образования и условія печати въ Россійской имперіи съ XVIII в. ведутъ къ тому, чтобы ослабить знакомство образованныхъ классовъ на Украинѣ съ этой страною и ея населеніемъ). Но вся Восточная часть Европы стоятъ въ особыхъ отношеніяхъ къ Западу ея, вслѣдствіе своей исторической отсталости. Только знакомство съ жизнью западной, передовой части нашей страны свѣта можетъ дать и намъ руководящія вити для правильного прогресса политического, соціального и культурнаго. Неправильность, перерывчатость, неустойчивость и пагубнѣйшія ошибки въ общественномъ движениі Россіи за послѣднее время и множество страннѣйшихъ заблужденій, господствующихъ въ разныхъ кругахъ образованныхъ людей въ Россіи, — объясняются главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что правительственная система образования и печати стѣсняетъ знакомство этихъ людей съ современной жизнью западноевропейскихъ народовъ и ея исторіей, не только новѣйшей, но даже (что напр. имѣть мѣсто особенно относительно религіозно-философской стороны культуры) и болѣе раннихъ эпохъ*).

*.) Много пришлось бы говорить намъ, если бы мы взялись перечислить даже важнейшія изъ затронутыхъ въ текстѣ пагубныя послѣдствія отсутствія въ Россіи близкаго знакомства съ Западной Европой. Мы укажемъ только на иѣкоторые новѣйшія и важнѣйшія ошибки и заблужденія, каковы напр. иогоня за осуществленіемъ идеаловъ соціально-демократическихъ безъ предварительного установленія политической свободы, разныя школы русского народничества, какъ консервативнаго, такъ и революціоннаго характера (идеализація раскола, крестьянской общины, старыхъ и новыхъ крестьянскихъ бытовъ и казачества и даже разбойничества и т. п.) какъ равно и подражательное отношеніе къ явленіямъ и учрежденіямъ отдельныхъ народовъ Запада и вѣрѣ въ возможность всесѣмъ переносенія ихъ въ Россію. Только подробное изученіе жизни разныхъ народовъ Запада можетъ показать, что у каждого есть иное общее, а что частное, и выяснить вѣсть

По отношению къ Украинѣ прямое знакомство съ Западомъ Европы имѣть еще особенное значеніе, дѣлающее это знакомство необходимымъ для успѣха самаго украинскаго родновѣдѣнія и соображеній съ нимъ общественной дѣятельности. Украина до XVIII в. была хотя и самою отсталою (вслѣдствіе совпаденія разныхъ географическихъ и историческихъ условій) но все таки органическою частію культурной Европы. Оторвана была Украина отъ этой Европы вслѣдствіе своего подчиненія деспотической и централизованной Россійской имперіи, именно тогда, когда коренная страна этой имперіи, Великороссія, — (сама отставшая отъ культурной Европы столько же вслѣдствіе неблагопріятныхъ географическихъ и вышнихъ историческихъ причинъ, сколько и чрезъ разореніе родныхъ центровъ культуры, съверозападныхъ народоизвестствъ Новгородского и Псковскаго, Московскимъ царствомъ) — начала входить въ болѣе близкія сношенія съ культурной Европой, хотя по инициативѣ гораздо болѣе правительственной, нежели народной, а потому и препредметственно съ видами военно-административными, нежели свободно-общественными. Съ тѣхъ порь между Украиной и Европой создалась стѣна, и окнами въ Европу и для Украины стали великороссійскія столицы. — что вдвойнѣ неблагопріятно отразилось и отражается на развитіи Украины. Благодаря правительственной цензурѣ надъ школами и печатью, европейскій свѣтъ проникаетъ чрезъ эти окна весьма затмненнымъ даже и въ Великороссію, но и остатки этого свѣта переломляются въ великороссійской средѣ и принимаютъ тамъ мѣстную окраску. Въ этой частной, великороссійской, окраскѣ европей-

съ тѣмъ, что есть и что должно остаться самобытнымъ и въ жизни народовъ нашей половины Европы. Нельзя не упомянуть здѣсь также и обѣ общихъ наклонности даже образованныхъ русскихъ къ мистицизму и фантастичности, при всей ихъ вышней нерелигіозности и отвлеченной любви къ реализму, — наклонности, которая можетъ быть объяснена между прочимъ отсутствиемъ въ русской системѣ образованія свободной науки о религіозно-философской сторонѣ исторіи культуры и которая составляетъ важное препятствіе къ выработкѣ въ Россіи системы настойчиво-прогрессивной политической дѣятельности.

скія політическія, соціальні і культурні ідеї предлагаються і українцамъ за ідеї європейськія, по сущності, і за роднія і для українцевъ, по формѣ и по подробностямъ ихъ розвитія. Но такъ какъ между Україною и Великороссієй далеко не существуетъ тожества, особенно въ умовіяхъ и признакахъ жизни внутренній: въ народномъ бытѣ и характерѣ, въ политическихъ традиціяхъ и историческихъ задачахъ и т. п., — то вышеупомянутое предложеніе українцамъ политическихъ, соціальнихъ и культурныхъ ідей, выработанныхъ въ великорусскихъ столицахъ, создаетъ около нравственныхъ очей даже наиболѣе образованной части української публіки цѣлый рядъ міражей то міміко-космополітическаго, то міміко-національнаго и народническаго характера, среди которыхъ крайне трудно орієнтироваться въ теоретическомъ и практическомъ отношенії.*). Толькo обращеніе українцевъ къ

*) Въ поясненіе сказанного выше замѣтимъ, — что послѣдствіемъ слабости непосредственной связі України съ цивілізованимъ міромъ, было то что на Українѣ націонализмъ (українофильство) сбивається на пути «московского славянофильства», съ его православною узостію (не говоримъ уже о тѣхъ, кто цѣлкомъ переносить программу московского славянофильства и на Україну), космополітизмъ явилъся въ видѣ «петербургскаго западничества», съ его культомъ Петра Великаго, т. е. прогресса, предписываемаго военно-административнымъ порядкомъ, и съ его неподіманіемъ значенія западнославянскихъ отношеній покрайней мѣрѣ для народовъ нашей, ютозападной части Россіи, — радикализмъ явилъся въ видѣ «нигилизма», съ его антикультурными порывами, соціализмъ — въ формѣ «народничества», съ его мистицизмомъ и деревенщиною, — політическій революціонизмъ, — въ формѣ «народновольства», съ его централізмомъ и темнотою понятій о сущности політической свободы, — все вообще съ окраскою столько же неевропейскою, сколько и не українскою. Мы не скажемъ, чтобы элементы этой окраски были существенно великорусскими, но несомнѣнно, что они представляютъ прямое или косвенное порожденіе Московскаго государства, которое начало свою політическую карьеру съ уничтоженія свободы, или даже съ совершенного разрушенія великорусскихъ городовъ и ихъ общественной культуры, столько же національной, сколько, по тогдашнему, и європейской. Отъ разныхъ послѣдствій этой «московской заразы» (*pestis moscovitica*, — по слову знаменитаго путешественника, описывавша-

непосредственнымъ источникамъ европейской культуры, можетъ положить конецъ такому ненормальному и для всѣхъ вредному положенію дѣль. Это обращеніе будетъ доставить Українѣ европейскія идеи въ ихъ исурѣзанномъ и чистомъ видѣ, и тогда естественное стремленіе приложить эти идеи къ родной почвѣ поведетъ за собою и изученіе этой послѣдней въ ея дѣйствительномъ, а не минимомъ видѣ. Вотъ почему желательно бы было, чтобы и въ настоящее время зачинатели освободительного движения на Українѣ, въ своихъ усиленіяхъ для пріобрѣтенія политического образования, обратились къ непосредственному общению съ культурной Европой, въ ожиданіи пока вся Украина, съ массою своего населения, получивъ политическую свободу, онять прямо примкнуть къ числу странъ, составляющихъ культурное человѣчество.

Къ примѣчанію I къ статьѣ III. Все это примѣченіе было бы излишнимъ, если бы оно не вызывалось известными фактами, совершающимися въ послѣдніе годы даже и на украинской землѣ, и которые обзываютъ всякую являющуюся на ней политическую группу высказаться о нихъ безъ обиняковъ. Начнемъ съ обмана населения.

Недальновидная истерійность не разъ уже подвигала различныхъ противниковъ теперешняго политico-соціального порядка вещей въ Россіи, соблазняемыхъ успѣхами (въ сущности моментальными и непрочными!) великорусскихъ самозванцевъ XVII—XVIII в., на такія дѣйствія, какъ распространение фальшивыхъ слуховъ, изданіе подложныхъ манифестовъ и т. п. съ цѣлью поднять крестьянъ къ бунту. Во время послѣдней войны, въ Киевѣ и другихъ мѣстахъ Украины были распространены фальшивыя телеграммы (о пораженіи р. арміи и дарованіи конституціи). Около того же времени, — въ 1877 г., — иѣсколько лицъ,

го Новгородъ и Псковъ скоро послѣ ихъ порабощенія) которая по своему культивировалась и въ петербургскій периодъ исторіи Россіи, и сама Великороссія можетъ быть радикально излечена только усиленными приемами того же лекарства, которое мы далѣе предлагаемъ для Украины.

причислявшихъ себя къ «русской соціально революціонной партіи», составили подложный царскій указъ къ крестьянамъ, по поводу аграрныхъ волненій въ чигиринскомъ уѣздѣ. Послѣднее дѣйствіе было представлено, какъ образцовое въ одной русской соціально-революціонной газетѣ («Землѣ и Волѣ») и, если по томъ оно было изображено съ нѣкоторыми оговорками въ другой русской соціально-революціонной газетѣ, («Черный Передѣлъ») то все таки признано было дозволительнымъ, или во всякомъ случаѣ не предосудительнымъ. По личнымъ наблюденіямъ мы знаемъ, что мысль о самозванствѣ и подобныхъ политическихъ и религіозныхъ приемахъ (послѣднее въ виду многочисленныхъ сектантовъ) возбужденія смутъ и бунтовъ, далеко не исчезла изъ разныхъ сферъ общества въ Россіи.

Мы не будемъ здѣсь приводить противъ всякаго рода обмановъ населенія возраженій со стороны нравственныхъ принциповъ, а ограничимся только пѣсколькими замѣчаніями утилitarного характера. Уже самая неудача всѣхъ новѣйшихъ опытовъ политического обмана въ Россіи, показываетъ, что время самозванщины и всего подобнаго ей прошло и здѣсь. Въ настоящее время решительно невозможна систематическая выдержка политического притворства и обмана со стороны лицъ и группъ, которые задаются сколько нибудь широкими цѣлями общественного преобразованія, а не мелкими заговорщицкими цѣлями и экспериментами. При томъ же въ настоящее время всякой обманъ разоблачается весьма скоро, а разоблаченіе неизбѣжно производить весьма невыгодное впечатлѣніе на обманутыхъ, какъ это недавно было подтверждено и при мѣромъ обманутыхъ крестьянъ въ чигиринскомъ уѣзда (См. корреспонденцію изъ Сибири о сосланныхъ туда «чигринцахъ» въ 21 № «Вольного Слова») въ которомъ обманъ 1877 г., очевидно, надолго затруднилъ возможность сближенія противниковъ правительства съ крестьянами.

Кража и даже разбой съ цѣлью добытія средствъ для революціонной дѣятельности, какъ своего рода

конфискація, практикуется въ послѣднее время нѣкоторыми политико-соціальными группами не только въ Россіи, но и въ З. Европѣ, гдѣ въ Австріи и Германіи недавно было нѣсколько опытовъ подобной «конфискаціи» *). Мы не станемъ здѣсь обсуждать и этого вопроса съ точки зрењія нравственныхъ принциповъ, а опять станемъ на точку зрењія практическую. Въ практическомъ отношеніи для всякаго политического движенія пріобрѣтеніе себѣ общественного сочувствія, по меньшей мѣрѣ столь же важно, какъ и пріобрѣтеніе материальныхъ средствъ, уже и потому, что сочувствіе это можетъ стать постояннымъ прочнымъ источникомъ и самихъ этихъ средствъ. Но общественное мнѣніе вообще относится неодобрительно ко всякой кражѣ, не только у частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій, но и изъ государственныхъ кассъ. А потому во всякомъ случаѣ «конфискаторамъ» самымъ благонамѣреннымъ придется брать на себя непопулярность, которая не можетъ не падать и на ихъ цѣль и котораі становятся совсѣмъ невознаградимою, въ случаѣ неудачи покушенія на «конфискацію», — неудачи очень вѣроятной, какъ показываютъ почти всѣ известные примѣры. Но если тенденціозная кража является, даже съ грубо- utilitarной стороны, дѣломъ, по меньшей мѣрѣ, весьма сомнительной полезности, — а потому такимъ, къ которому политической группѣ лучше бы не прибѣгать, — то всякое покушеніе на тенденціозный разбой, которое можетъ, или даже должно, сопровождаться убийствомъ лицъ, обязанныхъ

*) Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что въ обѣихъ названныхъ странахъ опыты тенденціозной кражи и разбоя, какъ и приложенія на зап. европейской почвѣ тенденціозныхъ убийствъ, встрѣтили решительное осужденіе правильно организованныхъ соціалистическихъ партій. См. въ «Der Social Democrat» статью «Воровство и революція» (1883, № 13), которая заканчивается рѣзкими словами: «отмѣнить частную собственность отомъ и цѣликомъ — дѣло революціонное, отмѣнить же частную собственность въ раздробь — обыкновенное дѣло жуликовъ» (Spitzbubepraxis). Ср. также въ № 34 статью «Attentate und Attentate», въ № 46 — «Brutalit t und Revolution» и др. Тоже въ органѣ «всеобщей рабочей партіи земель венгерскихъ» — «Die Arbeiter-Wochen-Chronik».

охранять предназначение къ «конфискації» имущество, — (сторожей, почтальоновъ и частныхъ лицъ) возбуждаетъ общественное отвращеніе, а следовательно безусловно вредно для политической группы, которая прибегаетъ къ подобнымъ способамъ увеличенія своихъ средствъ. А, по старому еще наблюденію, всякая кража можетъ, по обстоятельствамъ, перейти въ разбой и убийство...

Къ примѣчанію II-му къ статьѣ III. При такомъ полптическомъ порядкѣ, какому подчинена теперь Россія, въ такое время, какое она теперь переживаетъ, никто не можетъ поручиться за себя, что онъ не совершилъ убийства, которое будетъ имѣть политический характеръ. Но сколько нибудь дальновидные политические дѣятели, а тѣмъ болѣе сторонники политической свободы, должны избѣгать всего, что можетъ имѣть значеніе возведенія убийства въ систему политической борьбы, или придать убийству видъ принципіально-закошнаго дѣйствія. Во первыхъ это бы съузило самую политическую борьбу, направивъ ее болѣе противъ личностей, чѣмъ противъ известного порядка, и давъ сей поверхностный характеръ и въ сущности болѣе легкія задачи, — а во вторыхъ, — и главное, признавая убийства за законный способъ политической борьбы, сторонники политической свободы дѣйствовали бы въ поддержку противнаго имъ принципа и въ подрывъ собственного будущаго. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о тѣхъ сторонникахъ политической свободы, которые придаютъ преимущественное значеніе огражденію интересовъ лица, — правамъ человека и гражданина, — и всемъ общественнымъ формамъ и учрежденіямъ придаютъ значеніе лишь постольку, по скольку они обеспечиваютъ эти интересы и права. Неприкосновенность жизни есть, конечно, первое изъ правъ личныхъ, — и въ настоящее время наиболѣе развитые люди пришли къ полному и безусловному отрицанію всякаго рода смертной казни, даже послѣ самихъ широкихъ гарантій судебнной справедливости. Но убийство, по личному замыслу, не можетъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ дѣйст-

вія личнаго произвола, — пускай, и самаго благонамѣренаго, но все таки произвола; убійство же, по постановленію тайного политическаго общества, есть прежде всего казнь, по приговору тайного суда, безъ выслушанія защиты подсудимаго, суда, котораго члены суть вмѣстѣ и обвинители, и свидѣтели, и судьи, — т. е. дѣйствіе прямо деспотическое. Если убійство по личному замыслу, можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ оправдано вызвавшими его обстоятельствами, то представление тайного суда заговорщиковъ дѣйствіемъ законнымъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только подкапываніемъ въ общественномъ сознаніи идеи о правахъ человѣка и гражданина, которая по смыслу понятія о свободѣ, должны стоять выше всего въ общественномъ порядкѣ и порушеніе которыхъ не можетъ пройти безнаказанно для цѣлого этого порядка и его развитія и въ первой линіи именно для тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые желаютъ прогрессивнаго развитія общества и которые, какъ находящіеся чаще всего въ меньшинствѣ, всего болѣе нуждаются въ гарантіяхъ своего существованія.

Всі исторія политическихъ убійствъ въ цивилизованныхъ странахъ говорить въ пользу справедливости послѣдняго замѣчанія и противъ того жгѣнія, опыты распространенія котораго были недавно дѣлаемы въ Россіи, а именно будто политическія убійства составляютъ особенно удобный (и при томъ новый) прогрессивно-революціонный способъ дѣйствія. Въ исторіи Западной Европы тенденціозныя убійства стали особенно часты въ эпоху борьбы религіозно-политическихъ партій XVI—XVII в., когда собственно и была систематически развита (по классическимъ, а особенно библейскимъ примѣрамъ: — Аодъ, Іегу, Юдіеъ и т. и.) и теорія этихъ убійствъ. Но изъ сопоставленія фактівъ оказывается, что теорія эта съ особенностями усердіемъ разрабатывалась и практиковалась реакціонною стороною, — напистами, особенно іезуитами, — такъ какъ за убійствомъ Фр. Гиза (1563) гугенотомъ Польстро, котораго его единовѣрцы сравнивали съ Юдіею, послѣдовало со стороны напистовъ: во Франціи: покуше-

ние на Колини и потомъ Варфоломеевская ночь (1572), убийство Генриха III (1589) Ж. Клеманомъ, которого уже католики сравнивали съ Юдию, и избиение «политиковъ» (сторонниковъ въротерпимости) членами Св. Католической Лиги, несолько покушений на Генриха IV и потомъ убийство его (1610), въ Голландіи — убийство Вильгельма Молчаливаго (1584) послѣ неоднократныхъ покушений, въ Англіи — пороховой заговоръ (1605); сюда же слѣдуетъ зачислить и убийство Валленштейна 1634. (Нельзя не вспомнить также и убийства Мазаніелло, народнаго вождя въ Неаполѣ въ 1647, хотя въ этомъ убийствѣ, какъ вообще во всемъ дѣлѣ Мазаніелло, религіозный элементъ не игралъ никакой роли).

Съ конца XVIII в., когда обострилась борьба изъ-за политическихъ принциповъ, тенденціозныя убийства опять стали весьма часты. Во время суда надъ Людовикомъ XVI (вообще менѣе законнаго съ процессуальной стороны, чѣмъ судъ надъ Карломъ I англійскимъ, и веденного съ явнымъ нарушеніемъ деклараций о правахъ человѣка и гражданина) французские республиканцы якобинской школы высказывали идеи о томъ, что король долженъ быть убитъ даже безъ всякаго суда (Робеспьеръ), и приводили примѣръ съ Юл. Цезаремъ, убитымъ «безъ всякихъ формальностей» (С. Жюстъ). Но на другой же день послѣ приговора надъ Людовикомъ XVI (1793) рояльность Парижъ убилъ якобинца Лепелетье «безъ всякихъ формальностей», — за тѣмъ не много спустя Шарлота Корде, также «безъ формальностей», убила Мара, — который, впрочемъ, при всемъ своемъ тирано-снавидѣніи, имѣлъ дальновидность замѣтить сосѣду, при слушаніи вышеупомянутой аргументаціи Робеспьера, что «подобныя доктрины принесутъ республикѣ больше вреда, чѣмъ всѣ тираны вмѣстѣ»; вскорѣ за тѣмъ послѣдовали покушенія на жизнь Колло д'Эрбуа и Робеспьера. И если время в. французской революціи сравнительно мало еще представило примѣровъ политическихъ убийствъ такого рода, — то, конечно, только, потому, что разныя партіи могли по очереди убивать своихъ

противниковъ посредствомъ уличной («народной») расправы и исключительныхъ, «революционныхъ», трибуналовъ, при чмъ напр. самый арестъ Робеспьера и Кутона для постановки передъ такой трибуналъ, сопровождался покушеніями на убийство. Когда видные люди республиканскихъ партій перебили такимъ образомъ не только множество роялистовъ, но и другъ друга, — тогда за уличную расправу и за политической убийства взялись роялисты («блжайший терроръ» 1795 г., болѣе жестокій еще, чмъ терроръ «красный», адская машина 1800 г. и заговоръ Кадудали и Пишегрю 1803 г., блжайший терроръ 1815 г. — противъ республиканцевъ, бонапартистовъ и даже протестантовъ).

Какъ видно и изъ сказанного выше, политический убийства въ XVI—XVIII в. тѣсно связывались съ т. наз. «народными расправами». Ученіе же о тѣхъ и другихъ находилось въ связи между прочимъ и съ тогдашними теоріями объ «общемъ спасеніи» и о народномъ самодержавіи. Такъ проповѣдники религіозно-политическихъ убийствъ въ XVI—XVIII в. находили почти всегда изъ иденіи не только о «волѣ божіей», которой убийца былъ-де исполнителемъ, но и изъ иденіи о волѣ народа (*voluntas, arbitrium populi*) кото-рая, по ихъ мнѣніямъ, проявлялась въ убийствахъ или массовыхъ расправахъ съ еретиками, и которой должны были подчиняться начальники и цари, подъ страхомъ быть осужденными судомъ воли божіей и народной. Исполнителемъ приговора такого суда и спасителемъ общества, полагалось, могъ явиться, не только весь народъ въ цѣломъ (что въ дѣйствительности не возможно), но и всякая часть его, (въ дѣйствительности первая собравшаяся толпа) и каждый частный человѣкъ. Подобныя идеи развивали съ особенною последовательностью католические проповѣдники и писатели, — напр. во Франціи Boucher и неизвѣстный авторъ знаменитаго трактата «О праведной власти христіанского общества надъ нечестивыми царями (De justa Reipublicae Christianae in reges impios auctoritate. 1590) Для того чтобы понять всю разницу между идеями этихъ своего времени «народниковъ» и «народновольцевъ» и

новѣйшими идеями о свободѣ, достаточно только вспомнить, что эти люди, хотя и доходили иногда до полнаго республиканизма, но возставали противъ начавшей тогда устанавливавшися въ нѣкоторыхъ странахъ свободы религіозной (*libertas religionis*). А между тѣмъ эта свобода была одною изъ первыхъ вольностей или правъ человѣка, которыя достались образованному миру послѣ долгой борьбы противъ невѣжества и тираніи не только царей, но и народовъ. Только идея объ этихъ вольностяхъ и о потребныхъ для огражденія ихъ учрежденіяхъ (въ томъ числѣ и судебныхъ) и составляетъ основу новѣйшихъ понятій о человѣчномъ обществѣ (*respublica humana*), — а вовсе не идея о законности политическихъ убийствъ и народныхъ расправъ и о самомъ народовластіи, — вещахъ въ сущности очень старыхъ и согласимыхъ съ самыми крайнимъ деспотизмомъ, даже монархическимъ, такъ какъ мы видимъ ихъ не только въ древнихъ республикахъ, но и въ имперіяхъ, не только римской, но и восточныхъ. (Римская имперія прямо и началась съ диктатуры, установленной «волею народа», — отчего и вышло ея юридическое опредѣленіе: «то, что пожелалъ государь, имѣть силу закона, — такъ какъ народъ, закономъ о царствѣ, вручаетъ ему и возлагаетъ на него всю свою власть и силу (*ut pote quum populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat*»).

Капитальнѣйшая ошибка французскихъ республиканцевъ икобинского толка состояла именно въ томъ, что они, даже послѣ провозглашенія правъ человѣка и гражданина, своротили къ старымъ понятіямъ религіозныхъ народновольцевъ, — политическимъ, а за тѣмъ неизбѣжно и судебнымъ, — за что и поплатились прежде всего своими головами. Такъ Мара проповѣдывалъ «народные расправы» (*les ex{eacute}cutions popularies*) вирѣчъ надѣясь управлять ими посредствомъ надежныхъ руководителей; Дантонъ восклицалъ при звукѣ набата,озвѣстившаго сентябрскія расправы съ «подозрительными» въ 1792 г.: «гласъ народа — гласъ божій!» *Herault de Séchelles* привѣтствовалъ депутацію парижскаго «народа», явившуюся въ

Конвентъ 31 мая 1793 г. требовать объявленія жи-
рондистовъ виѣ закону, словами: «сила народа и сила
разума одно и тоже»; Робеспьеръ (въ своемъ вообще
болѣе достойномъ жреца, нежели политика, докладѣ
«Объ основахъ политической нравственности, которыхъ
должны руководить Нар. Соборомъ во внутр. управ-
лениї Республики», 5 февр. 1794) подкладывалъ подъ
это народничество идею, буквально повторявшую фор-
мулу религіозныхъ гонителей: «казнить утѣснителей
человѣчества — есть милосердіе, щадить ихъ — вар-
варство; медленность правосудія равна безнаказанно-
сти!» Извѣстно, какъ кончили жизнь всѣ три упомя-
нутые ораторы и ихъ болѣе искреніе друзья: Даи-
тонъ и Геро казнены были какъ измѣники «народ-
ному дѣлу» (*cause du peuple*), Робеспьеръ, какъ «ти-
ранъ и утѣснитель», — и самому Даитону пришлось
называть толпу, бѣжавшую за колесницей, на которой
его везли на эшафотъ, уже не «народомъ», а «сво-
ложью» (*vile canaille*)!

Горькій опытъ прошлаго, до великой французской
революціи включительно, — въ связи съ прогрессомъ
теоретическихъ понятій о политикѣ, — произвелъ въ
XIX в. значительную перемѣну и въ судебныхъ, какъ
и въ политическихъ понятіяхъ цивилизованныхъ об-
ществъ. Старая абсолютная идея, — въ числѣ
и абсолютное преклоненіе предъ «общимъ спасеніемъ»,
которое-де требуетъ принесенія ему въ жертву всѣхъ
остальныхъ человѣческихъ принциповъ и интересовъ, и
исредъ «судомъ» и «волею народа», — потеряли преж-
ній кредитъ *) Политическія убийства, какъ и «народ-

*) Имѣлъ въ виду въ настоящемъ случаѣ преимущественно
съ судебнью сторону извѣстныхъ общественныхъ теорій, мы
не можемъ распросраняться здѣсь объ ихъ собственно пол-
итической (государственной) сторонѣ, которой впрочемъ
посвящена значительная часть какъ нашей программы, такъ
и объясненій къ ней. Замѣтимъ только, что старая народно-
вольческая фразеология въ З. Европѣ сдѣлалась теперь досто-
япіемъ только отсталыхъ въ политическомъ образованіи круж-
ковъ да партіи бопапартистовъ, которая, вздыхая по народ-
нымъ голосованіямъ (плебисцитамъ), освящавшимъ миллионами
голосовъ наполеоновскія диктатуры (въ 1799 г. 3.011.007 гол.,

шыя расправы» въ принципѣ отрицаются теперь всѣми политическими партіями въ этихъ обществахъ, въ томъ числѣ и самыми революціонными и проповѣдуются только небольшими кружками, да и то не безъ оговорокъ. (Органъ нѣмецкихъ соціальныхъ демократовъ въ упомянутыхъ выше статьяхъ, даже оправдывая такія убіенія, какъ напр. Александра II, какъ «ислѣднѣе» средство лишенныхъ всякихъ правъ людей, или ирландскаго предателя Кери (Carey), какъ актъ «по-

вь 1802 г. — 3.508.885, въ 1804 г. — 3.572.329, послѣ того, какъ тоже самое политическое поколѣніе приняло республиканскую конституцію 1793 г. — 1.801.918 гол., а конституцію 1795 г. — 914.853 гол., — въ 1851 г. — 7.481.636 гол.. въ 1852 г. — 8.157.752, въ 1870 г. — 7.350.142 голоса) называетъ себя теперь «шартіей народнаго опроса» (*appel au peuple*). Вообще же старая идея народнаго самодержавія раздѣлила въ нашъ вѣкъ участіе другихъ самодержавій, духовныхъ и свѣтскихъ, и замѣнилась идеей о свободномъ государствѣ, — управляемомъ при всеобщемъ контролѣ и всеобщемъ участіи въ направлениі общественныхъ дѣлъ, но съ гарантіями свободы лицъ и группъ и даже политического меньшинства, — не говоря уже о разверсткѣ дѣлъ на мѣстныя и общегосударственные, изъ которыхъ каждый подлежать разрѣшенію соотвѣтственныхъ круговъ населенія. При этомъ теперь признается, что даже рациональное направлениe тѣхъ дѣлъ, которые должны быть предоставлены вѣдѣнію администраціи и законодательства, — болѣе или менѣе нѣмъ напрямъ зависящихъ отъ всеобщаго (народнаго) голосованія (т. е. большинства голосовъ) а также прогрессивность всего общественнаго развитія могутъ быть обеспечены столько же періодическимъ дѣйствіемъ этого голосованія, сколько и постоянной свободой критики и известнымъ просторомъ инициативы для лицъ и группъ, а также элементовъ политического меньшинства. То непосредственное участіе населеній въ законодательствѣ и администраціи, какое теперь вырабатывается въ Федеральной Швейцаріи, изъ древнихъ общинныхъ отношеній и новыхъ демократическихъ стремленій, на основе вышеупомянутыхъ понятій о свободномъ государствѣ и при воздействиіи широкаго народнаго образованія, а именно т. наз. инициатива и *referendum* (законодательный починъ, помимо представительныхъ собраний, и всеобщее голосованіе объ известныхъ мѣрахъ и законахъ, издаваемыхъ этими собраниями), — учрежденія, которыя, несомнѣнно приготовляютъ политическую форму будущаго всенароднаго правления, — не имѣютъ ничего общаго съ старымъ «самодержавiemъ народной воли», о которой мы должны были столько разъ оговариваться, во избѣженіе смѣшнія понятій.

этической справедливости», протестует противъ политическихъ убийствъ, совершенныхъ въ послѣдніе годы въ Зап. Европѣ и проповѣдуемыхъ ново-анахистами, и говоритъ: «культура и партия не можетъ провозглашать культуру убийства, — а убіеніе человѣка, которое неизбѣжно вынуждается обстоятельствами, есть преступное убийство и [Mord]) «Народныя расправы», (въ родѣ убіенія гр. Ламберга въ Венгріи, министра Латура въ Вѣнѣ, кн. Лихновскаго и ген. Ауэрсвальда подъ Франкфуртомъ въ 1848 г.) дѣлаются чрезвычайно рѣдкими въ политической практикѣ XIX ст. даже и при возбужденіи въ революціонное время и проявляются больше въ отсталыхъ и болѣе придущихъ монархическимъ деспотизмомъ странахъ. При этомъ замѣчательно, что самими кровопролитными народными расправами и въ наше столѣтіе явились расправы «контр-революціонныя», — какъ напр. въ первой половинѣ избіеніе польскихъ революціонеровъ польскими же крестьянами въ Галиціи въ 1846, повторившееся въ меньшихъ размѣрахъ и въ 1848 г., или участіе неаполитанскихъ лаццароновъ въ избіеніи республиканцевъ 15 мая 1848 г., повторившее въ меньшихъ размѣрахъ тамошнюю же поистинѣ каннибалскую расправу съ республиканцами въ 1799 г.

Политическія убийства, по индивидуальному или кружковому замыслу, являются еще довольно часто и въ XIX ст., — и если они теперь направляются преимущественно противъ лицъ консервативного направления, то, конечно, только потому, что власть въ это время принадлежала преимущественно людямъ этого направления. Но въ числѣ немногихъ, удавшихся въ наше время покушений на жизнь лицъ, поставленныхъ у короля власти, значительный процентъ представляютъ убийства государственныхъ людей прогрессивного направления: маршала Прима въ Испаніи и президентовъ Линкольна и Гарфильда въ С. Америкѣ. (Напомнимъ также неоднократные покушения на жизнь знаменитаго республиканскаго дѣятеля въ Ю. Америкѣ Боливара-Освободителя). Интересно, что и въ Россіи, где недавнія политическія убийства вызваны правительственнымъ гнетомъ и

жестокостями, которые напоминают гонения католицизма на протестанство, эти убийства вызвали въ свою очередь попытки уличной расправы надъ «крамольниками» и даже планы контръ-покушений на предполагаемыхъ «вождей крамолы», вертѣвшіеся въ средѣ т. наз. «Священной Дружины», — т. е. маленькия пока подобія расправъ съ протестантами въ эпоху Варѳоломеевской ночи, да конспирацій Св. Католической Лиги.

Всѣ эти факты доказываютъ, по крайней мѣрѣ, что убийства представляютъ для политическихъ партій орудіе обоюдуостroe, а потому и мало надежное для дѣла позмѣненія извѣстного политического порядка и установленія другого. Мало того, факты эти, по нашему мнѣнію, даютъ основаніе ожидать, что въ Россіи, (въ которой правительство теперь такъ напоминаетъ неаполитанскихъ Бурбоновъ) монархическая реакція, въ трудныхъ для нея обстоятельствахъ, сама прибѣгнетъ къ политическимъ убийствамъ и къ расправамъ какихъ нибудь московскихъ мясниковъ, а потому мы думаемъ, что участники организованной борьбы за политическую свободу въ Россіи, — вместо того, чтобы увлекаться обоюдустрою политикой страстей и непосредственныхъ чувствъ, должны заблаговременно приготовиться къ парализованію подобныхъ вышеупомянутымъ приемовъ реакціи: широкой пропагандой истинно свободныхъ политическихъ идей и прочной организацией для защиты свободныхъ учрежденій. (Выше, на стр. 70, уже было замѣчено, на сколько послѣдняя зависитъ отъ децентрализаціи представительного правленія).

Къ статьѣ IV, § 5. Лучшимъ примѣромъ гибельности для страны положенія, когда военный классъ, даже заключающій въ себѣ элементы либеральные, считаетъ себя въ правѣ решать политическія дѣла страны, представляетъ изъ себя Испанія, которая въ теченіе всего XIX столѣтія переходитъ отъ либеральныхъ переворотовъ къ реакціоннымъ и въ которой политическая нравственность именно военного класса, высоко поднявшаяся было во время войнъ за освобожденіе отъ Наполеона, — дошла теперь до самой низкой степени. Противоположный примѣръ представляютъ

С. Американские Соединенные Штаты, которыхъ на-
селенія, хотя и должны были во время войны за осво-
божденіе выдѣлить изъ себя военный элементъ, но
удержали его въ законной роли, постановивъ принци-
помъ своихъ конституцій положенія, въ родѣ слѣдую-
щаго: «во всякихъ случаяхъ и во всякое время во-
енная сила должна быть вполнѣ подчинена власти
гражданской и управляема ею». (§ 20 конституціи шт.
Делавера. Подобное въ конституціяхъ Массачузеттса,
Мерилендъ, Виргиніи, Сѣв. Каролины и др.).

Таковы соображенія, которые казались намъ необ-
ходимыми для разъясненія и поддержки различныхъ
положеній представленного выше проекта Устава. Въ
заключеніе считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько
словъ объ общей практической его цѣлесообразности,
относительно которой мы предвидимъ сомнѣнія даже
со стороны многихъ изъ тѣхъ, кто одобрилъ бы тео-
ретическія положенія этого проекта въ цѣломъ или въ
частности.

Нѣть никакого сомнѣнія, что проектъ этотъ, для сво-
его осуществленія, предполагаетъ организацію довольно
обширную по составу своему, энергическую и настой-
чивую по дѣятельности, и при томъ въ течениі до-
вольно значительного промежутка времени. Судя по
примѣру политической жизни другихъ государствъ Ев-
ропы, этотъ промежутокъ слѣдуетъ опредѣлить лѣтъ
въ 10—15, при достаточно еще благопріятныхъ усло-
віяхъ. Мы не обольщаемъ себя надеждою, что пред-
полагаемая нами организація можетъ сразу же стать
на столько обширною, на сколько это необходимо для
скорѣйшаго осуществленія если не всѣхъ, то хоть
важнѣйшихъ изъ намѣченныхъ въ нашемъ проектѣ
политико-соціальныхъ цѣлей. Напротивъ того, мы ожи-
даемъ, что самая сложность этого проекта, необхо-
димость для его осуществленія обширныхъ средствъ
и продолжительной дѣятельности оттолкнетъ отъ него
многочисленные ряды тѣхъ, кто, при всѣхъ добрыхъ
намѣреніяхъ, отличается свойствами, которыя необ-

ходимо должно быть развить въ населеніяхъ Россіи долгій гнѣстъ царскаго деспотизма и централизаціи: а именно съ одной стороны недовѣрчию пассивностію, а съ другой лихорадочною нетерпѣливостію, въ обоихъ же случаяхъ узко-эмпирическою практичностію.

На сомнѣнія, которые истекаютъ съ первой стороны, мы скажемъ, что все, происходящее на нашихъ глазахъ въ послѣдніе годы въ общественной жизни Россіи, показываетъ ясно невозможность для этой страны оставаться при нынѣшнемъ политическомъ и соціальномъ порядкѣ, а равно и то, что страна эта не выйдетъ изъ этого порядка (*sic!*) безъ энергического дѣйствія самаго населенія къ его измѣненію. А потому мыслящимъ людямъ въ Россіи остается или безотлагательно приступить къ такому дѣйствію, или терпѣть на себѣ и на дѣтяхъ своихъ всѣ послѣдствія своей пассивности. Не заходя далеко, — уже передъ послѣдней Балканской войной, множество людей, зрѣлыхъ возрастомъ, состоятельныхъ и влиятельныхъ въ извѣстныхъ кругахъ, сознавало необходимость большей части реформъ, которые намѣчены въ нашемъ проектѣ, и многіе даже высказали это сознаніе прямо или косвенно въ печати и въ собраніяхъ, — но только, подъ разными предлогами, не приступили къ организованнымъ и настойчивымъ дѣйствіямъ для практическаго осуществленія своихъ идей. Съ тѣхъ уже поръ прошло семь лѣтъ, — половина срока, который можно назвать періодомъ дѣятельности политическаго поколѣнія и который предложенъ нами для дѣятельности нашего политического общества!

На сомнѣнія со стороны практицизма нетерпѣливаго, который соглашается дѣйствовать только тогда, когда онъ предполагаетъ немедленное осуществленіе широкаго плана, а иногда и мечты, или же хочетъ видѣть немедленные, наглядные результаты своей дѣятельности, хотя бы направленной только на одно явленіе, или даже на одно лицо, — мы отвѣтимъ тоже указаніемъ на послѣдніе годы въ Россіи, когда столько мечтаній оказались неосуществленными и столько отдельныхъ практическихъ дѣйствій, даже моментально удавшихся, оказались въ сущности безрезультатными, потому прежде всего,

ЧТО ОНИ ЯВЛЯЛИСЬ УЗКО-ПРАКТИЧНЫМИ, НЕ СООБРАЖЕННЫМИ СЪ Цѣлюю системой дѣйствій, расчитанныхъ не на одинъ моментъ, не на одну категорію явлений. А между тѣмъ, пока разбивались мечты да совершались опыты узкаго практицизма, ушло время ничуть не меньшее, чѣмъ то, какое нужно бы было для систематического дѣйствія по плану, соображеному столько же съ реальными условиями данного времени и мѣста, сколько и съ перспективою общаго движения цивилизованныхъ странъ.

Какъ бы ни малочисленъ былъ вначалѣ кругъ лицъ, которыхъ бы задались цѣлью политической дѣятельности по подобному плану, сколь бы ни мало замѣтно было начало ихъ дѣятельности, по сознательное и неуклонное исполненіе этого плана, по истеченіи извѣстнаго времени, не преминеть повести за собою осязательные плоды, которыхъ не въ состояніи дать ни пассивная, ни торопливая эмпиричность. Повторлемъ, что и та и другая въ нашихъ глазахъ слишкомъ натуральны въ населеніи Россіи, — а потому мы напередъ знаемъ, что несмотря на то, что политическія идеи, которыхъ легли въ основаніе нашего проекта, раздѣляются весьма многими изъ нашихъ соотечественниковъ, практическая сторона этого проекта, т. е. предполагаемое нами политическое общество и его способы дѣйствій, какъ слишкомъ не похожіе на обычное поведеніе и дѣятельность различныхъ общественныхъ круговъ въ Россіи, не могутъ стать очень популярны съ разу. Но мы все таки не сомнѣваемся въ возможности усугуба предполагаемаго нами политического общества, какъ бы ни малочисленъ былъ вначалѣ составъ его, — имѣя въ виду законъ, вѣрность котораго была столько разъ оправдана въ исторіи и который очень хорошо выраженъ въ слѣдующихъ словахъ Эрнеста Ренана:

Le moyen d'avoir raison dans l'avenir est, à certaines heures, de savoir se resigner à être démodé. (Чтобъ восторжествовать въ будущемъ, нужно, въ извѣстныя минуты, иметь терпѣніе побыть не въ модѣ).

ВАЖНІЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

На страницѣ 10, въ примѣчаніи, въ 8 строкѣ снизу
пропущено:

восточная часть Екатеринославской губ.

ръядчика; Шевченко українофіли є соціалізм I, II, III. М. Драгоманова, Кілька слів про І. М. Ковальського. Е. Ч. Грунт, книжка та «пренятствія» (Листи є уваги впорядчика про новини на Україні): Спомин помершого товарища, Зубку-Кодреллу. М. Д.; Вільний земський рух в Черніговщині; Героїська самооборона соціалістів в Київі. М. Д.; Книгарські Звістки: Федералізм і соціалізм в Окситанії. Польський демократ про українство є соціалізм. Українське письменство в «Історії славянських літературъ» Пипіна и Спасовича. М. Д.; Одповіді є замітки: Українська «Громада» є «націоналізовані соціалізма» по V т. «Впереда.» Де-што про львівських народовців і соціалізм в Галичині. (З поводу брехні «Руского Сиона» є «Газети школъної»). З університетського життя в Київі. (Помилка брошюри «Мартовське дієніе студентовъ Кіевскаго університета в 1878 г.» Брехні генерала Антоновича). Ми є «Набатъ.» (Чому є як ми говоримо про «Набатъ.» Д. Молчановъ-Другъ в редакції «органа русскихъ революціонеровъ.» Примір набатської пісенітниці. Доброльбов і Пирогов. Остаточна рада «Набату»). М. Драгоманова; На увагу товаришам і землякам української є польської мови. Впорядчика «Громади».

ГРОМАДА, № 5. Женева, 1882. 6 фр.

ГРОМАДА. Українська часопись впорядкована М. Драгомановим, М. Павликом і С. Подолинським. Рік V. № 1 і 2. Женева 1881, по 2 фр.

Нові українські пісні про громадські справи (1764—1880). М. Драгоманова. (З Громади 1881 р.). Женева 1881, 3 фр.

Політичні пісні українського народу XVIII—XIX ст. З увагами М. Драгоманова. Ч I. Розд. I. 1883. 3 фр. 50.

ЛИСТОК ГРОМАДИ № 1, 1878. Видав М. Драгоманов. 1 фр.

ВІЛЬНА СИЛКА — Вольный Союзъ — La Fédération. (Безстроковий додаток до „Громади“). № 1 Женева 1881. 25 с.

Про багатство та бідність. 1876. 25 с.

Про те, як наша земля стала не наша. Лиській. 1877. 40 с.

Про хліборобство. Як де земля упорядкована і як би слід йіні держати. Лиській. 1877. 80 с.

Про багатство да бъедносъ. (На білоруській мові. Переклад з українського). Женева. 1881. 25 с.

Ukaino. (M. Dragomanov). Movimento letterario ruteno in Russia e Gallieyia. Firenze. 1873. Loecher. 1 fr.

Література російска, великорусска, українска и галицька. Українця. (М. Драгоманова). Львів. 1874.

Галицько-русське письменство. Його ж. Львів. 1876. 12 кр. ав.

Народні школи на Україні серед життя є письменства в Россії. З видань «Громади». Його ж. Женева. 1877. 3 фр.

По вопросу о малорусской литературѣ. (Панславизмъ, панруссизмъ и панмалоруссизмъ). Его же. Вена. 1876. 80 кр.

Турки внутренне и виѣшнє. Его же. Женева. 1876. 1 фр.

Внутреннее рабство и война за освобождение. Его же. Женева. 1877. 1 фр.

До чого довоевались? Его же. Женева. 1878. 50 с.

За что старика обидѣли и кто его обижаетъ? (Размышленіе по дѣлу Трепова). Его же. Женева. 1878. 50 с.

Дѣтубійство, совершающее русскимъ правительствомъ. Женщины процессы московск. соціалістовъ. Его же. Женева. 1877. 25 с.

Соловья баснями не кормятъ. Письмо къ генералу Лорису-Меликову Его же. Женева. 1880. 25 с.

Было бы болото, а черти будутъ. Его же. Женева. 1880. 50 с.

Терроризмъ и Свобода, Муравьев и Корова. Отвѣтъ на отвѣтъ «Голоса». Его же. Женева. 1880. 50 с.

La littérature Oukraïnienne proscrite par le gouvernement russe. Rapport présenté au congrès littéraire de Paris 1878, par M. Dragomanov. Genève. 1878. 1 fr.

Le tyrannicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale. Par M. Dragomanov. Genève. 1881. 1 fr.

Письмо В. Г. Бѣлинскаго къ Н. В. Гоголю съ предисловіемъ М. Драгоманова. Женева. 1880. 1 фр.

Реформы и революція. Н. Жуковскаго. Женева. 1878. 50 с.

Историческая Польша и великорусская демократія. М. Драгоманова. (Отд.оттискъ изъ «Вольнаго Слова» №№ 3—20). Женева. 1881. 3 фр. 50 с.

Діонізій III Санкт-петербургткій и Платонъ II Московскій. Его же. (Отд. оттискъ изъ «Вольн. Слова № 27) Женева 1882. 50 с.

«Народная Воля» о централизациі революціонной борьбы въ Россіи. Его же. (Отдѣльный оттискъ изъ «Вольнаго Слова» №№ 37 и 38). Женева. 1882. 50 с.

Къ біографії А. И. Желябова. Его же. (Отд. оттискъ изъ «Вольнаго Слова» №№ 39 и 40). Женева. 1882. 50 с.

Marija maty Isusowa. Wirszi Szewczenka z uwahamу M. Drahomanowa. 1882. 50 с.

Записки южно-русского соціалиста. Выпускъ первый. Ж. 1877. 1 фр.

Житътьа ј здоровја льudej на Україні. Зложив С. Подолинський. 1879. 3 фр.

Соціалисты українцы въ Австріи. С. Подолинскаго. Женева 1880. 50 с.

Ремесла ј хвабрики на Україні. С. Подолінського. Женева. 1880 2 фр.

Нац-Народольубець. Повість. Женева. 1879. 1 фр.

Хиба ревуть воли, јак јасла повні? Роман з народного житътьа. П. Мирного та І. Білика. 1880. 6 фр.

Кобзарь Т. Гр. Шевченка. (Виданьна стереотипне). Книжка перша ј друга. Женева. 1881. по 1 фр.

Историческія пѣсни Малорусскаго народа съ примѣчаніями Вл. Антоновича и М. Драгоманова, тт. I—II. Киевъ. 1874—75 (Награждено преміей Петерб. академіи наукъ). 10 фр.

Малорусскія народныя преданія и расказы. Сводъ М. Драгоманова. Киевъ. 1876. 8 фр.

Повісті Ост. Федъковича з переднім словомъ про галицько-руське письменство М. Драгоманова. К. 1876. 2 фр.

Святе Письмо Нового Завіту. Мовою русько-українською переклали вкупі П. А. Куліш и Dr. И. Пулуй. Віденъ. 1880. (в оправі) 4 фр.

Шекспирови твори. Перекладав П. А. Куліш. Том I. Львів. 1882. 7 фр.

Хуторна поэзія. П. А. Куліша. Львів. 1882. 2 фр.

Крашанка русинам и полякам. Львів. 1882. П. А. Куліша. Вид. друге. 1 фр.

670